

МИХАИЛ
КЛИКИН

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ДЕМОНЫ РАЯ

Михаил Кликин

Демоны рая

«Автор»

2011

Кликин М.

Демоны рая / М. Кликин — «Автор», 2011

Рай на земле давно построен: в роботизированных мегаполисах есть всё необходимое человечеству. Горожане не представляют, что можно жить как-то иначе. Не думает об этом и Яр Сладин. Но одна недобрая встреча рушит привычный уклад – Яр узнает, что бок о бок с людьми живут невидимые убийцы. Преследуемый призрачными демонами, он бежит за пределы родного города в дикий мир, где нужно работать и сражаться. И когда он окажется перед выбором: умереть или бороться, страшная тайна города-рая откроется ему.

© Кликин М., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	5
Часть первая: Город	8
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	54
Часть вторая: Бегство	61
Глава 6	61
Глава 7	68
Глава 8	76
Глава 9	87
Глава 10	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Михаил Кликин

Демоны рая

Пролог

Родительский день закончился. Стояла глухая ночь, и всем уже давно полагалось спать. Окна были закрыты, свет погашен, лишь у кроватей чуть теплились ночники. Они никогда не выключались, но воспитанники обмотали их штанами и полотенцами, и в спальном блоке сгустилась такая тьма, что у рассеявшихся на полу нарушителей порядка спирало дыхание и закладывало уши.

– А вот другой случай, – зловеще шептал в темноте Боня из седьмой комнаты, главный знаток страшных историй. – Один мальчик очень боялся заглядывать под свою кровать. Ему казалось, что там прячется кто-то. И вот как-то всех его товарищей куда-то увезли, а он остался в блоке один. И – раз! – свет вдруг погас, и стало темно, как здесь. Он испугался, залез под одеяло. Лежит. И слышит: “хрум-хруб, хрум-хруб”. Снизу! Из-под кровати! Негромко так: хрум-хруб! хрум-хруб! Будто бы там грызут чего... Он слушал, слушал, и ему всё страшней и страшней делалось. А у него свой комми был. Он и думает: а ну-ка попробую я сфотографировать, что там такое хрумкает. Высунулся из-под одеяла, комми вниз сунул, кнопку нажал – вспышка сработала. Мальчик опять прыг под одеяло. Смотрит на экран, что же там такое сфотографировалось. И видит... Видит...

Боня замолчал, шумно дыша.

– Что видит? – не выдержал Ярик, крепче прижимаясь к стене и стараясь не глядеть в ту сторону, где стояли невидимые сейчас кровати.

– Рожу видит, – выдохнул Боня так, словно сам эту рожу только что углядел. – Черную, страшную, без глаз совсем, один только рот здоровый с острыми зубами. Мальчик как закричит! А одеяло – дерг! – и улетело с него! Он смотрит, а эта рожа перед ним. Зубы! Рот! И ближе, ближе: хрум-хруб, хрум-хруб!..

– Сожрало его, что ли? – лениво спросил Варган из старшей группы.

– А никто не знает, – выдержав драматическую паузу, объявил Боня. – Утром все вернулись, а мальчика нет. Сиберы весь блок перерыли, весь дом обыскали – пропал мальчик. Правоохрана приехала – ничего не нашла. Только комми его на кровати лежит. И одеяло – под кроватью, сложено аккуратно. А в середине – дыра.

– Ерунда какая-то, – сказал Варган. – Куда их могли ночью возить?

– Ничего не ерунда, – возмутился Боня. – Пропал мальчик. И никто его не видел.

– А камеры что?

– В том-то и дело, что ничего... Выключились камеры, когда свет погас. Всё в блоке выключилось.

– Так не бывает.

– Иногда бывает... Только я еще не все рассказал... Комми-то мальчика остался. И фотография на нем осталась. – Боня опять противно и страшно зашептал. – Так вот – все, кто потом эту фотографию видели, на следующую ночь исчезали. А если кто-то рядом спал, то он рассказывал, будто слышал под кроватью пропавшего звук странный. Хрум-хруб. Хрум-хруб. Словно бы там грызли что-то... И фотография эта, вроде бы, до сих пор много где лежит. И её можно случайно увидеть. И тогда ночью под кроватью у тебя завопит кто-то. И ты услышишь: “хрум-хруб, хрум-хруб!”

Боня поскреб ногтями пол. Кто-то, не разобрав, что это за звук, взвизгнул.

Варган довольно засмеялся.

– А спасись-то как? – дрожащим голосом спросил Эдик из третьей. Кажется, это он и визжал.

– А никак, – сердито сказал Боня. – Давайте я вам еще случай расскажу.

– Может, хватит? – жалобно пропищал Карен из единички, но его никто не поддержал – никому не хотелось прослыть трусом.

– Давай, коротышка, рассказывай, – разрешил Варган.

– Вот слушайте...

Боня рассказал историю о порте, который, вместо того, чтобы переносить пассажиров в другой город, забрасывал их в бетонный ящик, из которого нельзя было выбраться. Эту историю знали все, так что особого эффекта она не произвела. Рассказывать еще что-то Боня отказался, сославшись на то, что в горле у него пересохло, а язык устал. Заскучавший Варган объявил, что ему пора возвращаться в свой блок. Но уходить почему-то не спешил. Да и остальные не торопились укладываться спать, хотя время было позднее. Родительский день был одним из немногих праздников, когда воспитанникам дозволялось больше обычного, и они, понятное дело, старались на полную катушку использовать предоставленную им свободу.

Слово за слово – разговор зашел о шурушаниях под кроватями и в шкафах, о призраках и прочей ерунде, в которую никто не верил, но которую все боялись.

– А давайте сфотографируем, что там под нашими кроватями! – предложил вдруг кто-то.

– Я вчера слышал, как у Махана под кроватью скреблось что-то, – тут же вспомнил Эдик.

– Уборщик, наверное, пол протирал, – хохотнул Варган. – Где Махан? Эй!

– Нет его, – сказал Ярик.

– Нет?!

– Его родители забрали на два дня.

– А-а... Повезло...

– Это Тилаю повезло, – завистливо вздохнул худосочный Зазик. – Ему мамка новенький комми подарила. Настоящий “сэй”.

– Тилай, ты тут? – моментально среагировал Варган.

– Тут, – нехотя отозвался счастливый обладатель “сэя”.

– Где комми?

– Здесь.

– Дай поглядеть.

– Зачем?

– Слышал же, сфотографировать хотим. Под кроватью. У Махана. Скреблось у него там что-то. Хрум-хруб!.. Кто сосед Махана?

– Ярик сосед! – выкрикнул Эдик, кровать которого так же стояла возле кровати уехавшего Махана, только с другой стороны.

– Вон дай комми Ярику. Пусть он и сфотографирует.

– Я не буду фотать!

– Боишься что ли?

– Нет... Просто не буду...

– Трус!

– Трусит, – поддакнул Эдик, страшно боясь, что комми и жуткое поручение могут достаться ему. – Трус, трус!

– Не надо фотографировать, – заступился за Ярика Боня. – Вдруг там и правда чего прячется.

– Еще один! – презрительно фыркнул Варган. – Лужи под собой вытрите! И штаны поменяйте!

Кто-то из малышей хихикнул.

– Я не боюсь, – возмутился Ярик. – Еще чего!

– Вот и докажи!..

После недолгих споров и подначек комми Тилая все же перешел Ярику в руки. И хотя он еще отпирался, продолжал упорствовать в своем нежелании лезть под кровать Махана и даже просто к ней приближаться, всем – и ему самому – было ясно, что иного выхода у него нет.

– Свет хотя бы включите, – попросил Ярик, тиская непривычно большой и приятно бархатистый корпус настоящего взрослого комми.

– Со светом любой дурак сможет, – хохотнул Варган. – Трусишь, да?

– Нет, – угрюмо сказал Ярик и поднялся на ноги.

Ребята вокруг зашевелились, выпуская его из круга. Все притихли, затаили дыхание, глядя на подсвеченное экраном комми лицо Ярика.

– Не надо, – сдавленно шепнул Боня, но на него зашипели со всех сторон: молчи, мол, а то сейчас сам туда отправишься!

Ярик помедлил чуть, еще надеясь на что-то, а потом зажмурился, мысленно попросил у Создателя защиты, и шагнул вперед. Удивительное дело, как темнота изменяет пространство: только что он был рядом с товарищами – и вдруг оказался в абсолютном одиночестве. Шаг, второй, третий – и словно за десятки миль от приятелей удалился; кабина порта точно так же работает: только шагнул в нее, и ты уже в другой город перенесся, на другой конец мира – слава предкам, строителям городов!

Ярик крепко сжал комми, посветил им себе под ноги, попробовал посветить назад – но ничего не увидел. Тесная спальная комната вдруг представилась ему огромным бетонным ящиком: бункером или подвалом, из которого нет выхода. Вокруг – мертвые тела и сухие кости предшественников.

– Эй, – тихонько сказал он, пугаясь своего голоса.

Никто не отозвался.

Он остановился, ругая себя за задержку, но не смея двинуться дальше. Закусил губу. Эх, сделать бы всё быстрее – и сразу назад, в компанию, смеяться, хихикать со всеми, разглядывать подкроватную фотографию и тыкать пальцем: гляди, гляди, это же не тень, это же та самая морда! Что, страшно?! А я не трус, нет! Я же вам всем доказал! Не трус!

Ну что за пустяк, действительно: подойти к кровати, наклониться и нажать кнопку комми. Не обязательно даже искать кровать Махана – всё равно никто её не опознает.

Главное, не думать про хрум-хруб. Про слепую черную рожу с зубами. Про одеяло, аккуратно свернутое, но с дыркой в середине.

Ярик встряхнулся, скрипнул зубами, заставил себя вспомнить сегодняшнюю обиду: почему никто из родителей к нему не приехал, ни мама, ни её мужья? Ко всей группе приехали, к каждому, – а к нему одному – нет. Что это за родительский день такой? Тилаю мама даже взрослый комми подарила, настоящий “сэй”. А ему никто ничего не подарил. Вот он тест на гражданство сдаст, выпустится из дома, работать начнет – обязательно себе такой же “сэй” купит! Сразу же! Первым делом! Чтоб и с камерой, и с навигацией, и с чатами, и с кошельком...

Ярик ткнулся ногой в кровать, и сердце будто оборвалось. Ясно представилось, как тянется к нему сейчас когтистая лапа, царапает пол: хрум-хруб! хрум-хруб!

Быстрее! Быстрее!

Пустяковая глупая обида моментально забылась, желание заполучить взрослый комми исчезло – страх навалился на Ярика, взял его за горло. Мальчик упал на колени, опустил комми на уровень пола, сильно надавил нужную кнопку.

Щелк!

Неожиданно громкий звук сработавшего фотоаппарата почти оглушил его. Белый свет вспышки плеснул под кровать. И Ярик увидел там нечто затаившееся: жуткое и бесформенное, черное и слепое – точно, как рассказывал Боня. Ярик закричал, отшатнулся, опрокинулся и, ударившись затылком об пол, потерял сознание.

Часть первая: Город

Глава 1

– Вам осталось жить три недели, – голос доктора был холоден и бесстрастен; казалось, это медицинский сибер зачитывает диагноз-приговор. Но нет – Яр заплатил втрое больше для того, чтоб его принял человек. Когда дело касалось его персоны, Яр предпочитал иметь дело с людьми, хотя многие считали, что с сиберами общаться куда проще.

Может, конечно, и проще, но разве от сибера дождешься настоящего понимания? Нет, разумеется. Никогда и ни за какие деньги.

– Пока вы неплохо себя чувствуете, – продолжал доктор. – Но дней через десять болезнь перейдет в острую фазу. Вы сляжете и уже не подниметесь.

– И что же мне делать? – Яр дрожащими пальцами застегивал перламутровые пуговицы на стопоинтовой сорочке “Гайо”.

– Прежде всего, не надо так волноваться, – голос доктора чуть потеплел. – Болезнь ваша на данном этапе замечательно лечится, прогноз максимально благоприятный. Несколько несложных процедур – и вы можете забыть о недуге. Оформить вам счет на лечение?

– Да, конечно, – Яр разглядывал свои потемневшие ногти. – Вы уверены, доктор, что ничего страшного нет?

– Абсолютно! Лечиться желаете у нас?

– Наверное.

– Тысяча двести поинтов, из них триста – стоимость самой процедуры. Это очень недорого, поверьте мне.

– Хорошо, я согласен.

– Деньги переведете сразу? Тогда будет приличная скидка.

Яр смутился:

– Я сейчас не могу... Я оплачу из дома. Как только вернусь. Незамедлительно... Понимаете, мой комми опять...

– Как вам будет угодно! – Доктор не собирался выслушивать неловкие оправдания пациента. – Прошу в процедурную. Там вами займутся.

* * *

Операция прошла совершенно незаметно. Яру запомнился только клонящийся к нему поблескивающий прибор, весь состоящий из переплетенных трубок. Потом был сон, полный зовущих шепотков и разноцветного колыхания. В беспомощности Яр провел двадцать пять минут – это он выяснил позже. Еще час он пролежал в палате под присмотром похожего на стального кальмара сибера. Сверкающие щупальца шевелились над койкой, в выпуклых глазах отражалась скупая стеклянная обстановка – Яр старался не замечать вооруженного медицинскими приспособлениями стража и игрался с комми.

– Как себя чувствуете? – спросил заглянувший в палату доктор. – Вижу, что хорошо. Головокружения нет? Боли не беспокоят? Ну, тогда собирайтесь.

Яр отложил комми, осторожно приподнялся на локтях, медленно повернулся, опустил ноги на теплый пол. Всё, вроде бы, было в порядке.

– Мы запустили в ваше тело крохотного мед-сибера. Он будет следить за состоянием вашего организма, синтезировать лекарственные вещества и доставлять их точно в те места,

где они необходимы. Обязан вас предупредить, что при прохождении курса могут возникнуть некоторые... э-э... побочные эффекты. Неприятные головокружения, кратковременные приступы тошноты. Могут иметь место небольшие проблемы с восприятием. То есть, вы станете ощущать, например, запахи, которых на самом деле нет. Или слышать несуществующие звуки. У отдельных больных случаются и зрительные галлюцинации. Поэтому будьте осторожны...

Яр слушал и неторопливо одевался.

– Первый этап лечения продлится год. Потом мы должны будем сменить мед-сибера, и он приступит ко второму, заключительному этапу, который продлится ровно восемь месяцев. Так что я с вами не прощаюсь. Через год мы вас ждем. Координаты ваши у нас есть, мы обязательно пришлем напоминание и вызов.

Яр кивнул, взял в руку комми, коснулся экрана позолоченным кончиком потемневшего от болезни ногтя, открыв закладку органайзера. Пролистнул год и надиктовал, наблюдая, как зеленая строчка наполняется белыми буквами:

– Зайти в клинику, сменить сибера для продолжения лечения. Обязательно! – Строчка сменила цвет на красный.

– Визит ни в коем случае не откладывайте! – строго сказал доктор. – Иначе болезнь вернется в еще более острой форме. И тогда я уже ничего не смогу гарантировать!

– Очень важно, – сообщил Яр органайзеру, и тот поставил на записи отметку двойной важности.

– Приходите в любое удобное для вас время, – добавил доктор. И, кивнув на комми, назвал его:

– “Сэй двенадцать”. Стильная штучка.

– Да, – одними губами улыбнувшись, согласился с ним Яр. – С детства о таком мечтал.

– У меня был весь модельный ряд ”сэев”. Но теперь я предпочитаю “лесды”. Видели пятую модель?

– О, конечно. Симпатичный внешний вид, и наполнение впечатляет. Но я предпочитаю более строгий, классический дизайн. – Яр подумал, что его слова могли неприятно задеть доктора, и потому поспешно добавил: – Но, говорят, “лесды” очень надежны. Не то что “сэйи”. Вот мой иногда теряет сеть. То совсем ее не видит, то часть сервисов становится недоступна. Не знаю, в чем дело. Менять совсем не хочется, а ремонт встанет очень дорого.

– Ремонт не выгоден. Вы же понимаете.

– Конечно понимаю...

Они расстались почти друзьями.

“Ну разве можно так поговорить с сибером?” – думал Яр, выходя на улицу.

Настроение его стремительно улучшалось. Да и физически он себя чувствовал много лучше, чем пару часов тому назад.

* * *

Мир – это необозримая бесконечная Вселенная, по которой неровными песчинками рассыпаны гигантские звездные системы. Одна из них называется Галактикой, что переводится с древнего языка как “млечный”. На краю Галактики расположено Солнце – желтая звезда, вокруг которой вращаются восемь планет. Жизнь возможна только на третьей – на Земле. Долгий путь запущенной Творцом эволюции, пройдя множество этапов, завершился созданием человека – разумного существа, умеющего менять окружающий мир для удовлетворения своих потребностей. Стремление к лучшей жизни сплотило разобщенных, разбросанных по планете людей, собрало их вместе – так возникли Города – места, идеально приспособленные для существования человечества.

Этому учили в домах воспитания.

И это было правдой.

В тридцати шести мегаполисах жило всё население планеты.

В городе Оске жил Яр.

Ему исполнилось тридцать восемь лет, он был молод, а потому не слишком опытен в житейских делах. Он много чем увлекался, но никогда не думал о том, чтобы посвятить себя какому-то одному занятию. Примерно раз в полгода он менял работу – не потому, что находил более выгодные условия, а потому, что на старом месте ему становилось скучно.

Скука была главной проблемой его жизни. Именно на борьбу с ней Яр тратил почти все свои деньги. У него было три жены – Мая, Алета и Ольша; он владел большой шестикомнатной квартирой; он мог пользоваться неограниченными кредитами в двух банках. Иногда Яру казалось, что в его жизни должен быть какой-то особенный смысл. И тогда скука вдруг сменялась тоской – и это было так страшно и так неприятно, что Яр спешил выпиться.

– Смысл жизни в самой жизни, – убеждали его друзья, постоянно присутствующие в комми. – В твоей работе, в твоих женах, в благодарении Создателя. В каждом твоём движении, в каждом слове и даже в каждом сомнении.

Яру хотелось поспорить, но он не знал, как – и потому соглашался.

– А в жизни нет никакого смысла, – вклинивался в разговор кто-то смутно знакомый. Но его тотчас оттирали, лишая слова.

Пьяного Яра почему-то тянуло в семью. И он долго собирался, путаясь в брюках, отутюженных домашним сибером “Бьорн”, потом спускался к такси и отправлялся к Мае, Алете или Ольше. У них он плакал, потихоньку трезвея, затем они несколько раз делали любовь, стараясь не слишком торопиться, а в перерывах делились несвежими новостями – новости очень быстро старились, и потому не имели особого смысла.

В семье пьяному Яру было хорошо. Но стоило ему протрезветь окончательно, и он начинал собираться домой. Долго гостить у жены было неприлично. Супруги могли наскучить друг другу, или помешать каким-то планам – а так и до развода недалеко.

– Когда тебя ждать? – спрашивала Мая, Алета или Ольша, провожая его до двери.

– Через два дня постараюсь зайти, – отвечал он, сверяясь с органайзером.

– Я тебя люблю. – Она целовала его в губы.

– Я тебя тоже. – Он обнимал ее, не отрывая взгляда от экрана комми.

Улица встречала его шумом. По матово-черному дорожному покрытию шуршали колеса такси. Цокая голыми пятками по бетону тротуаров, вышагивали антропоморфные сиберы. Со стен зданий бросались вниз голографические призраки, выкрикивали рекламные слоганы. Озабоченные люди, прижимая пальцы к горлу, непрерывно вели беседы со своими комми, перебегали от домов к парковкам такси, от такси к подъездам. Иногда они сталкивались, поднимали глаза друг на друга, улыбались смущенно:

– Извините, пожалуйста.

– Это я виноват, ничего не замечаю.

– Ну что вы...

У каждого в ушах гремела музыка, и звучали чужие голоса, каждый был занят – но они всё же находили время на то, чтобы остановиться и принести извинения за свою неловкость.

Яр улыбался им. Кивал:

– Здравствуйте! Ничего страшного...

Среди встречных незнакомцев могли быть люди, с которыми он где-то когда-то знакомился. Возможно, они общались в каком-нибудь тематическом чате, или были членами одного игрового клана, или работали в соседних офисах, по сто раз на дню исправляя один и тот же документ.

Они все были соседями. Жителями одного города, одного мира.

– Яр, ты здесь? – вопрошал комми.

- Да-да. Привет, давно не виделись.
- Как у тебя дела?
- Нормально. Только что был с Алетой.
- О! Передавай ей привет.
- Обязательно.
- Рад был увидеть.
- Взаимно.

Вздымающиеся стены сдавливали пространство, членили его на квартиры. Прямые магистрали резали город на кварталы. Стеклопакеты пронзали здания, лучами устремляясь в отдаленные районы. Вились сложные спирали развязок. Карабкались друг на друга стальные мосты. Многоуровневый город был похож на стол средневекового алхимика, заставленный, заваленный колбами, пробирками, ретортами, змеевиками, перегонными кубами – в них постоянно что-то кипело, булькало, ворочалось; не что-то – а жизнь.

Здесь всё было рядом, всё было под рукой. Только выйди из дома – и подхваченный транспортом за считанные минуты перенесешься туда, куда пожелаешь.

А если не хочешь выходить, если лень, если трудно – пожалуйста, всё что угодно доставят на дом: принесут, распакут, соберут, установят, покажут, научат – слава предкам, строителям городов!

- Идеальное место для жизни человека.
- Уютное гнездо человечества. Искусственно созданный кокон.
- Один из тридцати шести.
- Город.
- Сити.
- Рай.

* * *

Два дня Яр не выходил из дома, лечился. Мягкий урчащий диван “Гальо” нежил его обнаженное тело. Огромный экран развлекал и не давал сосредоточиться на ненужных и неудобных мыслях. Акустические системы “Фоннэк”, скрытые в стенах, наполняли комнату плотным саундом – Яр бездумно смотрел новости, куски фильмов, рекламные ролики, хронику, музыкальные клипы. Он переключал каналы, пытаясь найти что-нибудь интересное и легкое, и никак не мог остановиться: ему казалось, что дальше будет более интересная, более увлекательная программа. В конце-концов бесконечное щелканье надоедало ему. Тогда он снимал со стены профессиональный джойстик серии “Зи Тайгр”, надевал его на руки и подключался к первой попавшейся игре. Свет в комнате мерк, свечение экрана, наоборот, делалось ярче и насыщенней, тут же включались дополнительные панорамные мониторы, акустические системы исторгали воодушевляющий рев – и Яр оказывался в центре событий, требующих немедленной реакции.

- Это могли быть гонки со стрельбой.
- Или рукопашная схватка на ринге.
- Или средневековое сражение.
- Или бой с космическими демонами.
- Всё, что угодно...

Два дня провалился Яр на диване, вставая лишь для того, чтобы сходить в туалет и принять заказанную еду. Он говорил себе, что это безделье – награда за визит в клинику, за начатое лечение. Он верил, что отдыхает – но к вечеру второго дня он настолько устал от такого отдыха, что выключил всё, что мог выключить, и целый час лежал в мертвой комнате, слыша

только уличный шум, тихую возню автономных домашних сиберов и глухое буханье соседской музыки.

Потом проснулся комми, завибрировал, заверещал истошно.

Яр вскочил, схватил орущий гэджет, даже не посмотрев на экран:

– Да?

– Привет, милый! Ты где пропадаешь? Второй день не могу до тебя достучаться.

Это была Ольша.

– Я?.. Дома... – Сердце колотилось так, что Яру захотелось прижать его локтем. – Два дня дома.

– С тобой всё хорошо?

– Да... Теперь, да. Теперь нормально.

– Что значит “теперь”? – Она надула губки.

– Я был в клинике. Помнишь, я говорил тебе, что плохо себя чувствую?

– Нет, не помню.

– А, извини! Это я Мае говорил.

– Она тебя еще не бросила?

– Нет.

– Она не любит тебя.

– Это ты ее не любишь.

– Да, не люблю. И ты отлично знаешь, за что... Так что тебе сказали в клинике?

– Буду жить, не волнуйся. Но если б я к ним не пришел... Боюсь, через пару недель ты стала бы вдовой.

– Шутишь?

– Ничуть.

– Шутишь! – Ольша заулыбалась. – Я знаю, ты сейчас просто хочешь побыть один. На тебя такое находит. Вот и придумываешь разные отговорки. Или у тебя появился кто-то еще? Ты что, опять влюбился?

– Нет же! – Яр поморщился.

– Я волнуюсь. Ты уже неделю не отмечался в дневнике, а твой комми почему-то не отвечает.

– Он сломался и иногда теряет сеть.

– Купи новый.

– Не хочу. Я так долго искал этот.

– Тогда сдай его в ремонт.

– Но большую-то часть времени он работает!

– Ну, я тогда не знаю... – Она дернула плечиком. – Поступай, как хочешь... Мне нужно тебя увидеть, милый. Я соскучилась. Можно я приеду к тебе?

– Когда?

– Завтра.

– Не знаю... – Яр колебался.

– Ну что случилось? Ты не один сейчас?! Ты не один! Я чувствую!

– Прекрати! Что за чушь? Я совершенно один! – Яр отвернул от себя комми, обвел им вокруг, показывая жене, что в комнате кроме него никого нет.

– Я пожалуюсь Алете!

– На что?

– На тебя.

Яр вздохнул. Заставил себя успокоиться. Сказал:

– Приезжай послезавтра. Утром. А завтра я начну приводить себя в порядок. Я болел и плохо сейчас выгляжу.

– Хорошо, милый, – выдержав паузу, обиженно произнесла Олыша – У меня к тебе будет очень серьезный разговор, готовься. И я тебя люблю.

– Я тебя тоже.

Они одновременно чмокнули камеры комми и завершили связь.

* * *

Утра началось с приветствия ви-тренера. Он вышел из матовой глубины стены-экрана, насвистывая какой-то древний мотив и подпевая себе: «Эй-хей, моя малышка...»

Яр открыл один глаз и протяжно зевнул.

Тренер прекратил петь, язвительно посмотрел на него и захлопал в ладоши:

– Подъем, лежебока! Хватит нежиться! И даже не думай уползти от меня под одеяло! Я всё вижу!

Ви-тренер был обычной программой – точно как несуществующие космические демоны, которых Яр крошил вчера из несуществующего плазменного орудия. Но ви-тренер был куда их страшнее.

– Я встал, – сказал Яр, неохотно выбираясь из-под одеяла. – Я готов.

– Замечательно! – бодро отреагировал тренер. – Я не видел тебя уже четыре дня, а, значит, сегодня ты получишь хорошую порцию дополнительных нагрузок.

– Я болею, – заметил Яр.

Тренер озабоченно нахмурился и посмотрел на свой комми, закрепленный на запястье – модель “легат сильма”, спортивный вариант. Спросил:

– Ты обращался в клинику?

– Да. Центр “Мэжик-Медик”. – Яр сверился с органайзером и назвал код медицинского учреждения. Тренер помолчал, водя кончиком пальца по экрану своего “легата”. Кивнул удовлетворенно, отыскав в сети подтверждение:

– Действительно... Но физические нагрузки тебе, напротив, показаны.

– Я плохо себя чувствую.

– Ну, хорошо, – согласился тренер и скорчил такую мину, будто залпом выхлебал миску кислого азиатского соуса. – Значит, сегодня у нас будет малый степ-комплекс. Тот, что я даю стосорокалетним старикам. Тебе не стыдно?

– Нет, – сказал Яр.

– Тогда приступим! Будь внимателен и повторяй за мной!..

Они начали с разминки, которая завершилась прыжками, потом перешли к силовым упражнениям.

– Ты обязан следить за телом, – отжимаясь на одной руке, с придыханием приговаривал тренер. – Только здоровое тело красиво. А кто не хочет быть красивым? Ты? Я? Нет! – Тренер отдувался, потел и выглядел усталым – но, как любая программа, настоящей усталости он не знал – и это раздражало действительно утомившегося Яра.

– Заткнись, – сказал Яр, и тренер, укоряюще глянув в комнату, замолчал.

Потом они молча бежали на беговых дорожках. Тренер тихо старательно пыхтел, а Яр, сбавив скорость до разрешенного минимума, читал ленту новостей с экрана лежащего перед ним комми.

Звезда сериала “Дом старого Марти” Леси Лесбос вышла замуж за Марта Имельта, никому-дышного актеришку, который известен лишь потому, что не желает выводить отвратительные рыжие волосы с плеч и спины.

Дара Матти, столетняя дива, сделала очередную операцию и вошла в историю как первый человек, чей вес более чем наполовину состоит из веса искусственных органов и частей тела.

Прелестница Жу Ди разместила в своем дневнике-блоге подробный рассказ о постельных забавах с Фрэнком Артом и Эшем Лавертом; там же можно найти особенно пикантные эпизоды ее домашнего видео.

Фил Атт и Гай Тэснер в очередной раз подрались и опять расстались – теперь уже, кажется, навсегда. Как и в прошлый раз.

Смэш Ли Феникс, так же известный как “Выродок”, нокаутировал бокс-сибера “Ти-Рекс” во втором раунде...

– На сегодня достаточно, – сказал тренер, возвращая Яра к реальности. – Надеюсь, завтра увидимся. И не налегай на еду! Я дал новые указания Кулинару!

– Пока, – сказал Яр и остановил бегущую ленту.

До одиннадцати часов он успел переделать множество дел: принял ароматический душ, плотно позавтракал, проглядел финансовые сводки, пополнил холодильник, заглянул в виртуальный офис, где завершил отчет о проделанной работе и отправил его на согласование. Явившийся Интерактивный Секретарь напомнил, что в ближайшие три дня необходимо выполнить обязанности гражданина. Яр, поблагодарив Секретаря и обругав себя, тут же подключился к системе городского управления. Он наугад проголосовал против трех стоящих в очереди проектов. Один касался строительства новой трассы в восточной части города. Второй предлагал ввести налог на все товары, доставляемые из Ньюсити. В третьем проекте говорилось что-то о домах воспитания – но так невнятно и скучно, что Яр не дочитал его до конца.

В восемь минут двенадцатого Яр покинул квартиру.

Его комми, сортируя список запланированных дел, уже вычерчивал оптимальный маршрут дня: сперва салон красоты, потом солярий, галерея мод-искусств, ресторан “Идальго”, сервисный центр “Сэй”, зал развлечений, аквапарк. Яр еще спускался на скоростном лифте, а ближайшее такси, приняв от комми сформированную программу, уже втягивало в днище контакт подзарядки и задним ходом выбиралось из парковочного слота, готовясь подобрать пассажира, как только он появится на улице. Когда Яр сел в машину, администратор салона красоты “Тай” получил сообщение о скором прибытии постоянного клиента. В этот же миг в ресторане “Идальго” над одним из столов зажглась надпись “Заказан на 15.50”...

Яру и в голову прийти не могло, что его спланированный день вот-вот сломается самым чудовищным, невообразимым образом. И дальше вся его жизнь пойдет совсем не так, как записано в органайзере.

* * *

– Слышали новость про Лайту Шан?

– Какую именно?

– Она ждет ребенка.

– Подумать только! Я думал, она стерилизована.

– Оказывается, нет.

– И кто отец?

– Говорят, риччи Аххель Дин. Помните такого? Пять лет назад его шоу было очень популярно...

Яр смотрелся в зеркало. Улыбающийся говорливый мастер приводил в порядок его прическу, орудуя не столько инструментами, сколько пальцами. Яр нежился. Ладони его мокли в теплых ванночках, массажный воротник ласково млял шею.

– Да, я несколько раз пытался смотреть это шоу, но почему-то оно меня не заинтересовало.

– Наверное, надо было сделать над собой небольшое усилие. Первые минуты новому зрителю оно действительно кажется неинтересным. Но стоит вникнуть в суть взаимоотношений,

стоит понять, какая история стоит за каждым персонажем – и тогда уже не можешь оторваться, вытягиваешься и ждешь продолжения. Да, это была феерия! Прелесть! Теперь таких шоу не делают... Вам осветлить волосы?

- Полностью полагаюсь на ваш вкус.
- Я бы советовал чуть-чуть осветлить. Отдельными прядками.
- Хорошо...

Прикосновения мастера были приятны, и Яр подумал, что с таким человеком, наверняка, может получиться очень чувственная любовь.

- Извините, как вас зовут?
- Шенворт. Друзья называют меня просто Шеном.
- Мне очень нравится, как вы работаете, Шен.
- Спасибо. Просто мне по душе моя работа. Вот и получается, что я тружусь с душой.

А клиент это всегда чувствует.

– Редко можно встретить человека, который доволен своей работой. Я сам перепробовал множество мест, но нигде не задержался дольше, чем на пять месяцев.

- Возможно, когда-нибудь вы найдете то, что и вам придется по душе...

Мастер отступил от Яра, придирчиво осмотрел его затылок. Широко шагнул в сторону, склонил голову на бок, прищурился, поцокал языком. Подошел к облитому пластмассой подоконнику, взял пульверизатор – и застыл, глядя на улицу.

- Подумать только, – пробормотал он удивленно.
- Что там? – спросил Яр, вытягивая шею, и пытаясь хоть что-то увидеть в зеркале.
- Какой-то безумец на дороге. Может, пьяный?
- Лежит?
- Идет. Довольно быстро. Озирается по сторонам. Нет, вроде бы, не пьяный. Или... Всё.

Пропал. За машинами не видно.

- Откуда только такие берутся?
- Совершенно непонятно.
- Очевидно, он дикий. Из домов воспитания такие не выходят.
- Знаете, – мастер смущенно улыбнулся, – а ведь я тоже дикий.
- Да? – Яр смутился не меньше. – Извините. Я не хотел вас обидеть...

После того, как прическа была закончена, в зал вернулась девушка-маникюрша. Она работала сноровисто, но молча и без души, и Яр с досадой подумал, что девушку эту с тем же успехом мог бы заменить любой стайл-сибер.

Завершив намеченные процедуры, расплатившись, выпив чашку горячего шоколада и перекинувшись парой слов со знакомым администратором, Яр вышел из салона и направился к стоянке, где его дожидалось сибир-такси.

В пояском чехле тихо пискнул пробудившийся комми, и желтый мобиль, потерявшийся среди своих братьев-близнецов, издали мигнул фонарями и разблокировал дверь.

Яр перешагнул бордюр тротуара, наступил на ярко-желтую полосу магнитной разметки. Такси стояли необычайно плотно, было их здесь, наверное, около сотни. Их округлые спины лоснились, в выкаченных глазах-камерах отображался искаженный выпуклый мир, за близкими темными стеклами таилась тьма – и Яру сделалось не по себе. Ему представилось, как собравшиеся вокруг него мобили вдруг ожили дружно, тихо зарычали на него, вперились зрачками открывшихся диафрагм, перемигнулись фонарями, – и зашевелились, задвигались, будто стадо неповоротливых древних животных, заскрипели, заскрежетали боками, разминая, растирая меж ними все, что мягче металла и пластика.

Яру захотелось выскочить из окружения машин.

Он остановился, оглянулся.

Тротуар был далеко. Мобили заслонили его своими горбатыми спинами. Казалось, что прежде они стояли свободней. Неужели сомкнулись, пока он на них не смотрел?

Да они же следят за ним!

Яр задохнулся от внезапного озарения и схватился за комми. Его мотнуло, и он налетел на холодный борт чужого такси. Отшатнувшись в испуге, он ударился о другую машину, запнулся о колесо. Под ногой что-то неприятно хрустнуло.

Яр отскочил, посмотрел на бетон.

Там была птица.

Мертвая птица, раздавленная его ногой.

Откуда? Птица?! Невероятно!

Он вдруг всё понял – это галлюцинация! То самое, о чем предупреждал доктор! Побочный эффект начавшегося лечения.

Под судорожно сжавшейся рукой глухо пискнул комми. Стоящее в метре такси повторно мигнуло фонарями, зажгло в салоне свет и приоткрыло дверь. Яр прыгнул к нему, намереваясь как можно скорей заскочить внутрь. Но какая-то страшная, отвратительно пахнущая фигура выросла у него на пути. Крепкие пальцы больно схватили плечо, рванули вперед, разворачивая на месте. Что-то твердое и острое ткнулось в правый бок.

– Не дергайся!

Яр выгнулся, захрипел – сгиб чужого локтя сдавливал ему горло. Отвратительный близкий запах скрутил желудок – Яр подавился жгучей рвотой.

– Быстро! В машину!

Его ударили по затылку, потащили. Он вяло сопротивлялся, он ничего не понимал, он был оглушен происходящим. Трещала одежда, правому боку было мокро, по ноге текло что-то горячее.

– Где ты живешь?

Его запихнули в такси, умяли, прижали.

– Где ты живешь, я спрашиваю!

Яр не мог ничего ответить. Измазанный рвотой подбородок трясся, губы дрожали.

– Где ты живешь? Отвечай! Да приди ты в себя! – Его встряхнули. – Ничего я тебе не сделаю, если будешь меня слушать!

Отчетливо щелкнул замок двери. Такси начало осторожно выбираться со стоянки.

– Куда ты сейчас едешь? Домой? Куда?! Говори!

– Нет, – выдавил из себя Яр.

– Что – “нет”? Не домой? А куда?

– Сол... Сол... – Яр заикался и пытался вытереть рот.

– Ты живешь один?

– Д-да...

– Хорошо. Где?

– Тут... рядом...

– Ну наконец-то заговорил. Поворачивай к дому!

– Что?

– Ты всё понял, я вижу. Ни в какой “сол” мы уже не едем. Мы едем к тебе домой. – Вонючий незнакомец чуть отстранился, поднял руку. Перед глазами Яра блеснула сталь, испачканная красным. – Понимаешь, что это такое?

Яр понял, и глаза его начали закатываться. Но увесистый шлепок по скуле не дал ему отключиться.

– Делай, что я скажу, и тогда всё будет в порядке. Понял?

Яр дернул головой.

– Я тебя спрашиваю, ты понял? Отвечай, как следует!

– Да... – выдохнул Яр. – Я понял.
– Хорошо... А теперь поворачивай машину. Мы едем домой.
Яр кивнул и дрожащими пальцами раскрыл комми.
– Даже не пытайся меня обмануть, – угрюмо предупредил незнакомец и прижал острие ножа к шее Яра.

* * *

Рана в боку была пустяковая – так считал человек с ножом.
“Это ерунда, – сказал он, ухмыляясь. – Обычный порез”.

Яр не считал, что такой порез может быть обычным. Но спорить не собирался. Он лихо-радочно пытался понять, что же ему теперь делать.

До дома они добрались за считанные минуты. От стоянки до подъезда добежали в несколько секунд. Человек с ножом прятал свое оружие под одеждой, а свободной рукой крепко держал Яра за локоть.

– Закричишь – убью, – тихо напомнил он у самого подъезда.
Он не угрожал. Он просто констатировал. И оттого слова его были вдвойне страшней.
Дверь, опознав в Яре жильца, открылась.
– Пойдем по лестнице, – тут же сказал человек с ножом.
– Я живу на восьмом этаже, – ужаснувшись, попытался возразить Яр.
– Никаких лифтов, запомни. Эти твари только и ждут, что мы зайдем в кабину. На лестнице безопасней.

Они поднимались долго, дважды делали остановки для отдыха. Яр цеплялся за грязные перила и старался не оглядываться, чтоб не видеть алых комочков в серой пыли. Это была его кровь, и ему казалось, что он разваливается, рассыпается на ходу. Его мутило.

Лестничные пролеты были захламлены строительным мусором и ненужными вещами. Даже сиберы-уборщики заглядывали сюда нечасто, что уж говорить о людях.

– Как тебя зовут? – неожиданно спокойно спросил человек с ножом.
Яр неохотно назвал.

– А я Гнат. Впрочем, с недавних пор я отказался от имени и стал называть себя Зрячим.
– Вы – дикий? – вырвалось у Яра.
– Что? – удивился человек с ножом. И, поняв вопрос, помотал головой. – Нет, я не дикий. Как и все, я до шестнадцати лет рос в доме воспитания.

– Я сегодня видел дикого, – пробормотал Яр. – Он совсем на вас не похож.
Гнат хмыкнул:
– Найти кого-то, кто был бы на меня похож, очень непросто. Поверь, я давно пытаюсь...
Квартира встретила их ярким светом и тихой музыкой; известила хозяина о поступлении новых писем, предложила зачитать.
– Не надо, – быстро сказал Яр.
– А ты неплохо устроился, – озираясь, пробормотал Гнат. – Когда-то и у меня было нечто похожее. Но посмотри теперь на меня...
Яр посмотрел.
Гнат выглядел отвратительно: заросшее, серое от грязи лицо, свернутый налево приплюснутый нос, корка высохшей крови на правой щеке, волосы, висящие неопрятными, липкими на вид прядями. И одежда не лучше: перепачканный рваный свитер, широкие вытертые брюки, совершенно чудовищный платок, наброшенный на плечи...
– Ну чего уставился? – тут же ощерился Гнат – зубы у него оказались хорошие, белые и ровные. – Пожил бы, как я...
Яр отвел глаза.

Они прошлись по всем комнатам – на этом настоял Гнат. Он не отпускал от себя хозяина квартиры и заглядывал во все углы, в каждый шкаф, за каждую занавеску. В правой руке он держал нож – держал каким-то особенным хищным образом, так, что становилось ясно: не пищу он собрался резать, и не пакеты вскрывать. Он будто ждал нападения – из затемненного угла, из шкафа, из-за шторы – и готовился это нападение отразить.

– Я живу один, – осторожно напомнил ему Яр.

– Откуда тебе знать, – пренебрежительно отозвался Гнат.

Конечно же, он никого не нашел. И, кажется, немного успокоился.

– Надо закрыть дверь. – Он потащил Яра в прихожую.

– Она уже заперта.

– Ерунда!.. Помогай!..

Они перевернули обувной шкафчик, подвинули его к вплотную к двери. Сверху водрузили тяжелое кресло и сорванную со стены полку, воткнули в завал несколько стульев, обмотали всё клейкой лентой, промежутки забили одеялами и подушками.

– Теперь не пройдут, – удовлетворенно сказал Гнат, отступая от забаррикадированной двери. – По-крайней мере, не сразу.

“Он безумец, – догадался Яр. – Он сошел с ума”.

Опять накатил дикий парализующий страх.

Чего можно ждать от вооруженного ножом безумца? Да чего угодно! С ним невозможно договориться, его нельзя ни в чем переубедить. Спор, уговоры, увещевания могут вызвать ярость. Любое действие или бездействие может быть неверно им истолковано – и тогда...

Яр застонал, привалился к стене.

– Бок болит? – участливо спросил Гнат.

– Да... Немного...

– Извини, что я тебя так... Мне нужно было срочно оттуда убраться.

– Ничего... Сам говорил, что рана пустяковая.

– Да. Обычный порез. Но для тебя, наверное, всё происходящее – настоящий шок.

– Похоже, что так.

– Ты зря не волнуйся. Я не сделаю тебе ничего плохого. При условии, что и ты против меня ничего не задумаешь. Делай, как я велю. Не делай ничего без моего разрешения. Всё очень просто. Договорились?

– Да. – Разве мог Яр сказать что-то другое?

– Мне нужно отсидеться несколько дней. Потом я уйду. Просто потерпи... Мне требуется чистая одежда. И еда. А еще я хочу побриться. И залезть в ванну. Ты не представляешь, как давно я мечтаю о ванне!

– Представляю, – сказал Яр.

Гнат внимательно посмотрел на него, перекинул нож в левую руку и, быстро наклонившись, поднял с пола моток клейкой ленты.

Яр попятился.

Глава 2

Уютно бурлила горячая вода. Зеленоватая мыльная пена колыхалась и дышала, медленно разрастаясь; она переваливалась через край ванны нежно-голубого оттенка, рвалась и шлепалась на мокрые плитки пола. Плоский сибир-уборщик очумело крутился на скользкой поверхности, торопливо всасывал воду и тревожно попискивал, пытаясь призвать на подмогу стоящих на зарядке товарищей.

На стеклянной полочке среди разноцветных флаконов с шампунями и гелями, несчитанных баночек с кремами и прочих тюбиков лежал длинный нож.

Гнат нежился в ванне.

– Только не думай, что я сумасшедший. Признаться честно, поначалу я и сам подозревал, что схожу с ума. Но ведь настоящие безумцы никогда не считают себя безумными. Вот и получается, что я нормальный...

Яр сидел на стуле, спиной к ванне, лицом к приоткрытой двери. Он не мог двигаться – Гнат клейкой лентой надежно примотал его к стулу.

– Всё началось со снимков. Я тогда увлекался фотографией. Вот ты знаешь, что это такое? Нет, конечно, откуда тебе знать? – Гнат пренебрежительно фыркнул. – Сейчас всё заполонило тупое видео, а то, что называют фотографией, – бездумное бездарное копирование реальности. А ведь это искусство! Настоящее древнее искусство!.. – Гнат возвысил голос, зашевелился возбужденно – и гора пены заволновалась вместе с ним. – С собственной историей! С особыми законами! А вы со своими тысячапоинтовыми камерами лишь плодите никому не нужный мусор! – Он осекся, будто пенной воды глотнув. Откашлялся, закрывая рот исцарапанным кулаком. Сказал спокойней:

– Впрочем, неважно. Я сейчас о другом, о тех снимках, на которых я впервые увидел *их*. Это случилось почти год назад. Да. Как сейчас помню. Я был дома, безжалостно вычищал свои старые альбомы. Один снимок мне очень понравился: ночной город, спящие такси, фонарь. Я очень долго его разглядывал, любовался. И вдруг заметил сбоку какую-то фигуру, попавшую в кадр. Человек, закутанный в плащ или во что-то подобное. Он нарушал мне всю композицию! Его не должно было там быть! Как я мог не заметить его, когда делал фото?! Почему не заметил сразу, когда разбирал снимки? И следующая фотография – те же такси, тот же фонарь, но с другого ракурса. И опять эта черная фигура всё портила! Но здесь она была еще заметней, еще крупней, ближе... Я удалил эти два кадра. А через несколько минут в следующем альбоме встретил ту же самую фигуру! И вновь на ночном снимке! Место было другое, на противоположном конце города, – а фигура стояла та же, такая же, она почти полностью сливалась с полосой тени, отбрасываемой стеной. Я, наверное, не заметил бы ее, если б не видел предыдущих двух фотографий. Кто же это? Что за странная фигура? Я выделил ее и запустил глобальный поиск по подобию. И знаешь, что я нашел? Тысячи фотографий! Почти все сделаны ночью! А фигура на них одна и та же, в точности, во всех деталях – будто это был один человек! Везде он стоял спиной к снимающему, везде он был в плаще, везде он прятался в тени так, что разглядеть его нужно было постараться! Разные снимки, в разных местах, в разное время! Как же так? Я не понимал... – Гнат перевел дух. Помолчал. И сказал тихо, страшно, угрюмо:

– Теперь они охотятся за мной.

Яр почувствовал, как на голове у него зашевелились волосы.

– Я так и не понял, кто они, – тяжело проговорил Гнат. – Но я научился их видеть. И я могу их убивать.

Уютно бурлила горячая вода. Шлепались на пол пенные плевки – точно так падали капли крови на пыльные ступени.

“Безумец! – Яр пытался придумать, как ему спастись. Но в голове металось лишь одно это слово: – Безумец! Безумец!..”

– Ты только не думай, что я сумасшедший, – повторил Гнат. – Зря, наверное, я тебе всё это рассказал. Но так хотелось поделиться... Ты не представляешь, через что я прошел. Вот уже шесть месяцев я прячусь, я борюсь, пытаюсь спасти свою шкуру. Я уже не тот человек, каким был полгода назад... Ты спросил меня сегодня, не дикий ли я... Да, теперь я дикий. Я одичал. И я... я... обезумел...

Яру показалось, что Гнат всхлипнул.

– Вчера ночью они опять выследили меня. И я опять сумел убежать... Шея – их слабое место... Кажется, они совсем не чувствуют боли... Но вот шея... Я убил троих... И вырвался... Убежал... Скрылся... Теперь мне нужно отдохнуть... А потом я уйду... Я должен найти еще одного человека... Нам нужно встретиться...

Бормотание Гната сделалось совсем уж невнятным. Кажется, он засыпал.

Яр попробовал двинуть рукой.

Если удастся освободиться, если Гнат забудется сном, если получится не шуметь, если... Если, если! – у Яра слезы навернулись на глаза, и горячий ком подступил к горлу. Как же не повезло! Почему именно на него свалился этот псих с ножом? Почему не на кого-нибудь другого?!

Ему стало нестерпимо жалко себя. Со страшной силой захотелось излить кому-нибудь душу – посторонним незнакомым людям, анонимно, не называясь, искренне и страстно.

Нужен был совет.

Нужно было участие.

И помощь!

Яр напряг все мышцы. Ощутил, как почти незаметно растягивается лента, осознал, что способен разорвать ее.

Но что делать дальше? Схватить нож и воткнуть его в спящего безумца? Невозможно!

Тихо выскользнуть из ванной, заблокировать дверь, вызвать службу порядка? А если не успеешь? Если не получится удержать дверь?

Если, если, если! – что за неудобное мешающее слово!

Выбежать из квартиры? Но выход завален...

Отчаяние придушило его, отняло силы.

Он не мог ничего сделать. Не решался.

И тут в комнате подал голос комми.

– Что это? – спросил вмиг очнувшийся Гнат.

– Сообщение пришло, – ответил Яр. На душе полегчало: теперь от него ничего не зависело; теперь не нужно было мучить себя, пытаюсь принять какое-то решение.

– Ты кого-то ждешь?

– Нет, – сказал Яр, и вдруг вспомнил о разговоре с Ольшей. Она собиралась зайти завтра. У нее было какое-то важное дело.

– Ко мне утром должны прийти жена, – поспешил исправиться Яр, и затылком почувствовал, как напрягся Гнат.

– Почему ты не сказал сразу?

– Я?.. Не знаю... У меня всё вылетело из головы...

– Больше никого не ждешь?

– Нет.

– На работе не хватятся?

– У меня свободный график.

– Друзья, соседи?

– Я никого не приглашал.

– Два-три дня... – Гнат завозился в ванной. – Дай мне только три дня. Потом я уйду.
– Оставайтесь, сколько хотите, – неуверенно сказал Яр.

Гнат на бездумную вежливость хозяина отреагировал странно: он хрюкнул, будто подавившись, несколько раз фыркнул – и, хлопнув в ладоши, оглушительно расхохотался.

Мятная пена так и полилась на пол.

* * *

На ужин у них было тушеное мясо “Биф”, фаршированные блины “Диакос” и лазанья “Итал”. Все это Яр приготовил сам, поскольку страдающий манией преследования Гнат заставил его выключить почти всех квартирных сиберов, в том числе и домашнего кулинара марки “Клайм”. Впрочем, труд был невелик: открыть упаковку, разложить полуфабрикаты в правильном порядке, добавить специи, разогреть в подходящем режиме и полить нужным соусом. Яру приходилось и раньше готовить самому, особенно в то время, когда он ухаживал за Алетой, своей первой женой. Тогда у него не хватало поинтов для покупки современного кулинара, а старенький кухонный мастер умел обращаться лишь с ограниченным списком продуктов, и при том постоянно что-то путал в рецептах. Вот и приходилось порой самому вставать к готовочному столу и по шагам выполнять писанные для сиберов инструкции.

– Неплохо, – признал Гнат, пробуя лазанью под кислым соусом. – Знал бы ты, какой дрянью я питался последние месяцы...

Яр этого знать не хотел. Он вяло ковырял вилкой в своей тарелке и с тоской думал о заказанном в ресторане “Идальго” столике.

– Ты боишься чего-нибудь? – спросил вдруг Гнат.

Яр посмотрел на него, пытаясь угадать, чем вызван такой необычный вопрос. Подумал, что лучшим ответом будет короткое – “тебя”.

– Не знаю, как ты, но лично я всегда боялся портов. – Гнат взялся за тушеное мясо. – С самого детства боялся, сколько себя помню. Если подумать – чудовищные штуки. Заходишь в кабину одного порта – и через пару минут выбираешься из кабины другого, расположенного на противоположном конце города. А то и вовсе в другом городе. Что за сила тебя туда перенесла?.. Наверное, слышал истории про то, как порты забрасывали людей непонятно куда?

Яр пожал плечами:

– В детстве.

– Ну да, конечно. Ночные страшные истории – детишки любят пугать такими друг друга. Пугать и пугаться... Так вот, я почти уверен, что это не сказки. По-крайней мере, я точно знаю, что некоторые люди, однажды зайдя в кабину порта, пропадают навсегда. Те люди, что заподозрили неладное. Люди, которые научились видеть их. – Гнат перешел на зловещий шепот. – И я бы так же пропал, если бы не мой страх. Я всегда избегал портов, ездил только на такси, а в других городах никогда не был. Если бы не страх, я вошел бы в кабину, чтоб скрыться от преследователей, назвал бы код какого-нибудь города... И где бы я оказался?.. Они убивают нас десятками способов. Причем так, что убийства эти остаются незамеченными. Ну, зашел человек в порт – и сгнул. Где его искать? Что с ним случилось?.. Будь моя воля, я бы совсем запретил эти дьявольские штуковины! Товары, грузы – перевозите, пожалуйста! Но люди? Ни за что!

– А как же путешествовать?

– Зачем? – фыркнул Гнат. – Сходи в ближайший иллюзорий, загрузи нужную программу – и путешествуй в свое удовольствие. Хочешь общаться с жителями других городов? Любой самый простенький комми дает тебе эту возможность... Да и что за глупость – путешествие? Что Оска, что Ньюсити, что Окайдо, что Жанеро – велика ли разница? Зачем смотреть чужой

город, когда и своего-то не видел? Вот ты, например, знаешь, что у нас, совсем недалеко отсюда, растет настоящее живое дерево?

– Нет.

– А оно есть. В двенадцатом квартале, в Стеклянном Парке. Когда там будешь, попроси отвести тебя на Аллею. Пятое дерево с южного края будет настоящее. Про него никому не рассказывают, потому что служители боятся, что дерево разломают и растащат на сувениры.

– А я сегодня видел птицу, – сказал Яр.

– На остановке? – угадал Гнат.

– Да.

– Я тоже ее видел. Она умирала. Птицы не могут жить в городе.

– Почему?

– Откуда мне знать? Возможно, на них влияют генераторы погоды. Или излучения сетей. А может, это работающие порты виноваты – я всегда чувствовал к этим штукам антипатию. Мы же ничего не знаем, мы не понимаем, как всё устроено, даже не задумываемся об этом. Мы просто пользуемся тем, что досталось нам от прежних поколений, потребляем то, что производят заводы и фабрики Концерна – слава предкам, строителям городов! Мы давно всё забыли, мы ничего не умеем делать, кроме как нажимать на нужные кнопки, отдавать команды сиберам и следовать древним, но не устаревающим инструкциям. Мы отупели. Мы – паразиты, живущие на всем готовом... – Покрасневший лицом Гнат опять разошелся – видно было, что тема задела его за живое. Он говорил, пристукивая кулаком по стеклянной столешнице. На кривящихся губах пузырилась слюна.

– А знаешь, почему мы отупели? Догадываешься, почему так вышло?

Яр помотал головой, стараясь не глядеть в глаза разбушевавшемуся гостю.

Но Гнат внезапно успокоился, поскучнел.

– Это сработал предохранитель, – сказал он и принялся за еду. Доев мясо, он кусочком хлеба, словно губкой, собрал с тарелки остатки соуса и отправил его в рот. Хлебнул вина, вытер салфеткой рот. И чуть отодвинувшись от стола, постучал себя по виску согнутым указательным пальцем:

– Вот здесь предохранитель. С незапамятных времен заложенный в нас. Природой или Творцом заложенный – не знаю. Но он был, и он есть. Пока человечество росло, предохранитель не мешал ему развиваться. Это было время, когда человек познавал мир и творил историю. Но потом познание зашло так далеко, что для мира возникла опасность. Человек получил огромное могущество. И при том не поумнел. Люди из-за глупости своей и благодаря своим знаниям получили возможность уничтожить весь мир. Вот тогда-то предохранитель и сработал – мы начали тупеть. Из поколения в поколение. Незаметно. Понемногу. Мы учились нажимать на кнопки, но забывали устройство этих самых кнопок. Мы жрали и не задумывались, откуда берется еда. Мы работали, но реально ничего не производили. Мыслили, но не познавали... История остановилась. Кончилась.

Гнат махнул рукой, откинулся на спинку стула, вытянул ноги. Лицо его словно оплыло, глаза потухли, уголки рта опустились.

Он очень устал. Он был нездоров.

– Где ты это слышал? – тихо спросил Яр, неожиданно для себя переходя “на ты”.

– Слышал? – Гнат хмыкнул. – Я сам додумался до этого. Когда отлеживался в подвале одного дома. У меня не было ни комми, ни медийного центра – ничего не было. Мне нечего было читать, мне не с кем было поговорить, нечего было слушать или смотреть – и тогда я стал разговаривать с собой. И вдруг открыл, что могу развлекаться сам: размышляя, думая.

– Но история не кончилась, – неуверенно возразил Яр. – Ведь мы живем. Человечество по-прежнему существует.

– Возможно, это был не предохранитель, а переключатель, – помолчав, сказал Гнат. – Но я не вижу большой разницы... Позвони жене. Отмени встречу. И не вздумай хитрить – если что-то покажется мне подозрительным, я тут же перережу тебе глотку.

Яр дернул головой и подавился плохо пережеванным куском мяса.

* * *

Разговор получился недолгий.

– Привет. Это я.

– Наконец-то! Я места себе не нахожу! Опять не могла до тебя дозвониться! И журнал твой пуст!

– Я отключал комми.

– Зачем?

– Он не работал.

– У тебя что, нет другого?

– Где-то валяется. Но надо искать.

– Я не понимаю, что с тобой происходит, дорогой. У тебя какие-то проблемы?

– Нет-нет. Всё хорошо, не волнуйся. Мне просто надо немного отдохнуть. Мы не сможем завтра встретиться.

– Что?

– Я буду очень занят. Завтра я не могу. Никак не могу.

– Занят? Как это? Чем?

– Извини.

– Я не понимаю, что ты говоришь. Я должна тебя увидеть! Нам надо поговорить!

– Давай немного позже. Через несколько дней. Я свяжусь с тобой.

– Ты не один? Ты сейчас не один? Покажи мне комнату!

– Я... Я один...

– Покажи немедленно!

– Извини, я не могу больше разговаривать. Мне надо идти.

Яр выключил комми.

Холодная острая сталь соскользнула с его шеи.

* * *

На следующий день незадолго до обеда Гнат вновь отвел хозяина квартиры в ванную комнату и примотал его к стулу.

– Минут двадцать посиди спокойно, – сказал он, проверяя надежность клейких пут. – Мне надо поболтать с одним человеком. Ты не будешь против, если я воспользуюсь кое-какой твоей техникой?

Яр осторожной мимикой показал, что он не то что бы “за”, но, учитывая сложившиеся обстоятельства, то, в общем-то, не против...

– И помолчи пока, – затыкая рот пленника полотенцем, велел Гнат. Он открыл воду, включил музыку и притворил дверь. Теперь Яр не мог слышать, что происходит в других комнатах квартиры.

Двадцать тоскливых минут показались ему вечностью. Потому возвратившегося Гната он встретил почти как избавителя. Сам языком вытолкнул изо рта мокрое от слюны полотенце, подвигал челюстью, поинтересовался:

– Ну что?

– Послезавтра, – объявил Гнат. – В полдень.

Этих слов для понимания ситуации было явно недостаточно, но Яр предположил, что послезавтра перед обедом он будет освобожден, и жизнь его вернется в привычную колею. Такая перспектива была весьма привлекательна, и он, боясь разочароваться, не стал ничего уточнять.

Гнат небрежно разрезал петли клейкой ленты, движением ножа велел Яру подняться, кивнул на дверь.

– Выбирайся.

Они прошли в гостиную: пленник и конвоир. Сели на диван. Гнат огляделся, снял со стены джойстик, покрутил его, изучая, надел на одну руку.

– Пара к нему есть?

– Да.

Второй джойстик пылился под диваном. Яр вытащил его, обдул, потер об штаны, протянул Гнату:

– Вот.

– Надевай... Во что предпочитаешь сыграть?

– Не знаю... Всё равно.

– Тогда выберу я.

Стена раздвинулась; на экране появился список доступных игр.

– Давно не брал я в руки джойстик, – пробурчал Гнат. И, повернувшись к Яру, сказал: – Вот смотри, джойстик надевается на руку, но мы говорим, что берем его в руки, – не странно ли?

Яр никогда над этим не задумывался. Он дернул плечом и ответил:

– Наверное, раньше были другие джойстики.

– Наверное, – согласился Гнат, листая отсортированный в алфавитном порядке список. – Пожалуй, вот во что мы сейчас сыграем...

Игру эту Яр увидел впервые. Она была столь неприятна, что поначалу вызвала отвращение. Нужно было с помощью подвижной платформы отбивать летающий мяч, уничтожая им блоки с выпадающими бонусами. У противника был точно такой же мяч, но другого цвета. Победитель определялся по набранному числу очков.

– Когда-то я числился здесь чемпионом, – сказал Гнат, увлеченно гоня по экрану прыгающий шарик. – А знаешь почему? Потому что соперников не было. В эту игру никто не хотел играть. А теперь подумай, чем занимаются рекордсмены, о которых так часто нам сообщают в новостях? Все эти укротители сиберов, жонглеры тарелками, пожиратели пирожков. Они пытаются доказать нам, что они лучшие, что они чемпионы. А в действительности у них просто нет соперников. Они сами устанавливают правила своих достижений... К чему это я?.. Уже не помню... В голове сумбур, мысли разные – туда-сюда, туда-сюда. Вот как этот мяч... Я изменился, Яр. Очень сильно изменился. Изменился настолько, что иногда сам себя начинаю бояться...

Они играли два часа. Потом прошлись по вещательным каналам, но так ничего и не выбрали, выхватили только обрывки новостей и кусочки каких-то фильмов.

– Это всё такое пустое, – приговаривал Гнат, переключая каналы с помощью игрового джойстика. – Но почему-то всегда верится, что где-то здесь прячется важное, главное. Но на самом-то деле оно, это главное, вот тут, – он стучал себя пальцем по виску. – Здесь, в голове. А не там, на экране.

Яр кивал, не собираясь спорить с умалишенным, не вслушиваясь даже, о чем тот бормочет.

Было сонно и скучно.

А потом в заваленную дверь кто-то громко заколотил, и разомлевший, расплывшийся Гнат вмиг обернулся страшным чудовищем. Схватив нож, он перелетел через спинку дивана,

метнулся к окну, быстро глянул на улицу, тут же пригнулся и завертел головой, то ли укрытие выискивая, то ли место для боя выбирая.

Яр с нарастающим ужасом следил за ним.

– Кто это? – прорычал Гнат.

– Я не знаю.

– Ты вызвал кого-то?

– Нет! Честное слово, нет!

– Если это они... Если это... – глаза Гната сделались совсем бешеными.

В дверь колотили беспрерывно.

– Послезавтра! – застонал Гнат, мотая головой. – Совсем немного же оставалось!

Яру хотелось забиться под диван.

Или забраться в угол за кресло.

– Подойди, – зашипел на него Гнат. – Спроси, кто это. Что надо. Я буду рядом...

И он был рядом. Стоял за спиной, дышал тяжело и страшно. Особым хищным способом держал в руке нож.

– Кто? – крикнул Яр не своим голосом.

– Ты не один! – донеслось из-за двери. – Открой немедленно! Я хочу ее видеть!

Это была Ольша. Его жена.

* * *

Яру хотелось кричать.

“Всё из-за тебя! Ты виноват! Ты разрушил мою семью! Убирайся из моей жизни!”

Ему хотелось хлестать Гната по лицу, бить его кулаками в грудь, душить, царапать.

Но он смотрел на нож, смотрел в равнодушные, словно бы мертвые глаза и понимал, что никогда не сделает ничего подобного...

Ольша ушла. Убежала.

Он не мог впустить ее в квартиру. И не мог ничего объяснить. Он просто стоял перед заваленной дверью и орал во всю глотку:

– Мне надо побыть одному! Еще один только день!

Она тоже кричала что-то однообразное. Называла его нехорошими словами. Обвиняла в измене и трусости. Требовала открыть дверь.

Рядом молча и угрюмо стоял Гнат, чужой, совершенно ненужный здесь человек.

Это он был во всем виноват.

Он один...

Яра трясло. Оттеснив Гната плечом, он прошел в гостиную. Встал у окна, прислонился лбом к холодному стеклу, заглядывая вниз и ожидая, когда из подъезда появится Ольша.

Она вышла через несколько секунд. Вскинула голову, будто зная, что муж сейчас на нее смотрит. Махнула рукой, посылая ему прощальное оскорбление.

– Извини, – сказал вставший за спиной Гнат. – Я не думал, что так получится.

Яр отодвинулся. Он не желал находиться рядом с этим человеком. Не хотел его ни видеть, ни слышать.

Крохотная взбешенная Ольша направилась к стоянке такси. Яру казалось, что он и отсюда слышит яростный стук ее каблучков.

– Она беременна, – сказал вдруг Гнат.

– Что? – изумился Яр.

– Она беременна, – повторил Гнат. – Именно об этом она хотела с тобой поговорить.

– Откуда ты знаешь?

– Не могу тебе объяснить... Можешь считать, что я это просто чувствую.

– Я должен с ней связаться! – Яр кинул взгляд на столик, где лежал его отключенный комми.

– Нет! – Гнат заступил ему дорогу. – Ты наговоришь еще больше глупостей, всё только испортишь. Пусть она успокоится. Успокойся и сам.

– Я должен хоть с кем-нибудь поговорить!

– Нет! – Лицо Гната закаменело. Лезвие ножа опасно шевельнулось. – Мы должны сидеть тихо!

– Я не хочу сидеть тихо! Мне надоело!

– Ты должен, – с нажимом сказал Гнат. Он надвинулся на Яра, взял его за плечо, сдавил больно. – Не всегда можно поступать, как хочется. Иногда приходится поступать как нужно.

Яр скривился, попытался вырваться из вонзившихся в плечо пальцев. Решимость его стремительно угасала, злость растворялась – он слабел.

– Посмотри еще раз вниз, – Гнат развернул его к окну. – Внимательно посмотри. Там где столб, возле самого бордюра... Ничего не замечаешь?.. Там стоит один из *этих*. А еще один прячется за углом.

– Ты просто чокнутый, – тихо сказал Яр.

– Может и так. Но я живой, – прошептал Гнат. – И я могу видеть *их*.

– Там никого нет... – Яр скрипнул зубами. – Твои преследователи сидят в твоей башке. Вот здесь! – Он указательным пальцем постучал себя по виску. – Только тут они существуют.

– Ты заблуждаешься, – чуть слышно сказал Гнат. – Ты просто не умеешь на них смотреть. Ты слепой. *Они* делают тебя таким.

– Я зрячий. А ты сумасшедший.

– Нет. Нет!

– Да!

Боль в плече заставила Яра согнуться. Из глаз брызнули слезы. Он вскрикнул, скорчился, осел на пол. Гнат не держал его больше, он навалился на подоконник, забормотал:

– Теперь еще и третий... Я их вижу... Я не сумасшедший... Ты зря так говоришь...

Лезвие ножа царапало стену.

Мёртвая квартира зловеще молчала.

* * *

Ужин прошел в тишине. Не было фоновой музыки, молчал медийный центр, выключенный комми не подавал признаков жизни, не урчали, не попискивали многочисленные сиберы-помощники. От этого тягостного безмолвия Яру начинало казаться, что и его так же выключили. Чтобы хоть как-то наполнить квартиру звуками, он гремел посудой, и кашлял, и постукивал столовыми приборами по столешнице, и производил еще много других ненужных действий.

Гнат всё чаще и чаще подходил к окну. И всё озабоченней делалось его лицо. Он ничего не объяснял, но Яру и без того было ясно – вокруг дома собирались воображаемые невидимки.

Несуществующие создания лично его не беспокоили. Но напряжение нарастало – ведь Яр не знал, на какие действия могут спровоцировать психа с ножом его мнимые преследователи.

Когда вечернее освещение на улице сменилось ночным, Яр встал из-за стола. Стараясь не смотреть на Гната, он собрал грязную посуду и скормил ее утилизатору. Оставшуюся еду запаковал в вакуумный пакет и убрал в холодильный шкаф. Сказал в пустоту:

– На завтра продуктов не хватит. Надо заказать.

– Ничего страшного, – отозвался Гнат. – Не умрем.

Он вновь подошел к окну – в сотый, наверное, раз. Осторожно, будто боясь быть замеченным, заглянул вниз. Покачал головой.

– Неужели я чем-то себя выдал? Почему их здесь столько?

Яр встал рядом, но не слишком близко.

Ему всегда нравился вид из этого окна. Внизу – круглый скверик с беседкой: свитое из стали ограждение; декоративные камни, то ли ныряющие в застывший волнами бетон, то ли вынырывающие из него; куст-световод, широко развернувший свои гибкие ветви, наполненные голубым сиянием. За сквером – игровая площадка под прозрачным куполом. Когда становится тоскливо, достаточно немного понаблюдать за людьми, что собрались там под стеклом, – и тоска отступает. И кажется, что ты тоже перенесся туда, в яркий шумный мирок, полный веселья и общения, в место, где официально запрещена грусть, где на входе каждый получает таблетку счастья и веселящий вдох... А над куполом игровой площадки до двадцатых этажей возносится сложная эстакада. Ночью, когда включаются фонари, она словно повисает в воздухе. И вид парящего иллюминированного сооружения, внутри которого расплавленным металлом переливаются потоки скоростных такси, наполняет душу тихим восторгом. Высотные дома, облицованные светособирающими панелями, ничуть не мешают взгляду. Две расходящиеся улицы словно вспарывают город, позволяя увидеть его нутро, полное сияющих, тесно свитых потрохов. Там – богатые кварталы даунтауна. Дороги, по которым можно двигаться на личном транспорте с ручным управлением. Причудливые дома известных риччи. Заведения, куда закрыт вход сиберам, где всю – абсолютно всю! – работу делают люди. Кабины портов, открывающиеся в полузапретные места других мегаполисов...

И нигде никаких черных фигур.

– Нужно представить, что ты вышел из своего тела, – бормотал Гнат. – Надо посмотреть на всё откуда-нибудь сбоку или сверху. Так, будто ты сторонний наблюдатель. И тогда, возможно, ты заметишь их. Не сразу, нет. Нужно тренироваться...

Яр отступил вглубь комнаты. Он не желал слушать этот отвратительный бред, ему вдруг стало казаться, что произнесенные Гнатом слова обретают форму. Слова выглядели как комки серой пульсирующей слизи – живые комки. Впусти их в свои уши – и они доберутся до мозга и заразят тебя безумием.

“Это галлюцинация. – Яр вовремя вспомнил предупреждение доктора и только поэтому не запаниковал. – Побочный эффект лечения”.

– Я болен, – сказал он громко лишь для того, чтоб остановить болтовню Гната.

– Что?

– Я болен, – чуть тише повторил Яр. – Я умер бы через несколько недель. Но мне сделали операцию. Запустили внутрь сибера. Из-за него у меня могут возникать галлюцинации... Ты можешь быть моей галлюцинацией...

Гнат усмехнулся.

– Кажется, ты не очень везуч, – сказал он, выдержав паузу. – Болезнь, операция, нападение с ножом, неприятности в семье... Что дальше?

Яр смолчал.

– Возможно, мне придется бежать сегодня ночью, – посерьезнев, сказал Гнат. – Или завтра. Мне не нравится, что их собралось так много. Не понимаю, что им надо? Если они пришли за мной – то откуда они узнали, что я здесь? Как выследили? Не понимаю...

Опять закружились в воздухе серые сгустки слов. Яр закрыл уши ладонями, зажмурился и прислонился к стене.

Он простоял так пятнадцать минут.

И всё это время ему ясно представлялось, как под кожей у него ползает крохотный сибер, оставляя за собой тонкие будто волос ходы и испражняясь лекарствами.

* * *

Сон не шел.

За окнами привычно шумела серая ночь. Время от времени яркие цветные всполохи лазерных реклам впрыгивали в комнату и растекались по стенам. Чуть слышно гудели и похрипывали системы обеспечения дома. Где-то наверху играла музыка.

Яр перевернулся на спину.

На потолке таились тени. Увидеть их можно было только, когда менялось освещение: отблеск реклам озарял комнату – и тени тут же начинали двигаться, обнаруживая себя. Смотреть на это живое шевеление было страшновато, и Яр натянул одеяло на голову.

Будь он сейчас один, нашел бы спокойный ночной канал и заснул бы под тихое бормотание медийного центра. Или велел бы включиться какой-нибудь расслабляющей мелодии. А может, наплевал бы на отдых и отправился бы в чат, где собрались такие же полуночники, мающиеся от скуки и от бессонницы.

Но медийный центр обесточен. Его экраны черны, стенные акустические системы отключены, спрятанные микрофоны и датчики ни на что не реагируют.

Уютная квартира обернулась первобытной пещерой.

Как мало для этого потребовалось!..

Лежащий на полу возле кровати Гнат громко всхрапнул и завозился. Через несколько секунд его дыхание опять стало ровным – вооруженный, преследуемый призраками безумец безмятежно спал на жестком полу. Яр ему только позавидовал.

И подумал, что сейчас самый удобный момент для бегства.

Или для нападения на спящего безумца.

Ведь совсем не обязательно его убивать. Достаточно отобрать нож, оглушить сильным ударом, связать... Но насколько сильным должен быть удар? И чем надо бить? Не подушкой же...

Яр выбрался из-под одеяла. Осторожно приподнялся, сел на кровати, осмотрелся.

Бегство – вот самое разумное, что можно предпринять в подобной ситуации. Но прежде чем открыть дверь, придется разобрать завал. А сделать это тихо и быстро не получится. Тем более со связанными руками.

Хотя руки-то, наверное, можно освободить...

Яр, прислушиваясь к сопению Гната, медленно спустил ноги на пол.

Убежать из квартиры вряд ли получится. А если спрятаться? В шести комнатах достаточно укромных мест. Взять, к примеру, гардеробный шкаф. Посторонний человек даже не заподозрит, что одна из зеркальных стен этой квартиры сдвигается, открывая доступ к полкам с одеждой и обувью. Но даже если чужак и сумеет найти этот шкаф, то вряд ли он догадается, что за ящиками справа есть просторная ниша, которой хозяин квартиры так и не нашел достойного применения.

Когда-то Яр рассчитывал прятать там что-нибудь запретное, вроде чёрного танатола.

Но, кажется, пришло время спрятаться самому...

Он медленно наклонился вперед. Перенес вес тела на ноги. Начал приподниматься.

И тут мирно сопящий Гнат отчетливо проговорил:

– Ты куда собрался?

Яр застыл. Прижал связанными руками колотящееся сердце. Облизал вмиг высохшие губы.

Надо ли отвечать? Может Гнат просто бредит? Он же спал! И, кажется, всё еще спит!

– Куда, спрашиваю, собрался?

– В туалет очень хочется, – жалобно пролепетал Яр. Ему стало обидно, что единственный придуманный им реальный план спасения вот-вот пойдет прахом. Он не сомневался, что сейчас Гнат поднимет голову, откроет глаза, зевнет и скажет:

– Я тебя провожу.

И тогда придется под стыдным конвоем тащиться по темному коридору, а потом тужиться на унитазе только для того, чтоб не быть уличенным во лжи.

Но Гнат сказал другое.

– Возвращайся скорей, – буркнул он. И Яр, не смея поверить услышанному, переспросил:

– Что?

– Быстрее давай.

– А. Да. Конечно. – Яр соскочил с постели.

Выбежав из комнаты, он не стал прикрывать за собой дверь – это могло показаться подозрительным. Шлепая босыми ногами, он стремительно пронесся по коридору, хлопнул дверью туалета, не заходя в него, и тут же, не теряя времени, кинулся назад – тихо и легко, как только мог.

Нужная ему комната находилась сразу за кухней. Он на цыпочках ворвался в нее, и едва не вскрикнул, увидев, как со стен ринулись на него скорченные мутные фигуры.

Это был он сам. Его отражения в зеркалах.

Приостановившийся было Яр прыгнул к одному их зеркал. Нажал липкими потными ладонями на стекло, сдвинул дверь шкафа в сторону, боком скользнул внутрь. Мягко засветилась голубоватая подсветка. Яр испуганно обернулся и с усилием потянул на себя составленную из ящичков стенку. В открывшуюся нишу он швырнул старый халат и никогда прежде не требовавшийся плед – кажется, чей-то подарок. Прислушался, затаив дыхание, вытянув шею.

Было тихо.

Он вжался спиной в полки и, ломая ногти, закрыл шкаф изнутри. Подсветка погасла. Слепший Яр опустился на четвереньки. Пятясь, заполз в темную нишу. Ногами затолкал в угол халат и плед, крепко ухватился за ящички и, поднатужившись, кое-как вернул их на место, тем самым замуравав себя в тесном пыльном пространстве, где не было ни света, ни воды, ни пищи.

Он сел на пол, ощущал стены вокруг.

Растерялся отчего-то.

Потом испугался. Но сказал себе, что ничего страшного здесь произойти не может.

Лег на спину, попытался вытянуть ноги.

Пожалел, что не взял часы.

Обругал себя, что не прихватил комми.

Начал сомневаться, верно ли поступил, спрятавшись здесь.

Принялся отсчитывать секунды. Устал.

Ворочаясь, кое-как расстелил под собой плед. Завернулся в халат.

Вгрызся в ленту, связавшую запястья. Наконец-то освободил руки и очень этому обрадовался.

Еще раз обшарил пространство вокруг. Приложился ухом к стенке.

Тихо...

Неужели Гнат спит? Вряд ли. Уже, наверное, рыщет по квартире, пытаюсь понять, куда делся хозяин. Рычит от злобы. Нож блещет в полумраке.

Не дай бог, отыщет...

Плотно ли закрыта дверь? Не осталось ли щели?

От непривычного напряжения заболели глаза. Яр крепко зажмурился, вытер слезы.

Сколько ни вглядывайся в такую тьму, всё равно ничего не увидишь.

Как ни прислушивайся, всё равно ничего не услышишь.

Хотя...

Яр приподнял голову, напрягся.

Вроде, что-то упало. Загремело глухо.

Да... Вот опять...

Он сел, подтянул колени к груди, сжался.

Может, стоит выбраться, пока не поздно? Еще можно придумать какую-нибудь отговорку. Отовраться как-то.

Нет. Уже поздно.

Что-то падает. Грохочет.

Гнат кричит. Он в ярости.

Он безумен, и у него нож.

Опять грохот. И звон.

Понятно – он взбешен. Он теперь всю квартиру перевернет.

Догадается ли, что одно из зеркал – это дверь шкафа?

Что если догадается?!

Увидит отпечаток ладони на стекле – и догадается!..

Яр обратил лицо вверх: “Господи вездесущий и всевидящий, сделай так, чтоб он меня не нашел! Если ты действительно есть, Господи, помоги мне! Спрячь, укрой, спаси!”

Яра затрясло, он стал задыхаться. Потом на него словно помутнение какое-то нашло: он сдавленно закричал, схватил себя за лицо, попытался вскочить – но ударился головой и потерял сознание.

Глава 3

Он открыл глаза и удивился, что ничего не видит.

Болел затылок. И всё тело болело.

Он застонал, попробовал выпрямиться, но его ноги уперлись в стену. Поднял дрожащую неверную руку, коснулся пальцами шершавого бетона и замер, пытаясь понять, где находится.

Вспомнил!

Дернулся, сжался.

Сколько же прошло времени?

Где Гнат?

Почему так тихо?..

Яр прислушался.

Действительно, тихо.

Неужели всё кончилось? Гнат говорил, что, возможно, уйдет ночью или утром. Наверное, ушел. Побушевал, вымещая злобу на обстановке квартиры, пытаясь отыскать исчезнувшего хозяина. Но не нашел. Решил не рисковать и сбежал.

А если нет?

Что если он затаился и ждет, когда хозяин покинет свое убежище? Подстерегает за какой-нибудь дверью или за декоративной шторой. Держит нож особым хищным способом...

Сколько же сейчас времени?

Долго сидел Яр во тьме, пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук. От напряжения голова разболелась еще больше. Мышцы совсем занемели. Перед глазами вились мутные колючие огоньки.

Когда ожидание сделалось невыносимым, а приученный к распорядку желудок громко заявил, что пора бы и позавтракать, Яр начал потихоньку выбираться из своего убежища. Он действовал тихо и осторожно; он был готов в любую секунду нырнуть назад в укрытие – при малейшем шуме, при любом намеке на движение.

Но ничто его не испугнуло.

Чуть приоткрыв шкаф, он выглянул в щелку.

Желудок не ошибся – было утро. Механические часы “Свисс”, висящие на противоположной стене, показывали десять минут девятого. Искрился в языке света расколотый стеклянный столик. Опрокинутое вспоротое кресло вывалило на ковер белую зернистую требуху.

Яр выждал немного, высунул из шкафа голову и быстро осмотрелся.

Кажется, никого.

Вылезать было страшно. Представлялось, как в комнату врывается Гнат и кричит, размахивая ножом: “Я же велел тебе слушаться!”

“Нужно только забрать комми, – беззвучно шевеля губами, уговаривал себя Яр. – Только схватить комми – и тут же назад... “

Медленно, на четвереньках, выполз он из-за зеркальной двери. Обернулся. Приподнялся. Шагнул к стене.

Он не собирался, рискуя жизнью, обыскивать квартиру. Ему нужен был только комми. Пожалуй, никогда прежде ни для кого “сэй двенадцать” не был таким вожаком.

Яр выглянул в коридор. И обмер.

На ковровой дорожке между холлом и гостевой комнатой лежал спящий Гнат. Лежал на боку, подтянув к животу ноги, правую руку подложив под голову, а левую прижав к груди. Нож валялся рядом.

Выключенный “сэй двенадцать” был в холле. Чтоб взять его, нужно было пройти мимо Гната. Переступить через него.

Яр отшатнулся.
Что же делать?..

Долго собирался Яр с духом. И понимал притом, что времени терять нельзя: а ну как очнется Гнат? Страшно ему было, когда он выходил из комнаты, когда крался по коридору. Еще страшней было стоять рядом с бесчувственным телом. А уж когда переступал через него, так и вовсе невозможно сделалось – дыхание перехватило, пот выступил, сердце встало.

Но – перешагнул. Справился. Не запнулся, не задел. Наклонился быстро, подхватил нож, почувствовал на рукоятки что-то липкое, едва не выпустил её из пальцев. И опять преодолел нарастающий ужас, не позволил ему обернуться слепой паникой.

Без ножа Гнат лишь вполтину страшен.
Теперь оружие нужно спрятать куда-нибудь. Или выкинуть подальше.
Яр мягко скакнул в холл. Осмотрелся.

Комми лежал за фоторамкой на тумбочке. Яр потянулся к нему – и в этот момент фоторамка сменила снимок: смеющаяся Олыша глянула на мужа.

“Она беременна...” – послышался Яру голос Гната.
Он попятился.

Назад! Скорей назад!!

Сдерживаемое напряжение прорвалось, ударило, будто высвободившаяся пружина. Леденящая паника вмиг затопила разум, в голове словно рухнуло что-то...

Яр пришел в себя только в темном убежище. Пошарив руками вокруг, убедился, что действительно находится в шкафу, в относительно безопасной нише. На полу был расстелен плед, левое бедро холодил нож, в правой руке был зажат комми.

Яр включил его. Голубоватый свет затопил тесное укрытие.
Руки дрожали.

Экран комми позеленел – загрузка завершилась, органайзер напомнил о делах: “встретить Олышу”, “заказать место в клубе”, “подтвердить участие в турнире”. Яр смахнул ненужный список прошлой жизни, включил экстренную связь. И тихо выругался.

Маленький значок в правом верхнем углу экрана показал, что доступных сетей не обнаружено.

Вообще никаких сетей!
Он застонал, потряс свой любимый комми, постучал им о пол.
Это не помогло.

Оставался еще медийный центр. Но воспользоваться им, спрячься в шкафу, невозможно. Нужно опять выйти, включить систему – а сделать это бесшумно не получится.

И где-то в квартире валяется старый “Тальт Премиум”. Но он, наверняка, давно разрядился. Да и попробуй отыщи его теперь.

Яр сжал кулаки.
Что делать?!

Выход был один: связать Гната, пока тот не пришел в себя. И уж потом хозяйничать в квартире.

Знать бы точно, что с Гнатом: спит ли он, или приступ какой с ним случился, или же он, буйствуя, запнулся и ударился головой, потерял сознание.

А может он мертвый?
Яр поежился.

Никогда ему не доводилось видеть мертвых людей. Мысль о том, что совсем рядом лежит покойник, была такой неудобной, такой отвратительной, что Яр тут же запретил себе об этом думать.

Гнат без сознания. И нужно как можно скорей этим воспользоваться.

Он выполз из ниши, приподнялся. Используя экран комми в качестве фонаря, обследовал полки. Выбрал несколько подходящих вещей: тонкий шарф серебристого цвета, поясной ремень с тяжелой квадратной пряжкой “Гли”, вот уж три сезона как вышедшей из моды, старый фиолетовый галстук... Несколько успокаивало, что у Гната больше нет ножа. Теперь Яр чувствовал себя чуть уверенней, и потому он не слишком задержался, выбираясь из шкафа.

Гнат лежал на том же месте, в той же позе. Позади него на ковровой дорожке темнели какие-то пятна. Из дальней комнаты высовывался в коридор угол опрокинутого кресла.

Яр сделал из ремня петлю. Наклонился. Примерился. Заглянул Гнату в лицо и тут же отвел глаза.

Нужно действовать быстро, решительно: выхватить из-под головы одну руку, накинуть на нее петлю, притянуть в другой руке...

Яр пошевелил стынущими пальцами, словно фокусник, готовящийся к хитрому трюку. Осторожно взял Гната за помятый манжет, прихватил покрепче. Помедлил чуть, прося Создателя о заступничестве. И, закусив губу, дернул на себя захваченную конечность.

Треснула ткань. Стукнулась об пол подпрыгнувшая голова. Вырвавшаяся из-под нее ладонь едва не ударила Яра в лицо – и угодила точно в петлю. Клацнула пряжка. Яр тут же обвинил ремнем вторую руку Гната, подтянул, завязал узлом. Схватил галстук, принялся им скручивать запястья...

Он действовал бездумно, как сибер, и перевел дыхание, только когда Гнат был связан по рукам и ногам. Поднялся, отступил на шаг, стер со лба пот.

Не нравилось ему, что Гнат до сих пор не очнулся.

– Эй! Что с тобой случилось?..

Может вызвать медиков?

Нет, сперва надо связаться со службой порядка!

Теперь Яр чувствовал себя более уверенно. Его план сработал: Гнат пребывал в беспомощном состоянии, а он вновь стал полноправным хозяином квартиры.

И хозяином положения.

На полу возле тела валялась какая-то небольшая вещица. Кажется, раньше ее здесь не было. Должно быть, она вывалилась из кармана тренировочных брюк Гната, когда Яр связывал его по рукам и ногам.

Что-то похожее на чехол для комми.

Яр наклонился, подобрал находку.

Так и есть, чехол-книжка. Но внутри вместо комми какой-то мусор: обрывки бумаги, пластиковые карточки, черный обгрызенный маркер...

Яр закрыл чехол, сунул его в карман халата. Он торопился. И перешагивая через тело, зацепился ногой за связанные руки.

От сильного толчка Гнат жутко всхлипнул и тяжело перевернулся. Из его правого бока толстой короткой струей плеснуло что-то вязкое и алое. Голова неестественно вывернулась, изо рта вывалился распухший язык, мертвые глаза уставились на неуклюжего обидчика.

Обернувшийся Яр закричал и, вмиг обо всем позабыв, ринулся прочь из квартиры. Оглушенный ужасом, он пронесся по коридору, вылетел на лифтовую площадку и помчался вниз по грязной, заваленной хламом лестнице, не заметив даже, что входная дверь была настежь открыта, а сложенная им и Гнатом баррикада обрушена.

* * *

Сигнал тревоги поступил в центр охраны порядка сразу из нескольких источников. Камеры подтвердили: по монополосе, предназначенной для движения сибер-такси, бежал

человек. Несколько секунд потребовалось системе, чтобы опознать его личность. Вся информация о нарушителе немедленно была передана следующим на перехват правохранителям.

Яра остановили в квартале от его дома.

Он был растерян. С недоумением смотрел на вооруженных шокерами служителей порядка. Озирался, будто пытался понять, как очутился на проезжей части. Кутался в халат, закрывал ладонью лицо.

Вокруг сновали сбитые с толку сибер-такси. Из их салонов выглядывали удивленные горожане, целились камерами своих комми в сутулую фигуру, окруженную людьми в форме.

– Вы мешаете движению, – однообразно повторял один из правохранителей. – Прошу вас, следуйте за нами... – Он видел, что босой нарушитель находится в шоковом состоянии. Он старался не слишком на него напирать. И монотонно уговаривал:

– Мы здесь, чтобы помочь вам. Пожалуйста, следуйте за нами...

Яр что-то лепетал, когда его вели в служебный мобиль. Но слушать его стали, только когда он проглотил желтую таблетку и выпил стакан лимонной воды.

– Мертвое тело в вашей квартире? – Служители переглянулись. – Вы уверены?

– Да... Он прятался у меня... – Яр не выпускал из трясущихся рук высокий стакан. – Велел, чтобы я никому не говорил... Он сумасшедший. С ножом. Он мог меня убить. И я залез в шкаф. А когда выбрался – он лежал на полу. Мертвый. Я думал, он просто без сознания. А он мертвый. Я его перевернул. А из бока – кровь...

– Сначала попробуйте успокоиться. Потом мы поднимемся в вашу квартиру и всё проверим. Хорошо?

– Да, да.

Ему впрыснули что-то в бедро. Закутали в одеяло. Дали еще воды.

– За вами нужно кому-то присмотреть.

– Я женат... Мне надо связаться... Но мой комми... Так некстати...

– Не беспокойтесь. Мы сообщим вашим женам.

Яру стало тепло и сонно – должно быть, укол подействовал, а, может, в воде было что-то растворено. Яр смотрел на заботливые лица правохранителей и вяло им улыбался. Они были хорошие люди. Надежные, вселяющие уверенность. Всё плохое, случившееся с ним, забывалось и таяло. Мир сузился. Существовало лишь то, что он мог увидеть и к чем мог прикоснуться.

Яру казалось, что он пьян.

И его тянуло в семью.

– Моя жена беременна, – делился он сокровенным и пытался вспомнить, откуда это ему известно. – Я должен ее увидеть...

Теперь он не слышал, о чем переговариваются люди за его спиной.

– Галлюцинации, как побочный эффект лечения?

– В его деле написано, что такое возможно. Тем не менее, мы обязаны проверить.

– Не имеем права, пока он находится под действием препарата.

– Сколько ждать?

– Час-два.

– Давно собираюсь поменять работу.

– Думаешь найти что-то поспокойней? Заскучаешь.

– Когда заскучаю – вернусь.

– Тогда какой смысл уходить?

– Просто хочу отдохнуть.

– Кажется, приехали... Вот его дом.

– Какой этаж?

– Восьмой, кажется. Сейчас уточню.

- Недалеко от поверхности.
- Повезло.
- Долго еще ждать... Может, сыграем пока во что?
- Командой? А давай! Как минимум, час у нас есть.
- Вот тебе и отдых, Фелис... Нет, лично я работу менять не собираюсь...

* * *

Когда Яр пришел в себя, ему показалось, что с момента, когда патруль подобрал его на дороге, минул год. Или даже больше. Былые события будто бы потускнели и расплылись, многого он и вовсе не помнил.

Но достаточно было ощупать себя и оглядеться, чтобы понять, что времени прошло куда меньше.

- Очнулись? Успокоились?
- Яр автоматически кивнул. Спросил, потирая ладонью лоб:
- Сколько я проспал?
- Час и десять минут.
- А мне кажется, будто несколько месяцев.
- Это обычный эффект. Скоро вернетесь в норму.

Он находился внутри мобилы правохранителей, полулежал в скромном потертом кресле. Другие места были заняты людьми в форме – было их здесь семь человек. Сейчас они не проявляли к задержанному особого интереса, все они уткнулись в свои комми. По двум стенным экранам струился плотный текст – очевидно, так отображалась какая-то служебная информация. На потолочный дисплей выводилась испещренная яркими значками карта города. В конце просторного салона в нишах за прозрачными перегородками висели, подобрав лапы, три сибера-усмирителя.

– Вы подтверждаете всё сказанное вами прежде? – спросил один из правохранителей, со вдохом убирая комми и поворачиваясь к Яру.

- А что я говорил?
- Вы утверждали, будто в вашем доме находится труп. Что какой-то человек угрожал вам ножом.
- Его имя Гнат.

Правохранитель кивнул и снял с пояса черный служебный планшет.

- Что еще вы можете вспомнить? – спросил он, делая какие-то пометки.

Яр пожал плечами:

– Гнат называл себя зрячим. Считал, что его преследуют какие-то существа, которых только он и мог видеть.

- Он был дикий?
- Нет... Вроде бы, нет... Он говорил, что рос как все, в доме воспитания.
- Хорошо... Можете примерно определить его возраст?
- Он постарше меня... Думаю, лет пятьдесят.
- Труп в вашей квартире – это он?

– Да.

- Это вы его убили?

– Нет... Нет! Что вы?! Я прятался в шкафу. А когда выбрался, Гнат уже был мертв. Но я не знал, что он мертвый, стал его связывать. Думал, что он придет в себя... А потом... Из него так плеснуло... Вот отсюда... И голова повернулась... И я понял, что он мертвый, и я... Дальше плохо помню... Не понимаю только... – Яр осекся, замолчал.

- Что вы не понимаете? – спросил правохранитель.

– Не понимаю, как я выбрался из квартиры... Мы запирали дверь, заваливали ее... Я не мог... Или мог?... Мне теперь кажется, что она была открыта... Да, когда я выбежал, она была открыта! Значит, Гнат всё разобрал и освободил выход. Но почему-то остался в квартире...

– Кто его мог убить?

– Не знаю... Я не знаю, честное слово! Может быть, он сам? Он мог упасть и наткнуться на свой нож. Он постоянно таскал его с собой. Да, наверное, так и было.

– Понятно... Теперь мы должны подняться, чтобы в вашем присутствии осмотреть квартиру. Вы готовы?

– Да... – голос Яра дрогнул. – Но я бы не хотел опять его видеть...

– Честно сказать, я и сам не горю желанием лицезреть описанную вами картину.

– Пора менять работу, – громко сказал кто-то сзади. – Я же говорил.

– Заткнись, Фелис. Первым к трупу пойдешь ты.

– Это почему еще?

– А потому, что в твоём личном деле записано, будто ты два месяца работал помощником какого-то там доктора. И потому, что ты проиграл!..

* * *

У лифта произошло нечто странное.

Когда разошлись серебристые створки, правохранители все как один приостановились и повернули головы направо. Казалось, что их внимание привлек какой-то посторонний звук.

Но Яр ничего не слышал.

Он недоуменно посмотрел в сторону, куда устремились взгляды сопровождающих, и не обнаружил там ничего примечательного. Но в ту же секунду ему показалось, что из зеркальной кабины лифта выскользнула высокая тень.

Он не разглядел ее. Он просто зафиксировал боковым зрением какое-то неясное движение, и в его голове сам собой сложился подходящий образ: высокая размытая фигура вытекла из лифта и слилась со стеной.

– Вы видели?

– Что? – Правохранители так же дружно повернулись к нему.

– Не знаю... – Яр несколько растерялся. – Из лифта кто-то вышел.

– Кто?

– Я не знаю.

– Лифт был пустой, – сказал правохранитель Фелис. И его товарищи согласно кивнули.

– Но вы могли не заметить. Вы же отвернулись.

– Мы? Отвернулись? Разве?

– Вы глядели в ту сторону, – Яр показал пальцем.

– Да? Ну, может быть. Я как-то не обратил на это внимания.

– Вы... – Яр хотел было рассказать им, что они все, как по команде, посмотрели в одну точку, и в этой дружности было что-то странное и даже страшное. А фигура, выскользнувшая из лифта, мало походила на обычного человека. Но ему вдруг вспомнились слова Гната, сказанные им здесь же, на этой самой площадке:

“Никаких лифтов... На лестнице безопасней...”

– Наверное, показалось, – смиренно сказал Яр.

В зеркальную кабину он вошел последним.

* * *

Дверь была прикрыта, но не заперта. Яр долго не решался переступить порог. Притихшие правохранители его не торопили, понимая, видимо, как ему сейчас нелегко. Они и сами не слишком рвались к трупу, живописуя себе мрачные отвратительные картины.

Но квартира встретила их ярким светом и тихой музыкой, известила хозяина о поступлении новых писем, предложила немедленно зачитать.

– Не надо, – автоматически сказал Яр. И встал, окончательно растерявшись, совершенно ничего не понимая.

– Где тело? – спросили его.

– Там, – он вяло махнул рукой. – В коридоре перед холлом.

– Большая квартира, – завистливо сказал Фелис, но на его слова никто не обратил внимания.

Под ноги ввалившимся гостям кинулись сиберы-уборщики, заурчали довольно, подбирая крохи уличной грязи. В ванной шумела вода. На кухне натужно гудел вытяжкой домашний кулинар, тщетно пытаясь не дать запаху сладкого печеного теста вытечь наружу.

Дома был совершенный порядок.

И Яр почти не удивился, когда вернувшийся Фелис доложил:

– Там никого нет.

– В комнатах проверил?

– Да. Нигде ничего подозрительного. Всё в порядке.

– Как это понимать? – Правохранители посмотрели на Яра.

– Я не знаю... – Он развел руками. – Я сам ничего не могу понять.

Дверь ванной открылась, и из нее, вытирая полотенцем руки, вышла загорелая и будто бы светящаяся Алета, одетая в легкий домашний халат.

– Здравствуйте, – сказала она гостям. – Привет, дорогой, – сказала она мужу и, привстав на цепочки, чмокнула его в щеку.

Ошалевший Яр привалился к стене.

– Вы его жена? – спросил кто-то из правохранителей.

– Старшая, – сказала она, улыбнувшись. – Мне сообщили, что у Яра какие-то проблемы, просили присмотреть за ним.

– Давно вы здесь?

– Минут тридцать, наверное.

– Заметили что-нибудь подозрительное?

– Подозрительное? Что именно?

– Ну, например, тело. Труп незнакомого мужчины.

– Труп? – Алета рассмеялась. – Тело? Вы, должно быть, шутите?

– Мы – нисколько. Возможно, шутит ваш муж.

– Это не очень на него похоже...

Яру казалось, что он попал в какой-то чудовищный нереальный спектакль. Он был готов признать себя безумным – лишь бы всё кончилось, только бы появилась хоть какая определенность. Реальность сделалась зыбкой и ненадежной.

– Можно побеседовать с вами наедине? – обратился к Алете правохранитель с шевроном старшего группы.

– Конечно, – игриво ответила Алета.

Да она же кокетничает с ним! – осознал вдруг Яр, и это страшно его возмутило. Он фыркнул, затряс головой, несколько раз хлопнул в ладоши, топнул ногой. Его тотчас схватили за руки, за плечи. Он закрутил головой, засмеялся, захохотал – и начал задыхаться.

– Успокоительное!

К бедру присосалось что-то холодное. Резкий запах ударил в нос.

– Уложите его куда-нибудь. Пусть немного отдохнет.

Яр пытался сопротивляться, вырывался, старался что-то сказать. На его потуги не обращали внимания. Его оттащили в комнату, положили на диван, укутали одеялом, сунули в ладонь пульт от медийного центра.

Кто-то тяжелый сидел на ногах.

Кто-то придерживал руки.

И Яр сдался. Расслабился. Прикрыл глаза.

Играла музыка.

Переговаривались голоса.

В висках билась кровь.

– Что со мной? – тихо и испуганно спросил Яр.

Ответ он получил только через десять минут.

– Назначенное вам лечение вступило в интенсивную фазу. Мы только что связались с вашим доктором. Он расстроен. Он не ожидал, что действие лекарств будет настолько сильным. Но он обещает, что это скоро закончится. Вы понимаете, что я говорю?

Да, он понимал.

– Здесь не было никакого безумца с ножом. Здесь нет никакого трупа. Это всё вам привиделось, почудилось. Впредь будьте осторожны. Больше спите. Старайтесь не нервничать. Учитесь отличать галлюцинации от реальности. Если подобное повторится, обратитесь в клинику, возможно, там скорректируют схему лечения. Это вам ясно?

– Да.

– И старайтесь как можно реже выходить на улицу. Для вас это может оказаться опасным.

Яр кивнул.

Правохранитель был прав.

Правохранители всегда были правы...

* * *

Ужин казался праздником.

На белой скатерти встали навывтяжку блистающие стройные фужеры. Рядом разместились тарелки – не одноразовые пластиковые, как в обычные дни, а торжественные стеклянные. Сладкий хлеб, горячие тосты и свежее печенье сложились в архитектурную композицию, нарушить которую не поднималась рука. На румяных пластах запеканки свернулись тонкие ломти мясного рулета, крохотными вулканами поднялись над съестным ландшафтом пирамидки холодных салатов...

Праздник получился тихим.

Алета пыталась разговорить мужа, но Яр был апатичен и рассеян. Впрочем, с едой он вел себя решительно – поглощал ее в большом количестве и не слишком аккуратно.

Он был голоден.

После трапезы они перешли в спальную комнату и наскоро сделали там любовь.

– Мне сообщили, что с тобой не все в порядке, – сказала Алета безо всяких предисловий, когда удовлетворенный муж отвалился от нее. – И я тут же приехала. Ты ценишь это?

Яр зевнул. Ему нужно было идти в душ, но он уже не мог заставить себя подняться с постели.

– Конечно, ценю, – сказал он вяло.

– Они хотели связаться с Маей и Ольшей, но я просила их не делать этого.

– Почему?

– Я твоя старшая жена. А им незачем быть в курсе твоих проблем. Они еще мало что понимают в жизни.

– Ты умная, я всегда это говорил.

– Потому и женился на мне.

– Да...

Они долго молчали. Яр почти уже заснул, но голос Алеты выдернул его из топкого забытья:

– Можешь объяснить, что здесь случилось?

– Мне привиделось страшное, – пробормотал он, не открывая глаз. – Это какие-то галлюцинации... Из-за лечения... Сон наяву...

– Я испугалась, когда сюда вошла, – сказала Алета. – Здесь же всё было перевернуто. У двери валялась мебель. Много вещей поломано, разбито. Вся техника выключена. Не квартира, а первобытная пещера...

До Яра не сразу дошло, о чем говорит жена.

– ...Мне самой пришлось наводить порядок – одни сиберы так быстро не управились бы. Я же знала, что в квартиру вот-вот нагрянут правохранители. Спешила. Они не должны были ничего заподозрить. Я обязана была тебя защитить.

Яр вздрогнул. Открыл глаза. Приподнялся.

– Что? Что ты такое говоришь?

– В квартире был еще кто-то, – уверенно заявила Алета. – День или два ты жил здесь не один.

– С чего ты взяла? Почему ты говоришь это мне?! Зачем ты меня пугаешь?!

– Я видела следы другого человека, когда убиралась. Волосы на ковре. Следы от тарелок на столе. И я чувствовала чужой запах.

– Здесь никого не было! Это галлюцинации! Я болен!!

– Ты убил его? Доверься мне, признайся, не бойся. Я никому ничего не скажу.

– Нет! Нет! – Яр закрыл лицо ладонями. – Я никого не убивал! Нельзя убить того, кого нет!

– Я знаю, что ты прятался от него в шкафу, в тайнике, где мы собирались прятать танатол, но у тебя на это так и не хватило духу. Я нашла там одну вещь... – Алета подвинулась к краю постели, опустила вниз руку, свесилась сама, заглядывая под кровать, что-то там выискивая.

– Чужую вещь...

Яр с ужасом смотрел на жену.

Неужели кошмар продолжается?! Неужели ничего не кончилось?!

Это сон! Сон! Сон!..

– Вот, – сказала Алета и, повернувшись, высоко подняла свою находку.

Большой острый нож, заляпанный бурым.

– Ты убил его? – спросила она. И Яр, закусив губу, отчаянно замотал головой.

– Значит, ты его ранил, – удовлетворенно сказала Алета и бросила нож на ковер. – Ты его ранил, и он сбежал... Девчонкам незачем это знать. Но мне ты можешь довериться. Ведь я твоя старшая жена. Первая.

Яр спрыгнул с кровати и, согнувшись, помчался в ванную.

Его рвало не переваренным праздничным ужином.

* * *

– Как я могу проверить, что это не сон? – кричал Яр через полчаса, и тряс головой, и хлопал носом, и вскидывал руки. – Я не знаю, во что верить! Как, как мне убедиться, скажи?! Что если не было никакого Гната?! Что если и тебя сейчас со мной нет?!

Бледная, но спокойная Алета сидела напротив мужа. Она молчала и потихоньку подвигалась к нему ближе, а он отстранялся и не позволял касаться себя.

Наконец, женщина победила. И осипший, опухший Яр прижался к ней, уткнулся лицом в теплую грудь и замер, тихо всхлипывая, дрожа и что-то невнятно бормоча. Она гладила его волосы, и дула на виски, и целовала в макушку.

– Всё будет хорошо, – приговаривала она. – Всё кончилось. Успокойся...

В два часа ночи они еще раз сделали любовь. Потом Яр лежал на спине, закинув за голову руки, и смотрел в потолок. Завернувшись в одеяло Алета сидела на его бедрах.

– Он был мертв, я в этом уверен, – Яр почти стонал. – Он лежал на полу. И из него плеснуло. На пол.

– Ты ошибся. Он просто был ранен. Он очнулся оттого, что ты его задел. А когда ты сбежал, он встал и ушел.

– Но я же его связал.

– Он как-то сумел распутаться.

– Ты видела кровь на ковре?

– Там были какие-то пятна. Но сиберы их быстро вычистили.

– Ты действительно думаешь, что он жив?

– А как иначе объяснить его отсутствие?

– Но если он жив... Значит, он может вернуться.

– Дверь заперта. Не волнуйся... Зачем ему возвращаться?

По стенам растекались цветные всполохи. Тени шевелились на потолке. За окнами шумел ночной город, и спать совсем не хотелось.

– Тебе нужно развеяться. Хочешь поиграть? Или пойдем погуляем?

– Я должен увидеть Ольшу. Она приходила ко мне, хотела поговорить. Но я прогнал ее.

– Сейчас не время. Сам понимаешь.

– Она беременна.

– Это она тебе сказала?

– Это он мне сказал.

– Кто?

– Гнат. Человек с ножом.

– Да? Странно... Она действительно беременна. Я только вчера узнала об этом... Но как догадался он?

– Я не знаю... Я ничего не знаю...

Потом они лежали рядом и смотрели на шевеление теней.

– Мне кажется, что я попал в программу розыгрышей, – сказал Яр. – Мне представляется, что нас с тобой снимают камеры. И тысячи людей смотрят сейчас на меня, и гадают, как бы они себя повели, оказавшись на моем месте. А скоро, может быть прямо сейчас, вот в этот самый миг, сюда ворвутся организаторы и заорут, хохоча: “Это розыгрыш!”

– Ты не должен так думать.

– Я вообще не хочу думать. Сейчас я хочу стать безмозглым сибером. Чтобы – щелк! – и выключиться на время... Я очень устал, Алета... Я никогда так не уставал... Это просто безумие какое-то...

Глава 4

Последующие несколько дней Алета постоянно была рядом. Она на время оставила все свои дела и даже забыла о Германе – своем втором, старшем муже. Яру это казалось не вполне правильным. Он смущался, что она тратит на него так много времени, но возражать не решался. Присутствие жены его не стесняло, как это было прежде. Случившиеся неприятности сблизили и сроднили их. И они доверяли друг другу такие тайны, какими прежде делились лишь с анонимными сетевыми собеседниками.

Большую часть дня они проводили в квартире: играли, общались с друзьями, смотрели разнообразные шоу, слушали музыку, учились танцевать. Дважды в день Алета колдовала с домашним кулинаром, подгружала из сети какие-то хитрые рецепты – Яр и не подозревал, что еда может быть такой разнообразной. А вечерами они выходили в город и отправлялись на поиски приключений. Для Яра бесцельное блуждание по ночному городу было в новинку. Для Алеты же, кажется, такое времяпровождение было привычным. Они садились в такси, наугад выбирали место на карте, мчались туда по залитым светом трассам, а потом до утра бродили по незнакомым улицам, заглядывали в магазинчики, клубы и прочие заведения, некоторые из которых были весьма и весьма необычными. Они совершали множество ненужных покупок, они делали глупости, они искали встреч со странными людьми – и сами старались казаться странными.

Яр отдыхал.

Воспоминания о недавних неприятностях потускнели. Коктейли, ароматный дым и таблетки настроения помогли ему очистить память. Громкая музыка и яркие движущиеся картинки наполнили его существование жизнью. Никогда прежде Яр не веселился так, как в эти дни. Веселился отчаянно и безоглядно, безумно и отрешенно.

Они разбивали сиберов в каком-то полулегальном баре на окраине города.

Они участвовали в конкурсе на самую любвеобильную пару.

Они карабкались на стену “Дома Отчаянных”.

Они забирались в необитаемые подземные лабиринты.

– Почему ты никогда не показывала мне этого?! – кричал Яр, обводя руками сияющий город, развернувшийся внизу. Они, обнявшись, стояли на крохотной площадке трансляционной башни. Лишь немногие небоскребы возносились на такую высоту.

– К этому нужно быть готовым, – кричала Алета, крепко держась за металлический шпиль. Сильный ветер трепал ее рыжие волосы и гудел в натянутых тросах. Настоящий свободный ветер, которого никогда не бывает там, внизу.

– Что это значит?

– Подумай и, может быть, поймешь сам.

Яр не хотел ни о чем думать...

Однажды Алета решила, что Яру пора поговорить с младшей женой. Она свела их в ресторане “Идальго”, а сама незаметно исчезла.

– Привет, – сказала Олыша, усаживаясь напротив.

– Привет, – сказал Яр. – Извини за тот разговор.

– Не надо сейчас оправдываться. Алета мне всё объяснила.

– Всё?

– Ты болел. Ты бредил. Мы не должны были видеться.

– Да, конечно. Я сам не понимал, что говорил.

– Это уже не важно. Ты знаешь, о чем я хочу с тобой поговорить?

– О ребенке.

– Алета уже тебе рассказала? Я же просила ее не делать этого...

– Я догадался сам, – соврал Яр. – Она просто потом подтвердила.
– Догадался? – Олыша удивленно посмотрела на него. – Почувствовал?
– Не знаю... – Яр замялся. – Наверное... Не могу объяснить...
– Я хочу его оставить, – резко сказала Олыша, и лицо ее сделалось острым и строгим.
– Я не против, – сказал Яр.
– Нет, ты не понимаешь... Я хочу сама выносить его...
– Сама? Зачем?
– Я так хочу...
– Но в доме рождений...
– Да, да, я знаю! Мне все это говорят, все только это и твердят: дом рождений, дом рождений! Там безопасней! И мне, и малышу!
– Именно.
– Нет! Я не хочу! Не хочу его отдавать!
На них стали оборачиваться. И Яр подвинулся ближе, взял Олышу за руку, погладил ее пальцы:

– Успокойся... Не кричи...
Он налил ей лимонной воды, велел выпить. Сказал, сам не веря, что произносит это:
– Если ты хочешь, пусть будет так.
– Но это не все... – Она посмотрела на него. Глаза ее влажно блеснули. – Я не хочу отдавать его в дом воспитания. Я хочу сама вырастить его.

Яр нахмурился, отпустил ее руку. Долго молчал, глядя в тарелку. Сказал:
– Он будет дикий.
– Он будет мой!
– Это неправильно.
– Почему?!
– Так нельзя.
– Почему?! Почему?!
– Потому что это плохо.
– Кому плохо? Мне? Тебе?
– Я не хочу, чтобы мой ребенок был дикий.
– Я его воспитаю!
– Ты не сможешь. Не сумеешь. Это же... Это груз, ответственность. Разве ты не понимаешь? Тебе не осилить... Дома воспитания для того и созданы – слава предкам...
– Зачем ты так говоришь?!

Она разрыдалась.
Яр смотрел на нее, и чувствовал в душе неясное неприятное томление.
– Чего ты от меня хочешь? – спросил он, начиная злиться.
– Это ведь твой ребенок, – проговорила она сквозь рыдания. – Наш с тобой...

Грянула музыка. Ухоженный сибир-официант остановился возле их столика, собрал грязную посуду, коротко поклонился и укатил. Яру было очень неудобно. Нужно было непременно что-то сделать, но он не знал, что именно.

– Поступай, как хочешь, – сказал он. И понял, что произнес не те слова, что был должен...
Он здорово напился потом. До беспамятства, до бесчувствия. Только одно запомнилось ему: высокие черные тени, встречающие его на выходе из ресторана.

О, эти тени!
Теперь они чудились ему постоянно, всюду. Безумие безвестно сгинувшего Гната оказалось заразным. Неясные фигуры попадались на глаза едва ли не каждую ночь, их пугающие очертания угадывались в неверных тенях, их смутные силуэты мерещились в темных местах. Яр изо всех сил старался не замечать черных призраков. Он убеждал себя, что это лекарства

так на него действуют. И обещал себе, что завтра же отправится в клинику. Но почему-то каждый раз на это не находилось времени.

Их время было занято другим.

* * *

Кажется, это был четверг. Или пятница. А может и суббота.

Яр и Алета только что поужинали и начали собираться на ставшую привычной прогулку.

– Ты уже знаешь, куда мы отправимся? – спросил Яр.

Алета многозначительно улыбнулась и протянула ему какую-то синюю горошину.

– Что это? – поинтересовался Яр.

– Съешь и ни о чем не спрашивай.

– А это не опасно? Мы довольно много выпили.

– Так даже лучше...

Горошина растаяла на языке. У нее был кисловатый вкус.

– Что чувствуешь? – спросила Алета.

– Пока ничего, – осторожно ответил Яр.

– Нужно немного подождать.

Яр присел. И ощутил, что в заднем кармане брюк что-то есть. Приподнявшись, он хлопнул себя по ягодице.

– Почувствовал что-то? – тут же поинтересовалась Алета.

– Да, – ответил Яр и вытащил из кармана плоский чехол-книжку.

Он сразу его узнал. Этот предмет вывалился из тренировочных штанов, что были на бесчувственном Гнате. Но как чехол очутился в этих брюках?

– Откуда он здесь? – вслух удивился Яр.

– Совсем забыла, – виновато сказала Алета. – Я сегодня нашла его в твоём халате, когда разбирала вещи для стирки. И переложила в брюки. Ты его не раздавил?

– Это не комми, – сказал Яр. – Этот чехол принадлежит Гнату.

– Тому человеку с ножом?

– Да.

– И что там?

– Какой-то мусор, я не разбираю его.

– Дай, я посмотрю.

Он отдал ей чехол, хоть и считал, что копаться в чужих вещах не вполне правильно. Алета, кажется, так не думала. Она присела возле мужа и разом вывалила себе на колени всё, что находилось в чехле-книжке.

– Маркер для пластика. Кредитная карта. Еще одна...

Яр смотрел, как Алета хищно перебирает вещи пропавшего, возможно, мертвого человека, и ему было не по себе.

– Бумаги, какие-то записки... Он писал маркером на обороте квитанций. Делал какие-то пометки для себя... Смотри, как интересно: “Их общение беззвучно. Но, кажется, они понимают наш язык”. Это он о тех невидимках?

– Наверное.

– Фотография. Бумажная. Гляди! Это он?

Яр взял отпечатанный снимок. Ему показалось, что рука его при движении оставляет в воздухе едва заметный радужный след. Наверное, причиной тому была синяя горошина... Он попробовал сосредоточиться, всмотрелся в неясную фотографию. Покачал головой:

– Нет, это не он.

– А кто?

– Откуда я знаю?

Фотография была примечательная: кто-то безвестный снялся на фоне неровной бетонной стены в обнимку с покореженным сибером-усмирителем. Но не разбитый сибер, и не человек со стальным прутом в руке привлекли внимание Яра. На фотографии присутствовала еще одна фигура.

– Ты видишь это, Алета?

– Тень?

– Довольно четкая, правда?

Яру стоило немалых усилий говорить спокойно.

– Обычная тень. Отдаленно напоминает человека в плаще. Если бы ты не показал, я бы и внимания не обратила.

– Вот от них он и бегал, – сказал Яр и закусил губу.

– Кто? – не поняла Алета.

– Гнат.

– Тот человек с ножом?

– Да...

Алета поднесла снимок ближе к глазам, пригляделась. Посмотрела на обратную сторону – там было чисто.

– Но это же обычная тень. Неудачно выбранный ракурс, плохое освещение, какая-то помеха перед вспышкой – и вот результат... – Алета заглянула Яру в лицо. И испугалась его бледноты. Спросила тихо, участливо:

– Ты считаешь, что именно этот снимок сделал его безумным?

Яр ответил не сразу. Ему уже расхотелось куда-то идти. Он думал о том, чтобы запереться дома, включить во всех комнатах весь свет, завести громкую музыку. А дверь... Дверь, конечно, лучше заставить тяжелой мебелью, завалить увесистым барахлом, а потом для пущей надежности обмотать получившуюся грудку клейкой лентой, обвязать шарфами, ремнями, галстуками...

– Я боюсь, что таких фотографий много, – медленно проговорил Яр. – Последние несколько дней я и сам вижу эти тени. Верил, что это просто галлюцинации... Но они точно такие, как на этом снимке... Точно такие...

* * *

Они остались дома. Они включили весь свет и завели громкую музыку. Но дверь баррикадировать не стали.

Они переоделись в теплые халаты и обули мягкие тапочки, они выпили водки и текилы, съели блюдо чипсов и дюжину сырных шариков. Яр никак не мог успокоиться. Ему не сиделось на месте, и он всё расхаживал по комнате, и постоянно что-то хватал с полок, со столов, с кресел, мял, тискал – и бросал. Он порывался объяснить Алете свое состояние, начинал что-то говорить, но тут же путался в словах и раздосадовано умолкал.

Потом придумал. Вернее, вспомнил.

Он отсканировал найденный снимок, выделил подозрительную тень и запустил поиск по подобию.

Он не смотрел на экран. Он смотрел на Алету. И видел, как меняется ее лицо.

Фотографий было многие сотни. Тысячи. Они все были разные. Но на каждой была эта тень.

Точно такая, как на снимке Гната.

– Теперь ты понимаешь? – прошептал Яр.

Алета молча кивнула.

– И что нам теперь делать? – спросил Яр.

Откуда ей было знать?..

Они выпили еще текилы. Им казалось, что время струится мимо них прозрачным, но упругим потоком. Рвущаяся из стен музыка вдруг обрела форму и цвет.

– Что это была за таблетка?

– Она для остроты чувств, – призналась Алета. – Я хотела отвести тебя в галерею страхов.

– У меня такое ощущение, что мы уже там.

Им стало смешно. Они одинаково фыркнули, поймали смех в кулаки. И серьезно посмотрели друг на друга.

– Неужели эти существа действительно есть?

– Я и сам не могу поверить.

– Но почему мы не видим их?

– Гнат говорил, что надо смотреть особенным образом.

– Что еще он говорил?

– Якобы, они не чувствуют боли. Но шея – их уязвимое место. Он убивал их. Убивал ударами ножа в шею.

– А что еще?

– Я не помню. Он же был как безумец. Я не слушал его. Не придавал значения его болтовне. Да и голова моя была занята совсем другим.

– Ты думал, как спастись.

– Я просто боялся за свою жизнь.

Алета подошла к Яру, взяла его за руку.

– Как ты думаешь, я могу их увидеть?

Он испугался.

– Зачем? Что ты такое говоришь? – Он даже отступил на шаг. Но Алета не выпустила его руки.

– Я хочу их увидеть. Кто они? Сколько их? Ты видишь их сейчас? А вдруг один из них стоит рядом? – Ее глаза округлились, рот приоткрылся. – Прямо вот здесь, перед нами. И слышит каждое наше слово. И понимает, о чем мы говорим...

– Перестань! Ты меня пугаешь! Ты пьяна! И эта таблетка!

– Нет! – Алета встряхнула его руку. – Нет же! Таблетка и водка здесь не при чем! Покажи мне их! Покажи! Покажи!

– Не буду.

– Ты боишься! – Она отпустила его и обиженно надулась. – Неужели ты такой трус, как и прежде? Я-то надеялась, что ты изменился. Считала, что ты отобрал нож у того человека и ранил его. Думала, ты наконец-то стал мужчиной, настоящим мужчиной, а не половозрелым мальчишкой!

– Прекрати! – Яр был готов ударить ее.

– Покажи мне их!

– Но я и сам их не вижу!

– Ты же говорил, что видишь.

– Это просто тени. Их нельзя рассмотреть. Она исчезают, едва пробуешь сфокусировать на них взгляд.

– А я верю, что можно! Ты просто боишься! Ты трусишь, будто маленький ребенок! Ты закрываешь глазки, чтобы не видеть страшного буку, сидящего в шкафу. Ты лезешь с головой под одеяло, чтобы спрятаться от ночных чудяц, живущих под кроватью!

Яр стиснул кулаки.

– Но как? Как я тебя научу?

– Вспомни, что говорил этот твой человек с ножом. Каким особенным способом он видел невидимок? Неужели тебе было неинтересно?

– Он был сумасшедший! Я не слушал его бред!

– Подумай, как следует! Напряги память!..

Они разошлись по разным углам. Отвернулись друг от друга, обиженные, и сидели так двадцать минут. Они ничего не делали, но сейчас между ними шла напряженная невидимая борьба.

Яр проиграл. Не выдержал. Сдался.

Алета всегда выигрывала.

– Гнат говорил, что нужно представить, будто ты вышел из тела. Надо посмотреть на всё как бы со стороны. Или сверху.

Яр сказал это так, словно делал великое одолжение. Алета тотчас развернулась к нему лицом. Глаза ее сияли.

– Я знаю! Это практика медитаций!

– Практика чего?

– Медитация. Древнее умение. Искусство расслабления тела, управления разумом и психикой. Неужели ты никогда не слышал об этом?

– Не помню... Кажется, это что-то запретное?

– Скорей, закрытое... Или сюда, я научу...

Они встали возле окна, положили руки на теплый подоконник, заглянули в мерцающую огнями бездну ночного города.

– Дыши ровней, глубже... Вбирай воздух животом... Освободи голову от мыслей... Не фокусируй ни на чем взгляд. Старайся охватить им как можно больше пространства... И попробуй представить, будто твой разум отделяется от тела... И летит... Поднимается выше... Выше...

Гнат утверждал, что для прозрения нужно долго тренироваться. Он ошибся. Алета увидела их через пять минут. Она ойкнула и показала пальцем:

– Вон! Двое! Идут мимо фонаря! И встали!..

Яр ровным счетом ничего не видел. Высоко было, да и ночное освещение не слишком помогало.

А впрочем...

Там, где секунду назад никого не было, Яр вдруг различил две черные смутные фигуры.

Конечно, он не мог наверняка знать, что это те самые невидимки, от которых искал спасения Гнат, – ведь слишком высоко, да и ночное освещение... Но почему-то сейчас Яр не сомневался – это они.

– Это они, – тихо сказал он.

Алета посмотрела на него нестерпимо глубокими глазами, открыла рот и громко радостно засмеялась.

Яр отшатнулся. Он решил, что его старшая жена сошла с ума.

* * *

После той ночи они на какое-то время расстались: Яр внезапно обнаружил, что погряз в долгах, и решил вернуться к работе, а Алете как раз нужно было пройти очередной курс омоложения.

– Не забывай о девчонках, – строго наказала она перед тем, как покинуть квартиру.

Он обещал не забывать.

Трое суток просидел Яр дома. По четыре часа в день он работал в виртуальном офисе, сортируя статистические данные, формируя таблицы и рассылая их адресатам согласно утвер-

жденному списку. Работа была скучная, но Яр сочетал ее с общением – и это несколько скрашивало монотонность его занятия. Накормив личный счет порцией заработанных поинтов, он с легкой душой подключался к сети развлечений и проводил там остаток дня. Домашний кулинар обеспечивал его вкусной едой, тихие незаметные сиберы поддерживали порядок в квартире, электронные системы дома следили за температурой и влажностью в комнатах и обеспечивали максимальный комфорт жильцу.

Если что-то и портило Яру жизнь, так это неведомые существа-тени. Они приходили к нему во снах, окружали его и пытались убить десятками способов, а он, защищаясь, резал им глотки огромным ножом – и просыпался в липком, будто кровь, поту.

Эти твари были одной из причин, почему он отсиживался дома. Он боялся выйти на улицу, боялся столкнуться с одним из этих существ. Он даже к окнам теперь не подходил. А к запертой двери его квартиры для надежности и большего спокойствия был придвинут тяжелый, сделанный под старину письменный стол.

Яр понимал, что рано или поздно наступит момент, когда ему придется открыть дверь и покинуть квартиру, но пока он старался об этом не думать.

Этот момент случился в самом начале четвертых суток его одиночества.

Часы показывали половину первого ночи, когда прозвучал призывной сигнал комми. Звонила Алета – чтобы определить это, Яру не обязательно было смотреть на засветившийся экран. Когда-то давно он сам выбрал эту звенящую мелодию из стандартного набора “сэйев” для обозначения входящих вызовов от старшей жены.

Яр принял звонок, переключил изображение на большой экран.

– Да?

– Приезжай, – сказала она, даже не поздоровавшись. – Приезжай немедленно.

Яр снял с онемевшей руки джойстик. Размял пальцы, потянулся, зевнул.

– Ты знаешь, сколько сейчас времени?

– Мне всё равно! – Алета выглядела странно. Кажется, она была близка к истерике. – Приезжай как можно скорей!

Изображение на экране прыгало – у Алеты сильно дрожали руки. Она вся дрожала.

– Что случилось?

– Не спрашивай ничего! Выходи из дома и садись в такси!

– Может, стоит вызвать правоохранителей?

– Нет! Нет! – Она разозлилась. – Ты что, вечно будешь болтать?! Говорю же – приезжай!

Если ты меня любишь!

– Ладно, ладно...

Она кричала на него. Он старался казаться спокойным, но сердце его уже бешено скакало, а в горле образовалась горькая сухость. Он предчувствовал страшное.

– Я жду тебя... Только вот еще что... – Алета отвела глаза от камеры. Она смотрела на что-то в стороне. Молчала и, кажется, к чему-то прислушивалась. Белое лицо ее сделалось совсем мертвым.

– Да? – не выдержал Яр.

– Вот еще что... – медленно повторила Алета, не глядя на него. – Прихвати нож... Тот самый... Ну, ты понимаешь...

Она отключилась. Экран комми потускнел. В правом верхнем углу высветился маленький значок – сеть потеряна.

Яр выругался, швырнул комми на пол и рывком поднялся с кресла. Первым делом он направился к бару. Разноцветное тусклое стекло глянуло на него его же глазами. Он налил себе водки. Выпил. И налил еще.

Потом он нашел тот самый нож, подкрался к окну и заглянул вниз.

Если бы он увидел там хоть одну подозрительную тень, то ни за что бы не вышел из квартиры. Но как назло улица была пуста. Лишь на монументальной гранитной скамье занималась любовными ласками влюбленная парочка.

Яр долго смотрел на них. Потом вздохнул и сказал себе:

– Рано или поздно это должно было случиться.

Он выпил еще немного водки и пошел отодвигать от двери бестолковый, тяжеленный, сделанный под старину письменный стол.

Когда он был пьян, его всегда тянуло в семью.

* * *

Потом он много раз вспоминал ту гонку, выискивая возможности сберечь драгоценные минуты. Много раз он корил и проклинал себя за промедление в квартире: за свою нерешительность, за выпитую водку и долгие сборы.

Если бы он приехал к Алете хотя бы на десять минут раньше!

Если бы преодолел трусость и спустился бы вниз на лифте; если бы сел в ближайшее такси, а не в то, что показалось новей и чище; если бы бежал по лестнице вверх изо всех сил, не останавливаясь для передышек, – тогда, возможно, она осталась бы жива.

И, наверное, многое сложилось бы иначе...

Он вошел в квартиру Алеты, хотя ему следовало бы ворваться в нее. Нож болтался в смешной, разукрашенной стразами сумке “Йелла”, вместо того, чтоб уже влиться отполированной рукоятью в крепко сжатые пальцы. Яр крался по длинному коридору, осторожно заглядывая в комнаты – а ему нужно было сразу мчаться в спальную комнату и выкрикивать ее имя...

Он упустил время.

Он позволил жене умереть.

Позволил *им* убить ее...

Алета лежала на красном овальном ковре. Лежала на боку, подтянув ноги к животу, правую руку подложив под голову, а левую прижав к груди. Ее разметавшиеся рыжие волосы словно вплелись в вытканый узор. Рядом валялся комми: золотого цвета “Узи Камра” – он сам советовал ей взять эту модель.

Яр кинулся к жене – и вдруг встал, словно на стеклянную стену налетев. Он увидел *их*.

Две черные фигуры нависли над Алетой.

Они не двигались – но ускользали от его взгляда. Вернее сказать, это взгляд соскальзывал с них.

Яр попятился, полез трясущимися руками в сумку, порезал палец о лезвие ножа.

“...Кажется, они совсем не чувствуют боли...”

И тут они повернулись. Это выглядело очень странно: фигуры шевельнулись и сменили положение, но позы их остались прежними, и выглядели они точно так, как за секунду до этого: высокие сутулые спины, облитые тяжелыми складками черных плащей. И, тем не менее, Яр чувствовал, что сейчас эти спины смотрят прямо на него.

Пристально смотрят, изучающе.

“...Шея – их слабое место...”

Он неловко вытащил нож, взял его двумя руками, упер рукоятью в живот, выставив лезвие перед собой.

Фигуры медленно на него двинулись.

И тогда Яр тихонько запищал – словно придавленный ногой сибир-пылесос.

“...Шея – их слабое место...”

Он понял, что выдал себя. Осознал, что у него был шанс на спасение: надо было тихо отступить, незаметно уйти, притворится слепым, незрячим.

Но теперь поздно.

Теперь уже поздно!

Фигуры были выше его. У них не было лиц, он не мог различить у них ни рук, ни ног, ни головы. Какая уж тут шея?

Яр спиной и ягодицами уперся в стену. Дальше отступать было некуда.

И тогда он вспомнил, как Алета учила его медитации, – и задышал глубоко, размеренно, пытаясь подняться над своим телом, осмотреться с высоты. Он представил, что он – это не он, а загнанный в угол Гнат. Он перехватил нож, взял его той особенной хищной хваткой, что подсмотрел у Гната. Он согнул ноги в коленях, опустил голову.

“...Шея – их слабое место...”

На какую-то секунду он поверил, что его здесь нет. Что он просто наблюдатель, зритель.

Он увидел, как оскалившийся Гнат кинулся на одну из фигур.

И почувствовал, как нож вспарывает плотный плащ, который, вроде бы, и не плащ совсем; ощутил, как страшно погружается в плоть острое лезвие, и на пальцы плещет обжигающая кровь.

Он закричал.

Не было здесь никакого Гната.

Нож был в его руке. Это он – Яр Сладин тридцати восьми лет отроду – убил черную фигуру.

А спустя мгновение и вторую.

* * *

Он плохо помнил, как очутился дома. В памяти остались лишь мутные наслаивающиеся картинки: мрачные лестничные пролеты; шарахнувшийся в сторону прохожий; парковка такси, словно кровью залитая красным светом; салон мобиля – и спина черного призрака, сидящего на переднем сиденье.

Убил ли он еще кого?

Яр не мог вспомнить.

Полночи провел он на диване в гостиной, скорчившись и трясясь. А, решившись подняться, обнаружил, что входная дверь заставлена мебелью, а все окна закрыты портьерами и завешаны простынями.

Он не помнил, когда сделал это.

С замиранием сердца подкрался Яр к окну и выглянул на улицу. Он догадывался, что откроется ему внизу. Но, тем не менее, увиденное его потрясло.

Черные фигуры сторожили дом. Их было никак не меньше десятка. И их прибывало.

Яр заметался по квартире.

Что же делать? Вызвать правоохранителей? Но они знают о его галлюцинациях, они не отнесутся к нему серьезно, они не сумеют его защитить. Максимум, что они сделают, это направят в клинику. А туда нельзя. Там невозможно запереть двери, там невозможно спрятаться от невидимок.

О, Господи! А если тело Алеты уже обнаружено?!

И тот прохожий расскажет стражам порядка о несущемся на него взъерошенном страшном человеке, и вездесущие камеры покажут его бегство с окровавленным ножом в руке.

Его обвинят в убийстве жены.

Его признают сумасшедшим.

Может быть, стражи уже мчатся сюда.

Нет, нет, нет! Наверняка, тело Алеты пропало, как пропал труп Гната. Черные твари что-то делают с телами, то ли прячут их, то ли уничтожают. Они заметают все следы. Они не хотят быть обнаруженными.

Кто же они такие?! Кто?!

И что теперь делать?!

Спросить совета в сети? Позвонить кому-то? Описать в дневнике случившееся?

Нет, это опять приведет его в больницу. Никто не поверит, как он сам не верил Гнату. Его посчитают сумасшедшим, от него отвернутся, его отправят лечить голову, править мозги.

А что бы сделал Гнат?

Что бы он сделал, оказавшись на моем месте?!

Яр застыл, боясь спугнуть пришедшую в голову мысль.

Да, у Гната был какой-то план. Он с кем-то связывался. Он собирался куда-то идти. Он не просто так прятался здесь, в этой квартире, он чего-то выжидал.

Где его вещи?!

Яр кинулся к полкам. Чехол-книжка лежал там, где его оставила Алета. Яр вывалил на пол всё, что было внутри, лихорадочно принялся перебирать бумажные обрывки, с трудом разбирая писанные от руки буквы.

“Сер. очень опасны. Черн. больше всего.”

“12 + 5. Скоро выйд. ”

“Кар. оз. 1245 – в память...”

Яр не понимал, что всё это значит, и совал такие записки в карман. Но три мятых грязных листочка он аккуратно отложил в сторону.

“Ларс”, – это короткое слово, скорей всего имя, было написано и несколько раз обведено на первом листке.

“Квартал 40, «Кардинал», Ларс.” – это было на втором бумажном лоскуте.

“Ларс назвал их хурбами.” – можно было разобрать в третьей записке.

– Ларс, – негромко проговорил Яр. – Если я правильно понял, мне просто необходимо как-то тебя найти.

Он встал, опять выглянул в окно. Черных фигур стало заметно больше.

– Хурбы, – сказал им Яр. – Вот, значит, вы кто.

Ему сделалось чуточку спокойней оттого, что у призраков обнаружилось имя.

Значит, не он один знает об их существовании. Выходит, не только Гнат и Алета сталкивались с ними. Но и другие люди – те, что дали *им* название.

Хурбы – какое отвратительное хрустящее слово!

Яр заметил, что тени внизу зашевелились. Они собирались вместе, группировались. И медленно перемещались к дому.

Яр наблюдал за ними несколько минут, пытаясь разгадать суть происходящего. Потом до него дошло: хурбы завершили осаду и начали готовиться к нападению.

Сколько же их там? – он уже не мог сосчитать. Темные фигуры сливались – и казалось, что к козырьку подъезда движется плотное облако тьмы.

“Завал из мебели их не остановит, – понял Яр. – И запертая дверь для них не помеха”.

И даже нож вряд ли чем поможет.

Нужно бежать. Пока не поздно – бежать из квартиры. Она – ловушка, смертельная западня.

Бежать, бежать немедленно! Только куда?!

* * *

Ник Шимов познакомился со своей новой пассией в чате. Он с некоторыми оговорками подходил под ее представление об идеальном мужчине, она так же вполне его устаивала. Их виртуальный роман развивался стремительно, и уже через два дня они сблизились настолько, что Ник нашел возможным пригласить Азу – а именно так звали девушку – к себе домой. Та, конечно же, согласилась.

Их живая встреча состоялась под хлопок бутылки шампанского и бравурную музыку, обязанную выразить восторг хозяина. Украшенный стразами сибер-друг, исполняющий роль дворецкого, наполнил вычурные стеклянные бокалы и, чуть хрипя, провозгласил:

– За вечную любовь!

Он всегда говорил это, угощая шампанским приходящих к хозяину девушек.

Дама была очарована приемом. Лишь пригубив игристый напиток, она тут же кинулась на Ника...

Ужинали они через три часа, не вылезая из постели. Тихо играла легкая музыка, приглушенный выгодный свет скрывал недостатки внешности Ника, мятые простыни пахли модным ароматом “Дайлос”.

Увлеченный Ник забыл, сколько раз они делали любовь. То ли семь, то ли восемь, а может даже и восемь с половиной – это можно будет выяснить позже, посмотрев записи установленных у кровати камер. Ник очень гордился собой, и был весьма доволен таблетками “Пролонг”.

Удовлетворенные и утомившиеся, они почти одновременно заснули. Но сон их не был долгим.

“Пришли гости” – эти много раз повторенные слова разбудили Ника. Спросонья он подумал, что сигнальную фразу давно надо заменить на что-то более пристойное и интересное. Потом глянул на часы и возмутился:

– Какие сейчас могут быть гости?!

Квартира тут же ему ответила:

– Яр Сладин, жилец нашего дома.

Ник еще раз посмотрел на часы, убедился, что время для визита гостей, пусть даже и соседей, совсем не подходящее, и велел дверной сигнализации отключиться.

– Что случилось, мой сладкий? – заспанная девушка выглянула из-под одеяла. – Ты снова чего-то хочешь?

– Нет, – Ник мотнул головой. – Вернее, да, хочу. Но дело не в том. Кто-то пришел.

– Ты позвал еще кого-то? – Она томно потянулась, улыбнулась зовуще. – Я на это не рассчитывала, но если ты так хочешь... Это мужчина или женщина?

– Да нет же! – Он забыл ее имя. Пытался вспомнить и не мог. – Я никого не звал.

В дверь стучали. Колотили. Кажется, ее даже пинали ногами.

Девушка прислушалась, предположила:

– Наверное, что-нибудь случилось.

– Наверное, – согласился с ней Ник.

Спать уже не хотелось. Хотелось любви – таблетки всё еще действовали. И Ник, хоть и сердился по-прежнему, но простил шумного гостя. Ведь, если подумать, тот дал им возможность продолжить постельные игры. Как знать, может сегодня получится установить новый рекорд.

– Ладно, я сейчас выясню, что ему надо, и мы с тобой кое-чем займемся.

Он встал, накинул халат.

– Если там симпатичный молодой человек, пригласи его, – сказала девушка.

Ник сделал вид, что не услышал подругу.

Он пытался вспомнить ее имя, пока шел к гроыхающей двери. Потолочные лампы, переведенные в режим ночного освещения, зажигались перед ним и тихо угасали за его спиной. В темных углах, чуя приближение хозяина, предупредительно шевелились домашние сиберы.

Он все же вспомнил. И, повернувшись назад, громко крикнул:

– Я сейчас, Аза!

На экране дверного замка светилось помятое, смутно знакомое лицо. Ник включил микрофон, наклонился к нему:

– Что вам надо? Вы представляете, сколько сейчас времени? Вы нас разбудили!

– Извините, – сказала матовая сеточка переговорного модуля. – Я действую по поручению службы порядка. Возникла внештатная ситуация и мне необходимо передать вам одну вещь.

– Какую вещь? О чем вы говорите?

– Я сам не вполне понимаю, – голос незваного гостя был каким-то неровным, прыгающим. – Мне только что сообщили, что я незамедлительно должен обойти двадцать квартир и передать их хозяевам вот это.

На экране появился сжатый кулак.

– Кажется, это карта памяти. Я не знаю... Меня самого разбудили! Люди в форме! Откройте, я отдам вам эту штуковину и спокойно отправлюсь досыпать!

– Что за чушь... – неуверенно пробормотал Ник, но дверь всё же отпер. Она тут же приоткрылась, и в проем втиснулся довольно крепкий, по-уличному одетый молодой человек. Ник, недовольный бесцеремонным вторжением, встал у него на пути. Протянул руку, сказал сердито:

– Ну, давайте же свою штуковину и уходите.

Незнакомец плечом отодвинул рассерженного хозяина, кинул быстрый взгляд на кабину лифта, прикрыл дверь, прижался к ней спиной.

– Что? – Ник похолодел, заподозрив неладное. – Что вам надо? Убирайтесь немедленно!

– В квартире есть еще кто-нибудь?

– А какое ваше дело?

– Я спрашиваю: есть или нет?

– Допустим, есть.

– Кто?

– Моя девушка.

– Где она?

– Вам-то что? – Ник пятился. – Уходите! Убирайтесь! Вон!

– Нет, – сказал незванный гость. – Я не уйду.

Он быстро скользнул вперед, и что-то холодное и острое ткнулось Нику в ребра.

– Слушайте меня внимательно, делайте всё, что я скажу, не пытайтесь меня обмануть – и тогда с вами ничего не случится.

Ник скосил глаза, увидел огромный нож и побледнел.

– Кто вы? – проблеял он дрожащим голосом.

– Это неважно. Веди меня к своей девушке.

* * *

Яр заставил хозяина отключить всех сиберов и все электронные системы, что были в квартире. Он связал парня и полуголую девчонку, но прежде велел им передвинуть ко входной двери три тяжелых кресла и туалетный столик.

– Не шумите, – приговаривал он. И держал на виду нож – держал особенной, подсмотренной у Гната хваткой. – Не шумите, и я вас не трону.

Он не тронул бы их в любом случае. У него просто не хватило бы духу причинить вред живым людям. Но они-то об этом не знали! И Яр воображал, что он – это не он, а уверенный в себе Гнат. И копировал его интонации, мимику, жесты. Говорил его слова:

– Вы зря не волнуйтесь. Я не сделаю вам ничего плохого. При условии, что и вы ничего не задумаете против меня. Делайте, как я велю. Не делайте ничего без моего разрешения. Договорились?

Они кивали, они соглашались быть послушными. А он объяснял:

– Мне нужно отсидеться до утра. Потом я уйду. Потерпите немного...

Девушка как-то странно на него смотрела. Яр долго не мог понять, что читается в ее взгляде. Потом догадался и неприятно поразился: она желала, чтобы он воспользовался ее беспомощностью, она страстно его хотела.

Он вдруг отчетливо и ярко осознал, что имеет над этими людьми страшную власть. Он представил, что может сделать с этой девушкой, и его замутило. Но одновременно с тем он испытал какое-то сладкое, незнакомое ранее чувство. Мгновением позже ему стало обжигающе стыдно, и он, торопясь отвлечься от дурных мыслей, спросил:

– Вы не против, если я воспользуюсь кое-какой вашей техникой?

Конечно же, возражений не последовало. И Яр, еще раз проверив, надежно ли связаны пленники, включил медийный центр, вошел в поисковую систему и сформировал несколько запросов. “Сороковой квартал”, “кардинал”, “Ларс” – Яр надеялся, что эти слова помогут во всем ему разобраться.

Поработав с системой десять минут, он выяснил, что нужный ему квартал находится на окраине города, имеет не очень добрую славу и некоторое количество сомнительных достопримечательностей, одной из которых является игровой музей-салон “Серый Кардинал”. Больше в том районе никаких “кардиналов” не числилось. На имя же “Ларс” поисковая система выдала огромное количество мусорной информации, и Яр решил, что неведомого Ларса он попробует отыскать на месте.

Он выключил медийный центр и задумался.

До утра оставалось меньше трех часов. А он пока не знал, как будет выбираться из окруженного хурбами дома.

Глава 5

Генераторы погоды не справлялись: сверху сыпались мелкие водяные бусинки, огни пробуждающегося города тонули в комковатой флюоресцирующей мути. Мокрый бетон улиц отражал цветное свечение реклам; с невидимых крыш до самой земли вились тонкие водяные нити – они пытались пробурить тротуары, но разлетались мокрой пылью.

Яр чувствовал себя конченным преступником.

Мало того, что он, угрожая ножом незнакомым людям, ворвался в их жилище, связал их, напугал, – так еще и позаимствовал у них плащ. Ладно, если б это была обычная дешевая накидка. Нет же! На подкладке был вышит лейбл “Кортен” – синие буквы, вписанные в желтый овал. Одежда под такой маркой стоит немалых денег.

Никогда прежде не сталкивался Яр с преступниками.

А теперь сам стал таковым...

Он пробирался от дома к стоянке такси, расталкивая людей, прячась среди них, скрывая лицо под капюшоном, тая в длинном свободном рукаве нож. Он не смотрел по сторонам, чтобы не выдать себя. Он не знал, есть ли здесь хурбы, но надеялся, что они не станут на него нападать, даже если и опознают в толпе.

Этим утром возле дома собралось очень много людей. Даже непогода не смущала их. Они будто ждали чего-то. Сходились группами, негромко переговаривались, смотрели вверх, держали наготове включенные камеры.

Яр и не надеялся, что его придумка так хорошо сработает. Слишком мало было времени. Всего полтора часа назад он в нескольких местах сети разместил объявление о том, что известный режиссер Твин Дин намерен снять сцену для нового сериала “Высокая любовь”, в котором главную женскую роль исполнит беременная Лайта Шан; в массовке могут поучаствовать все желающие; гонорар, естественно, будет выплачен каждому пришедшему. Яр сообщил точное место, где будет проходить съемка – это самое место. И указал время – это самое время...

Обман, конечно же, скоро раскроется. Выяснить, из какой квартиры были отправлены сообщения, не составит труда. Отряд правохранителей войдет туда и обнаружит на смятой постели влюбленную, надежно связанную парочку. Освобожденные пленники нарушат данное обещание и с готовностью расскажут о ворвавшемся к ним человеке с ножом. Только девушка, может быть, предпочтет отмолчаться...

Яр чувствовал себя преступником. И в то же время он был весьма собой горд.

Он уже знал, что скажет, если его поймают.

Он был не в себе. Он болен. У него галлюцинации. Он не может отвечать за свои поступки. Вы не верите? Посмотрите по своим базам. Пошлите запрос в клинику. С ним уже было что-то подобное. Ему казалось, что вооруженный ножом безумец проник в его квартиру и прожил с ним несколько дней. Безумец прятался от преследующих его невидимок. Но они всё же нашли его и убили...

Яр шевелил губами, на бегу проговаривая оправдательную речь.

Потом он сел в первое попавшееся такси и назвал адрес “Серого Кардинала”.

* * *

На улицах было полно хурбов. Яр замечал их в самых неожиданных местах: на вершине скульптурной композиции “Сотворение Мира”; за частой оградой правохранительного участка; в изолированной от внешнего шума будке тишины. Темные фигуры всегда были повернуты к Яру спиной. Но он не обманывался, он знал, что хурбы выглядят так с любой

стороны, как на них ни взгляни, и потому он сползал ниже, и закрывал лицо, и отводил глаза в сторону – эти создания могли его видеть и спиной. Вернее, тем, что выглядело как спина...

Вскоре мобиль взлетел на эстакаду и влился в скоростной поток городского транспорта – здесь хурбов, вроде бы, не было. Лишь однажды Яру показалось, что за темным стеклом поравнявшегося с ним такси восседает знакомая фигура. Он тут же отвернулся и тихо перебрался на противоположную сторону салона.

Путь предстоял неблизкий. Яр опустил шторы на окнах и достал комми. На этот раз проблем с сетью не возникло. Накопившиеся сообщения требовали внимания, но сейчас ему было не до них.

Несколько минут он посидел, закрыв глаза и вяло размышляя о будущем. Хотелось верить, что неведомый Ларс подскажет, каким образом можно поправить столь круто вывернувшуюся жизнь.

Вспомнилась Алета – живая, бодрая, веселая. Вспомнилось их прощание и последние слова, что сказала она ему: “Не забывай о девчонках”.

Действительно, надо бы связаться с ними. Сообщить о неприятностях, но при этом не вдаваться в подробности. Придется хитрить и уваливать от прямо поставленных вопросов – а они, несомненно, последуют, и их будет много.

Так что сказать женам? Не объяснять же, что его хотят убить невидимки, что они уже расправились с Алетой, а также с десятками, а может и сотнями других людей... Это же бред! Бред сумасшедшего!

Нет, сперва нужно переговорить с Ларсом. Тогда, возможно, появится какая-то определенность. Он, наверное, посоветует что-нибудь.

А может это действительно бред и безумие?

* * *

Сороковой квартал напомнил Яру некоторые странные места, которые они не так давно посещали с Алетой. Здесь, на окраине города, селились люди, жизнь которых сложилась не слишком удачно. Они обитали в стандартных двухкомнатных квартирках, питались дрянью в бесплатных столовых, нигде не работали, а еженедельное пособие тратили исключительно на дешевую выпивку и сомнительные игры. Здесь можно было достать вещи, которых не водилось в свободной продаже; здесь можно было испытать ощущения, которым не находилось места в обычной жизни. Алета очень любила подобные места. Она любила повторять, что для постижения света нужно погрузиться во тьму, а для познания красоты необходимо видеть уродство. Яр не вполне понимал, что она имела в виду. Он не считал, что лицемерие быта неудачников как-то улучшит его собственную жизнь. Но с Алетой он не спорил. Она была старше его и умней; она отличалась особенной рассудительностью – и многие знакомые Яра не раз отмечали, что его старшая жена весьма странная.

– Уж не дикая ли она? – спрашивали они.

Яр на это только посмеивался...

До “Серого Кардинала” такси не доехало – единственная дорога почему-то оказалась перекрыта, так что Яру пришлось тащиться несколько сот метров по мрачной, плохо освещенной улице, сдавленной со всех сторон слепыми обшарпанными стенами неказистых десятиэтажек. Сверху сыпалась вода, на провисших проводах трепыхалось рваное тряпье, застоявшийся воздух пах гнилью. В залитой канаве возле бордюра шевелился безногий сибир, на его груди светилась табличка “Посетите бар “Галага”. Где-то в отдалении подвывали сирены усмирителей. Под навесом из пленки в кривом разбухшем кресле некрасиво спал запущенный человек, отдаленно похожий на Гната.

Определенно, Алете бы это место понравилось.

Яр шагал быстро, крепко сжимал в руке нож. Хурбы пока ничем себя не выдавали, но он был готов к встрече с ними.

Вывеску “Серого Кардинала” Яр заметил издали. Она ярко светила зеленым и будто бы плавала в серой пелене непогоды. Подойдя ближе, Яр увидел, что вывеска раскачивается на единственной растяжке, потрескивая электричеством и опасно искрится. Дверь в заведение была приоткрыта, из-за нее доносилось буханье незнакомой музыки.

Яр поднялся по неровным ступеням, посторонился, выпуская пьяного, бессмысленно ругающегося оборванца, и с некоторым душевным содроганием вошел внутрь.

* * *

Влад Жомов, более известный как “Кулак”, был вполне доволен своей жизнью. По местным меркам он мог считаться богачом – да только мало кто догадывался о его богатстве. Внешне Влад ничем не отличался от околачивающихся по барам пьянчуг, разве только его спортивная фигура выгодно выделялась среди запущенных тел выпивох – но Влад обычно прятал рельефные мышцы под мешковатой одеждой.

Влад знал, что его внешний вид порой производит оглушающее впечатление на изнеженных горожан, ищущих в сороковом квартале приключений. И он пользовался этим, выманивая у чужаков деньги.

Схема была проста: грязный, дурно пахнущий Влад подсаживался к заезшему риччи и, дерзко глядя ему в глаза, предлагал поучаствовать в достойном развлечении. Поначалу тот не понимал, о чем идет речь. И тогда Влад, в усмешке показывая сломанный передний зуб, объяснял, что он, бывший боксер, срочно ищет себе противника для участия в подпольном поединке. Ему очень нужны поинты, а потому от схватки отказываться не нужно, иначе боксер может вспылить... Влад придерживал жертву за локоть, и дышал на нее перегаром, и придвигался ближе, и, хищно улыбаясь, шептал почти что ласковые угрозы...

Обычно риччи откупался от боя: тут же на месте, тыкая в свой комми тонким дрожащим пальчиком, он переводил деньги на указанный счет и тихо исчезал. Пока никто не решался заявить о вымогательстве в службу порядка – очень уж ловко выстраивал свою речь Влад; так ловко, что придрататься не к чему было: выходило, будто заезжий богачей сам по доброй воле решил осчастливить оказавшегося на мели боксера. Тот даже сперва отказывался от денег, говорил, что выйти на ринг будет честней и правильней, стеснялся даже, вроде бы. Но потом, все же, с огромной неохотой соглашался на уговоры...

Как на работу ходил Влад в “Галагу”, в “Золотой купол” и в “Серый Кардинал”. Порой ему везло, и он за день успевал получить сбор с нескольких клиентов – тогда Влад был доволен и угощал всё заведение выпивкой. Но вот последняя неделя выдалась крайне для него неудачной – за шесть дней не случилось ни одного клиента.

Потому Влад аж приподнялся со скрипучего стула, когда в дверях “Серого Кардинала” показался прилично одетый человек. Влад разбирался в вещах, плащ “Кортен” он опознал сразу – и возликовал.

К нему в руки шла хорошая добыча.

Богатенький незнакомец времени даром не терял. Обычно чужаки пару минут стояли на пороге, осматриваясь и приносиваясь, только потом нерешительно перемещались к стойке. Этот же сразу зашагал к бармену. Сел на высокий табурет, скинул с головы капюшон, спросил что-то...

Влад направился к риччи, прикидывая в уме, какую сумму взять за отказ от поединка.

– Привет, красавчик, – хрипло сказал он, положив руку на плечо богачей. Тот повернулся, поздоровался.

Что-то нехорошее угадывалось на его лице, виделось в его глазах – нечто такое, что сразу насторожило Влада, сразу ему не понравилось.

– Ищешь развлечений? Могу предложить одно. Такого больше нигде не найдешь.

– Что? Нет, я не развлекаться...

– Ладно, ладно, ты не стесняйся. – Влад рыгнул, придвинулся к жертве, ухватил ее за локоть, сжал крепко, привычно оскалился. – Ты крепкий парень, как я вижу. Настоящий мужик. Здесь таких нет. Ты просто обязан...

– Вы мне мешаете. – Риччи отвернулся.

– Эй ты, слушай меня! – Влад зарычал, дёрнул наглого богатея за руку. Так дёрнул, что тот развернулся на своем табурете. Плащ его распахнулся, и Влад увидел, что незнакомец свободной рукой держит огромный нож.

Прячет его под плащом.

Влад сглотнул обильную слюну и выпустил локоть гостя. Пробормотал:

– Извините. Не хотел вам мешать.

Он попятился. Развернулся. Ускоряя шаг, направился было к двери.

И тут его остановил голос:

– Погодите, не убегайте.

– Что? – Влад, похолодев, медленно повернулся.

Он никогда не занимался боксом. Он и кличку себе придумал сам, и образ, и манеру разговора. Он был захудалым актёришкой. Вся его брутальность была напускной, наигранной. Он и жил-то здесь прежде всего потому, что только тут, среди тихих опустившихся неудачников, ощущал свое превосходство.

– Я ищу Ларса. Не знаете, где можно его найти? – спросил запахивающийся в плащ человек.

– Нет. Не знаю, – поспешно ответил Влад и почти бегом покинул “Серый Кардинал”.

* * *

Яр недоуменно посмотрел вслед убегающему человеку. И вновь повернулся к бармену.

– Нет, фамилии я не знаю. Только имя – Ларс.

Бармен, сутулый морщинистый старик, которому самое место было в доме отцветания, недовольно дернул плечом и промолчал.

– Может быть, вы подскажете кого-то, кто мог бы мне помочь? – спросил Яр.

– Я здесь не для того, чтобы справки давать, – буркнул старик и ушел за серую замызганную шторку.

– Ладно, – сказал Яр, слезая с табурета. – Поищу сам...

“Серый Кардинал” особой чистотой не отличался. Под низким потолком большого зала, беспорядочно заставленного игровыми автоматами, разномастными столами, спортивными тренажерами, колыхалась дымная пелена. Курильщики кальянов восседали в дальнем, отгороженном колоннами углу. На потолке там чернели забранные пыльными решетками жерла вытяжек – но компрессоры то ли были выключены, то ли просто находились в нерабочем состоянии. На крохотном танцполе, разукрашенном пятнами света, под невнятную гулкую музыку топтались три парочки: одна лесби, другая гомо, третья, вроде бы, норми. Их изображения множились на тусклом экране – издали казалось, что танцующих не шестеро, а гораздо больше.

– Я ищу Ларса, – обратился Яр к одному из возможных норми. – Не знаете, где он?

Тот помотал головой, показал на уши. Они были залеплены вспененным пластиком – этот человек ничего не слышал, он танцевал под свою музыку.

– Вы не знаете Ларса?! – прокричал Яр его наголо бритой напарнице. Та улыбнулась, развела руками.

Шумная пьяная компания на вид приличных людей, сгрудившись возле круглого стола, азартно следила за стальным шариком, скачущим по цветным секторам крутящегося диска. Два высохших старика подолгу трясли в стаканах кубики с точками на гранях, а потом роняли их перед собой на зеленую ткань квадратного стола. Обрюзгший, небрежно одетый мужчина самозабвенно метал тяжелые острые дробтики в исколотую осыпающуюся мишень.

– Где я могу найти Ларса? – спросил у него Яр. И не дождался ответа.

Он обошел весь зал, обратился едва ли не к каждому, кто здесь был. Но не узнал ровным счетом ничего. Разочарованный он вернулся к стойке, забрался на высокий табурет и, демонстративно игнорируя возвратившегося бармена, заказал у проехавшего мимо сибера бокал светлого пива.

– Мне показалось, что вы ищете Ларса. – Какой-то человек зашел со спины, сел рядом. Яр с готовностью к нему повернулся, всмотрелся в лицо, пытаясь вспомнить, видел ли он здесь этого человека, подходил ли уже к нему со своим вопросом.

Кажется, нет, не подходил.

Очень приметное было лицо. Такое, увидев раз, больше не забудешь. Неровное, словно комковатое, обвисшее, неестественно бледное, невыразительное; глаза – будто щелочки; узкий тонкий рот – как прорезь.

– Да, я хочу встретиться с Ларсом, – признал Яр. – Вы знаете, как его найти?

– Возможно, – сказала обвисшее лицо. – А какое у вас к нему дело?

– Э-э... – Яр замешкался. – Я бы хотел обсудить это лично с ним.

– Ну, допустим, он сейчас здесь. Перед вами. Что вы ему скажете?

– Вы?.. Он?.. Я?..

Обвисшее лицо попыталось улыбнуться, и Яр окончательно потерялся, отвел глаза.

– Ну, хорошо, – снисходительно сказал незнакомец, – зайдем с другой стороны. Откуда вы узнали о Ларсе?

На этот вопрос ответить было несложно.

– От Гната, – сказал Яр и посмотрел незнакомцу в лицо, ожидая реакции.

Обвисшее лицо осталось невозмутимым.

– От Гната Зрячего, – уточнил Яр на всякий случай.

– Понятно... – проговорил незнакомец, выдержав небольшую паузу. – И где же он сам?

– Умер.

Они долго молчали. Скрипучий колесный сибер с намалеванным на корпусе фартуком привез заказанное пиво, поставил запотевший бокал перед Яром и укатил.

– Пойдем за свободный столик, – предложил незнакомец, переходя “на ты”. Он многозначительно глянул в сторону пожилого бармена, коснулся указательным пальцем мочки своего уха и добавил:

– Поговорим наедине.

– Вы – Ларс? – шепотом спросил Яр.

– Я тот, кого ты искал, – ответил странный собеседник и сделал круглые глаза.

* * *

– С Гнатом я познакомиться не успел. Разговаривал с ним дважды, и то как-то быстро, невнятно, скомкано. Я даже не выяснил, как он на меня вышел. Он уникальный человек. Увидевшие хурбов обычно не живут дольше недели. А Гнат, пожалуй, установил рекорд, если не врет конечно... Не представляю, как ему это удалось.

– А вы? Вы ведь тоже их видите?

– Нет. Не вижу, и не желаю видеть. Я просто знаю, что они существуют. И стараюсь не слишком распространяться на эту тему. Так что – тсс! – Ларс приложил палец к губам.

Яр быстро осмотрелся. Спросил неуверенно:

– Они могут нас подслушивать?

– Они? Вряд ли. Хурбы редко здесь появляются. Они не выносят помойной вони. Впрочем, если они узнают, что ты тут прячешься, то и помойная вонь их не остановит.

– Они убьют меня?

– А ты разве еще не понял?

– Но почему? И кто они такие?

– Откуда мне знать? Я стараюсь не лезть слишком глубоко. Ни к чему мне это. Знание умножает скорбь – так, кажется, кем-то сказано. Совершенно правильно сказано...

Они сидели в дальнем углу зала, в небольшой затемненной нише, куда едва влезли квадратный столик и пара пластиковых кресел. Перед Ларсом стояла огромная тарелка, на ней одной поместилось сразу несколько местных блюд: разноцветные шлепки неприятной консистенции. Яру даже смотреть на эту кулинарную мазню было противно. Ларс же поглощал ее с видимым удовольствием. Было шумно. Игровые автоматы – громоздкие железные ящики – пищали на разные лады. Стучали кегли, сбитые тяжелыми шарами. Ни на секунду не смолкающая музыка заставляла собеседников при разговоре наклоняться друг к другу. И тогда Яр чувствовал дурной запах изо рта Ларса.

– Вы можете мне помочь?

– Это смотря чего ты от меня хочешь.

– Я хочу жить. Что я должен сделать? Может, притвориться, что не замечаю их?

– Это надо было делать раньше. Впрочем, тебе не удалось бы долго их обманывать.

– Тогда как мне спастись? Бежать? В другой город? Сменить внешность?

– Переезд в другой город ничего не изменит, хурбы всюду. И я на твоём месте держался бы подальше от кабин портов. А вот сменить внешность было бы полезно. Но для этого надо идти в клинику. А я советовал бы тебе держаться подальше от клиник.

Яру начало казаться, что Ларс над ним издевается. И он вспыхнул:

– Так ради чего я сюда приперся?!

– Откуда мне знать? Но я знаю, зачем со мной хотел встретиться Гнат.

– И зачем же?

Ларс отодвинул пустую тарелку, откинулся на низкую спинку кресла, вытянул ноги, скрестил руки на груди. Долго разглядывал собеседника, потом спросил:

– У тебя много денег?

– Нет, – Яр дернул плечом.

– Жаль, – поскучнев, сказал Ларс. – Последнее время мне здорово не везет. Я даже подумываю, а не бросить ли мне свое занятие.

– Какое занятие?! – завопил Яр. – О чем вы?!

– Не шуми, – поморщившись, фыркнул Ларс. – Я не очень доверяю местному хозяину... А занятие моё самое обычное. Я вывожу таких как ты в безопасное место. Это единственное, что я умею хорошо делать, и что доставляет мне некоторое удовольствие. Я – проводник.

– Так значит, выход всё же есть?!

– Конечно. Выход всегда есть, только...

– Я свяжусь с женами, они вам заплатят сколько надо!

– Ни в коем случае! Не нужно никого ввязывать в наше дело.

– У меня есть квартира, я открою вам доступ...

– Это лишнее.

– Но как же тогда?.. Чего вы хотите?..

– Ты не дослушал меня... Дело вовсе не в деньгах. Я хотел сказать, что выход есть, но готов ли ты пойти туда?

– А разве у меня есть выбор?

– Выбор тоже есть всегда, – Ларс криво усмехнулся, закатил глаза, склонил голову набок, вывалил изо рта слюнявый синюшный язык.

– Умереть? – содрогнулся Яр. – Это разве выбор?

– Иногда легче умереть, чем... – Ларс замолчал, испытующе взглядываясь в лицо Яра.

– Чем что? – не выдержал тот.

– Я занимаюсь тем, – медленно проговорил Ларс, – что вывожу людей из города.

– Но вы же сказали, что хурбы есть и в других городах.

– Ты не понял. – Ларс помотал головой. – Слушай внимательно: я вывожу людей из города. Совсем из города. За его пределы. Наружу.

– Но... – Яр потянулся к бокалу, на дне которого еще оставалось пиво, да так и застыл с вытянутой рукой и открытым ртом.

– Вижу, ты начал понимать, – сказал Ларс и, ничуть не смущаясь, подвинул бокал Яра к себе.

– Но...

– Именно, – кивнул Ларс и допил чужое пиво.

Яр опустил руку. Проговорил неуверенно:

– Но там же ничего нет.

– Там есть много чего, – возразил Ларс. – Так что, ты пойдешь туда со мной, или решишь остаться здесь с хурбами?

– Это выбор? – слабым голосом спросил Яр.

– Это выбор, – кивнул Ларс. – Решай прямо сейчас.

– Я... Но как же... Я...

– Сколько у тебя при себе денег?

– Не знаю... Около трех сотен поинтов... Кажется... В мобильном кошельке... Дома могу достать больше...

– Больше не надо. Всё до последнего поинта переведешь мне. Нам еще надо будет купить городской еды. Остальное необходимое у меня есть. – Ларс поднялся. – Ну, чего ты тут расселся?! Давай, давай, поднимайся! У нас не так много времени, как тебе сейчас думается. Эти твари не успокоятся, пока тебя не прикончат. Так что, если хочешь жить – иди за мной.

– Ладно, – пробормотал Яр. И стал неуклюже и суетливо выбираться из-за стола.

Часть вторая: Бегство

Глава 6

Генераторы погоды работали отвратительно. Вот уже второй день с неба сыпалась противная водяная пыль, которую Ларс называл изморосью. Последнее время проводник употреблял много чудных, неизвестных Яру слов.

– Дней через пять выйдем к Сортировке. Это граница, за которой о хурбах можно будет забыть. Там, правда, поджидают другие опасности.

– Какие?

– Разные. – Ларс дернул плечом. Он всегда так делал, если Яр начинал его раздражать. – Всех не перечесать, но главная опасность – это твоя глупость, запомни. Нет-нет, я не хочу сказать, что ты идиот. Просто мы окажемся там, куда обычные люди просто так не попадают. Новая среда, незнакомая обстановка – такие как ты от этого, бывает, умом трогаются и начинают творить разные глупости. Помни: тех, кто принимается чудить, я бросаю.

Яр кивнул. Он досыта наслушался по опасности и тяготы предстоящего пути, да и успел уже кое-что испытать, и теперь задавался вопросом, а надо ли было бежать из города, если впереди ничего хорошего не ждет.

– Небось, жалеешь сейчас, что бросил всё и в бега подался? – будто прочитав его мысли, усмехнулся Ларс. – А я предупреждал: иногда проще умереть. Для этого, во всяком случае, ничего не нужно делать. Не надо никуда брести, мерзнуть, голодать. Лежи себе на диване, жри, и дождайся хурбов.

Яр мизинцами заткнул уши. Эх, многое бы он сейчас отдал, лишь бы заглушить нудный голос проводника какой-нибудь веселой заводной песенкой. Но Ларс настрого запретил пользоваться электроникой, так что о музыке можно забыть. Как и обо всем остальном.

Кто бы мог подумать, что отказ от сетевого общения обернется такой мукой! Разве можно было предположить, что жизнь без экранов домашнего медийного центра окажется столь серой и скучной? До зуда, до дрожи хочется войти в знакомый чат, и дико осознавать, что в мире сериала “Сороковой этаж” сейчас вовсю разворачиваются события, о которых ты даже не подозреваешь. Сетевые баталии стали сниться ночами, а днем постоянно чудится, что выключенный комми каким-то образом включился и, трепеща на самом дне уродливой заплечной сумки, подает сигнал о входящем вызове.

Жены, наверное, переживают, не понимая, почему он так стремительно исчез.

Приятеля, наверное, удивляются, куда это он запропастился.

Надо бы подать весточку. Но Ларс запретил. Только к женам и позволил отправить короткие прощальные сообщения с наказом не искать его и не тревожиться.

Ладно, связаться со всеми можно будет и позже. Когда всё кончится, когда они выберутся в безопасное место. Жизнь наладится, и можно будет вечерами отстреливать виртуальных чудовищ, и общаться с друзьями в сети, и с интересом следить за глупыми, в общем-то, новостями... Жаль только, что вернуться назад уже не получится. А новое жилье, наверное, будет столь же убого, как эта брошенная захламлённая квартирка, в которой они нашли приют на сегодняшнюю ночь...

– Ужин готов, – доложил Ларс, откупорив последнюю банку из выставленных на стол. – Мясные хлопья и каша, по две порции на каждого. Не так уж и плохо для затравленных беглецов.

– Разве может быть что-то хуже еды из банок, – морщась, пробормотал Яр.

Ларс засмеялся...

Есть пришлось руками, столовых приборов в брошенной квартирке не нашлось.

– А кто здесь жил раньше? – спросил Яр, тщательно разжевывая холодную и липкую кашу.

– Не знаю. Она была пустая, когда я ее нашел. Впрочем, и искать-то особо не пришлось, тут полно оставленного жилья. Дикие трущобы, мертвый город. В старые времена это был вполне благополучный квартал, ничем не хуже прочих. Но большинству горожан почему-то свойственно тянуться к центру. Так здесь всё и опустело.

– Но мы же видели здесь людей.

– Некоторые, кому некуда было податься, остались и постепенно привыкли к новой жизни. Другие здесь пытаются спрятаться. Третьи ищут развлечений. Лучше от них от всех держаться подальше.

– А те, что прячутся... От чего они прячутся? От хурбов?

– Нет, от хурбов тут не укрыться. А вот от правохранителей – возможно. Воры, убийцы, насильники – они все собрались здесь, потому что в большом городе на них объявлена охота. И тут случаются облавы, да только улов правохранителей обычно невелик. Камер слежения на этих улицах нет, схемы давно устарели и не соответствуют действительному положению дел, усмирители вязнут в скопившемся мусоре. Нет, служба порядка соваться сюда не любит.

– Так значит люди, которых мы видели, преступники?!

– Ну, совсем не обязательно.

– И они могли нас убить?

– Некоторые могли попытаться.

– Ужасно!

– Не бойся. Они ведь думают, что мы ничем их не лучше. Догадываешься теперь, для чего я велел тебе переодеться? Мы выгладим в точности, как они, и они остерегаются нас так же, как и мы их.

– Ужасно, – повторил Яр.

– Завтра мы пройдем эти кварталы насквозь. Дальше людей почти не будет.

– А что там дальше?

– Промышленная зона.

– А за ней?

– Свалка.

– Ну а после нее?

– Сам увидишь. Всё равно я не смогу тебе объяснить.

– Хотя бы попробайся.

– Даже попробовать не стану. Зачем? Там будет то, чего ты никогда не видел. Ты и слов-то таких не знаешь, какими я начну объяснять.

– Изморось, – сказал Яр, кивнув на небрежно завешенное окошко, по грязному стеклу которого стекали бусинки влаги.

– Что? – не понял Ларс.

– Я учу новые слова. Я попробую понять.

– Нет. И давай закроем эту тему.

Они замолчали, вычищая банки пальцами, облизывая их.

Но улице было темно. Ночное освещение не работало, лишь слабо светились, отдавая собранный за день свет, панели внешней облицовки.

– Сходи, проверь, крепко ли заперта дверь, – распорядился Ларс, сминая пустые банки и забрасывая их в дальний угол, в пыльную кучу точно таких же мятых банок. – Будем укладываться. Завтра, чуть свет, выйдем в дорогу, пойдем без остановок. Надо спешить – хурбы всё еще у тебя на хвосте.

* * *

Утром Яр по-новому взглянул на город. Пустые грязные улицы теперь казались зловещими, мертвые громады домов взирали сверху на бредущие понизу жалкие фигурки пустыми глазницами черных окон, разбитые фонари опасно кренились, от ржавых корпусов брошенных мобилей несло отвратительной заразной вонью. Сильный холодный ветер гонял по бетону мокрые обрывки бумаг и прочий мусор, подвывал и подсвистывал в черных щелях. В зияющих подворотнях, принимая пугающие очертания, колыхалась влажная мгла, из ее глубин доносились неразборчивые звуки: то ли шепотки, то ли стоны, то ли хрипкое натужное дыхание.

Беглецы держались середины дороги. Они шли так быстро, насколько это было возможно, но невольно старались ступать тише: гулкий звук плещущихся в ущелье улицы шагов заставлял втягивать голову в плечи и озираться. Было мокро, но дождь перестал. Широкие лужи, которые никто не спешил убирать, порой приходилось преодолевать вброд. Яр шагал по воде осторожно, он боялся, что нога его попадет в какую-нибудь выбоину. Никогда прежде не приходилось ему шлепать по лужам – в большом городе их просто не было. Он и слово-то это – “лужи” – узнал только сейчас, от Ларса. Узнал и запомнил, несколько раз повторив про себя.

– Не подозревал, что есть такие места, как это, – негромко сказал Яр. Ларс услышал его, кивнул.

– Даже любители приключений обычно не забираются дальше, чем ездят такси. А мы ушли от ближайшей парковки километров на двадцать. Можешь считать себя первопроходцем.

Огромным призраком выступил из плотного марева облезлый шестиэтажный дом. Окна его ярко светились, на стенах полоскались разноцветные всполохи частично побитых, а потому неузнаваемых реклам. Ларс тут же потянул Яра в сторону, уводя с дороги.

– Дома с электричеством здесь большая редкость, – пояснил он. – Обычно в них селятся банды, от которых лучше держаться подальше.

Они перелезли через длинную ограду, составленную из обугленных остовов мобилей, бетонных блоков и разбитых сиберов. Крадучись, двинулись вдоль неё, низко пригибаясь и поглядывая в сторону окутанного светящимся ореолом здания.

– Вот из-за таких домов здесь случаются настоящие войны с осадами и стрельбой. И дело даже не в удобствах, которые дает электричество. Бандиты продают энергию другим людям. Позволяют заряжать аккумуляторы, а к тем, кто живет неподалеку, тянут воздушные линии. Вон, видишь провода?

Яр не видел, но кивнул.

– Когда-то я имел дело с этими людьми, – усмехнулся Ларс. – Помогал им, был посредником между ними и большим городом. Но потом рассорился.

– Ты жил здесь? – удивился Яр.

– Не то что бы жил...

Под ногой Яра что-то хрустнуло. Какая-то хрупкая сложная конструкция из неровных грязно-серых то ли трубок, то ли прутьев выглядывала из-под днища сожженного мобиля. Яр наклонился, недоумевая, что бы это могло быть. И вздрогнул, заметив костяную голову без нижней челюсти, с дырой на месте носа и черными впадинами глазниц.

– Мертвец! – Он попятился.

– Это скелет, – равнодушно поправил его Ларс. – Мертвецом он был, самое меньшее, двадцать лет назад. Но живущие здесь люди с тех пор не слишком изменились, и нам с ними лучше не встречаться.

Пожелание его не исполнилось.

Они не сделали и десяти шагов, как из опрокинутого размалеванного фургона, опутанного проволокой, навстречу им выступили две неестественно высокие фигуры. Одеты они

были в бесформенное рванье, грязные шарфы закрывали нижние половины их лиц, черные очки прятали их глаза. Фигуры были перетянуты широкими, прошитыми проволокой ремнями, на которых висели какие-то опасные штуковины – от одного только их вида у Яра похолодело в животе.

– Стоять!

Несколько зазубренных лезвий, прикрученных к длинному, оплетенному желтым проводом шесту, нацелились Ларсу в лицо. Голубая искра электрического разряда, сухо треща, заплясала на остриях.

– Чужаки, – констатировал один из великанов и вытянул из-за спины оплетенную цветными матерчатыми полосками трубу, утяжеленный конец которой был часто усеян острыми шипами. Нетрудно было догадаться, для чего предназначалось это орудие. И Яр, решив, что именно эта труба поставит точку в его жизни, тихонько застонал и зажмурился.

– Погодите! – воскликнул вдруг Ларс, выставив перед собой руку и слегка отвернув голову. – Вы ведь парни Хама Проволочника?!

Здоровяки переглянулись.

– Ну? – неохотно сказал один из них.

– Слава Создателю! – возликовал Ларс. – Я уж и не думал, что отыщу его! Ведите меня к нему! Немедленно!

– А кто ты такой? – проворчал великан, вооруженный электрической пикой.

– Меня зовут Ларс, мальчик, – напыщенно сказал проводник, вставая в позу. – Когда-то я был известен под кличкой Бродяга.

– Мы не знаем никакого Бродягу.

– Зато Проволочник меня отлично знает.

– Проволочник не хочет видеть чужаков.

– Но я-то не чужак! Мы с Хамом старые знакомые.

– Он и знакомых не хочет видеть. Он два года сидит в своей квартире и никого туда не выпускает.

– Но кто у вас за главного?

Здоровяки переглянулись еще раз.

– Проволочник, – признал тот, что держал в руке палицу.

– Хам, – подтвердил второй.

– Значит, – в голосе Ларса зазвучала сталь, – мы должны с ним увидеться. Ведите нас к нему, а иначе он с вас головы снимает!

Великаны замаялись.

– Ладно, – сказал, наконец, один. – Только мы вас свяжем. И глаза закроем. Положено так.

Яр понял, что жизнь его кончится не здесь и не так, как представлялось минуту назад. Он, сделав над собой усилие, открыл глаза. Ноги его ослабели, коленки задрожали – какое-то время он еще держался, а потом будто сломался и рухнул в грязь.

* * *

Их приволокли в дом: они слышали, как со скрипом открывались двери, они считали ступеньки под ногами, они и сквозь повязки угадывали электрический свет, бьющий в лицо. Потом их усадили в какие-то неудобные кресла и надолго оставили в покое. Всё это время они не шевелились и не пытались разговаривать, подозревая, что за ними сейчас внимательно наблюдают. Они тревожно вслушивались в доносящиеся шумы, пробуя определить их источник и происхождение – это было единственное занятие, которое они могли себе позволить.

Когда ожидание показалось им совсем невыносимым, за их спинами открылась дверь, и прозвучал невыразительный стёртый голос:

– Хам поговорит с вами.

Пространство вокруг наполнилось звуком многочисленных шагов, шарканьем и шуршанием. Несколько рук выдернули пленников из кресел, толкнули в нужном направлении. Чувствовалось – народу здесь собралось изрядно. По шепоткам, по осторожным переговорам можно было понять, что не только на чужаков пришли они посмотреть, им хочется увидеть и своего предводителя, два года назад сделавшегося затворником.

– Двигайте вперед! Шевелите ногами!

– Хам будет с ними говорить.

– Да кто они такие?

– Этот назвался Бродягой. Сказал, что его зовут Ларсом.

– Когда-то давно я знал Ларса Бродягу. Но это не он. У того рожа была попроще.

– Хам разберется.

– Да, Хама не проведешь.

– Тащите их скорей!

– Сюда, сюда!..

Их заставили опуститься на колени, им запретили вставать. Неприятно-сальные повязки спали с их лиц.

– Мы привели чужаков к тебе, Хам Проволочник, – объявил стёртый голос.

– Вижу, – голос Хама был столь резок и громок, что многие люди из собравшихся невольно схватились за уши.

– Приветствую тебя, атаман Проволочников, – ничуть не тушуясь, проговорил Ларс. – Давненько наши с тобой пути не пересекались.

– Что-то я тебя не узнаю, чужак, – голос Хама, усиленный и искаженный перегруженной электроникой, мало походил на голос человека. Так говорили самые дешевые сиберы, оборудованные простейшим синтезатором речи.

– Ну а я тебя просто не вижу, – спокойно сказал Ларс, глядя в глянцевою черную стену, покрытую пылью и царапинами.

Люди, собравшиеся за спинами пленников, возмущенно загудели. Но возмущение их сменилось безмерным и еще более шумным удивлением, когда черная стена просветлела, и на ней сквозь толстый слой пыли проступил бородатый лик.

Хам был бледен и нечёсан, на дне его впалых глаз плескалось безумие. Мало кто решался прямо смотреть на него.

– Вот так-то лучше, – удовлетворенно сказал Ларс. – Вижу, время тебя не пощадило.

– Кто ты, смеющийся говорить мне такие вещи? – задрезжал электронный голос.

– Разве тебе не доложили? Я Ларс, которого ты назвал Бродягой.

– Мне доложили, и я думал, что увижу старого знакомого, но ты ничуть на него не похож.

Потому я и спрашиваю: кто ты такой?

– Я Ларс Бродяга. Как видишь, время изменило не только тебя.

– Думаешь меня провести? – Огромное лицо на пыльном экране перекошилось. – Думаешь выдать себя за моего старого приятеля, чтобы спастись? А знаешь ли ты, дурак, как мы расстались с Ларсом?

– Конечно, я помню. Твои парни, перепоясанные проволочными ремнями, гнались за мной до живых кварталов. Ты бежал впереди всех... Вот этот шрам на твоём лбу, разве не я его тебе подарил? Признай, это был хороший бросок. Я и сейчас швыряю камни довольно метко.

– Ты должен мне восемьсот поинтов! – зарычал Хам.

– Да.

– Ты навел правников на одно из моих убежищ!

– У меня не было другого выхода.

– Ты поссорил меня с Одноглазым Таем!

– Ничего личного, просто бизнес.

– И ты посмел явиться ко мне?! После всего?!

– Ну да.

– Зачем?!

– Чтоб отдать долг. И заработать вместе с тобой.

– Я не верю тебе! Я прикажу тебя убить!

– Это можно будет сделать в любой момент, я никуда теперь не денусь. Но сперва выслушай меня, Хам Проволочник. Я ведь знаю, строить бизнес в мертвом городе непросто. А я готов предложить весьма выгодную схему...

Ларс умолк, искоса глядя на экран.

Хам насупился, пожевал тонкую сизую губу, поскреб длинными неопрятными ногтями заросший подбородок, взъерошил волосы. Безумные глаза его чуть прояснились; он повел плечом и приказал:

– Говори!

Ларс кивнул и начал. И чем больше он говорил, тем сильнее росло удивление Яра. Проводник предлагал нечто невообразимое, преступное и страшное. Глубочайшее разочарование испытал Яр, когда осознал, что его обманули, когда понял, что благородный, вроде бы, проводник Ларс – предатель, и ничем не лучше собравшегося здесь отродья.

– Я буду честен с тобой, Хам Проволочник, – напыщенно изъяснялся Ларс. – С тобой и с твоими людьми. Пусть все слышат, что я сейчас скажу, пусть каждый думает, какая ему выгода от предложенного мной дела. Не стану скрывать: не от хорошей жизни решил я к вам вернуться. Последнее время дела мои шли плохо, ни заработка, ни удовольствия от работы я не получал. Вот этот человек, что стоит сейчас рядом со мной, – это единственный подвернувшийся клиент за несколько месяцев. Его зовут Яр. У него есть две жены и приличная квартира. Вы уже ненавидите его за это, ребята? Не спешите вымещать на нем злость – он поделится с нами своим богатством. Для того я сюда его и привел...

В тесной бетонной коробке, набитой людьми, сделалось так шумно, что Ларс был вынужден замолчать, сдерживая довольную ухмылку.

– Тихо! – проревел из динамиков голос Хама. – Всем сделать шаг назад и молчать!

– Я привел этого человека сюда, – продолжил Ларс, когда в помещении установилась относительная тишина. – Я приведу сюда и других людей. Они отдадут нам всё до последнего поинта, лишь бы вернуться назад живыми и невредимыми. Их родственники залезут в долги, только бы помочь своим любимым. Деньги, еда, права доступа – всё это мы сможем с них получить. И мы будем тянуть это с них столько времени, сколько возможно. А потом эти люди пропадут. Исчезнут. Навсегда. Бесследно...

– Вот теперь я узнал тебя, Бродяга Ларс, – проворчал с экрана Хам Проволочник. – Ты всё такой же речистый, да только с некоторых пор я не слишком доверяю твоим словам... Разве правников не интересуют пропажи людей? Разве родственники пропавших не поспешат заявить о вымогательстве?

– А разве я говорил о вымогательстве? Если муж просит у жены денег, разве это вымогательство? Не волнуйся, Хам, я всё продумал. Никто ничего не заподозрит. Спроси у Яра: разве его похищали? Нет! Он сам пришел ко мне, сам попросил меня увести его из живого города. Он попрощался с женами, извинился за то, что покидает их, просил пока его не искать... Где здесь преступление? В чем?

– Сколько у него при себе денег?

– А это неважно. Он в любой момент может взять кредит. Ведь он полноценный гражданин, не то что вы.

– И сколько же ты рассчитываешь с него выручить?

– Пятьдесят тысяч поинтов, – прищурясь, медленно и со вкусом выговорил Ларс.

– Сколько-сколько? – затрещал динамик.

– Пятьдесят тысяч. Никак не меньше.

Набившиеся в комнату люди изумленно выдохнули. Яр затылком почувствовал их горячие, обращенные на него взгляды.

– Твой план начинает мне нравится, – сказал Хам, поглаживая отвратительную бороду. – Но кое-что мне не вполне ясно. Думаю, нам надо подробней обсудить твоё предложение. Наедине.

– Ты же знаешь, я никогда не убегал от деловых переговоров.

– Однажды убегал.

– А, ну да... Но только лишь потому, что твои условия не устраивали меня категорически. Они рассмеялись, глядя друг на друга, – громкоговоритель сипел и скрежетал, изображая смех. Веселый гул заметался меж голых бетонных стен.

Яру сделалось страшно, и он, опустив голову, тихонько застонал.

– Ну а теперь ты расскажи мне, партнер, что заставило тебя запереться в четырех стенах, – поднявшись, весело сказал Ларс. Его уже развязывали, к нему пробивались враз отыскавшиеся старые знакомые, его дружески похлопывали по плечам и пытались приобнять.

Яр стоял на коленях.

– Чужаки в плащах, – мертвым, враз вытывшим голосом ответил Хам Проволочник. – Черные демоны. Я вижу их за окнами. Там, в тени. Я вижу их. Только я один. И больше никто.

Сделалось тихо.

Яр, перестав скулить, посмотрел на экран.

В глазах Хама плескалось безумие.

Глава 7

Комната была такой маленькой, что Яру невольно вспоминались часы, проведенные в стенном шкафу его квартиры. Тусклый светильник, на котором скопилось столько пыли, что по ней можно было рисовать пальцем, неприятно мерцал и едва слышно потрескивал. Яр уже притерпелся к отвратительному запаху, что вместе со сквозняком вползал в комнату из-под запертой двери. Он даже мог есть, почти не испытывая тошноты, хотя на первых порах проглоченная еда сразу же лезла наружу.

Обстановка в комнате была более чем скромная. Легкую пластмассовую кровать, наверное, похитили из какого-нибудь дома отцветания: только там и можно было найти столь убогую лежанку. Потертую тумбочку, скорей всего, прихватили заодно с кроватью. На ее верхней крышке чем-то острым была выцарапана неровная надпись – Яр с трудом ее разобрал: “Азик Ломов самый лучший”. Кто был этот Азик Ломов, и для чего ему понадобилось портить пусть и дешевую, но вещь, Яру оставалось только гадать.

Он и гадал.

А что еще ему было делать? У него отобрали все вещи, вытянули из-под кожи даже паспорт – тонкий и прозрачный чип идентификации – это оказалось не так больно, как он ожидал. Ему нечем было развлечься, его лишили всякого общения, его оставили наедине с собой, надолго оставили, – и это оказалось куда неприятней, чем процедура вытягивания чипа из-под тонкой, потеющей кровью кожи.

Он тихонько пел, дважды в день делал зарядку; он пытался вспоминать сюжеты давно виденных программ, мысленно обращался к старым знакомым, воображал, что пишет женам письма – Ольше и Мае. В первую очередь Ольше, конечно же! Ему было, что ей сказать.

“Теперь я знаю, кто вырастает из диких детей, – мысленно обращался он к Ольше. – Я насмотрелся на этих выплунутых обществом недочеловеков. Они не способны жить как все, как нужно, как правильно – только лишь потому, что их матери однажды решили не отдавать своих детей в дом воспитания. Только опытные наставники способны подготовить человека к жизни, только проверенные поколениями программы могут сформировать правильную личность! Ты хочешь выносить ребенка сама. Пускай! Это не самое страшное, ты просто рискуешь его и своим здоровьем. Но нельзя калечить душу ребенка. Это опасно не только для него, но и для всего общества. Для всей системы, выстроенной человечеством, – слава предкам, строителям городов!”

Он шевелил губами, проговаривая эти слова, и ему казалось, что он исключительно убедителен. Он искренне полагал, что это он сам – сам! – додумался до таких замечательных слов, до этих мыслей. Он не понимал, что говорит затертыми штампами, не вспоминал, что эти самые фразы он слышал уже много-много раз...

Он был заперт наедине с собой. Он мог слушать только себя. И поэтому даже банальности казались ему откровениями.

Он подолгу размышлял о случившемся с ним. Размышления эти в основном сводились к воспоминаниям и сожалениям об упущенных возможностях. И только о своей дальнейшей участи Яр старался не думать. Будущее представлялось ему темным и зловещим, но, вместе с тем, неясным и успокоительно далеким. Он все ждал, когда похитители затребуют с него первый выкуп. Но они почему-то медлили.

Яр говорил себе, что убивать его не станут, пока он будет приносить хоть какие-то деньги. Он надеялся, что сможет откупиться от похитителей достаточно долго – до самой своей старости, до пилюль танатола. Но, вместе с тем, ему совсем не верилось, что оставшаяся жизнь его может пройти в этой убогой вонючей комнате, освещенной дрожащим пыльным светом. И здесь же и закончиться.

* * *

На четвертый день заточения Яра посетил Ларс. Проводник принес обычный обед: тарелку густого бульона, шлепок размазни, называемой кашей, чуть поджаренную гренку и стакан охлажденного колада. Поставив поднос на шаткую тумбочку, Ларс сложил руки на груди и осмотрел комнату.

– Как тебе тут живется? – спросил он, не глядя на пленника. И сам же ответил на свой вопрос:

– Вижу, что неплохо.

Яра возмутило это “неплохо”. Он открыл рот, собираясь ехидно поинтересоваться у предателя, что именно здесь “неплохо”, но Ларс даже не заметил, что пленник хочет что-то произнести.

– Садись и ешь, – распорядился проводник, меряя комнату шагами и зачем-то ведя рукой вдоль стен. – Наслаждайся отдыхом и набирайся сил.

Яр с еще большим ехидством хотел поинтересоваться, для чего ему теперь нужны силы, но Ларс вновь его перебил:

– Как поешь, сразу ложись спать. А ночью не спи. И не раздевайся.

Сказав это, он вышел из комнаты, оставив недоумевающего Яра наедине со своими мыслями и с обедом.

* * *

Борис Саппер, больше известный как Узкоглазый Бор, делал сразу несколько дел: он длинным ногтем мизинца ковырял в ухе, лениво жевал мятную конфету, просматривал с экрана старенького комми дневник одной весьма распутной особы и украдкой, ненавязчиво следил за чужаком Ларсом.

Пять лет назад Бор был точно таким чужаком, пришедшим к Проволочнику Хаму с просьбой принять его в команду. До этого Бору приходилось несладко: едва начав взрослую жизнь, он устроился работать в ближайший дом отцветания, где между делом начал промышлять воровством танатола, черных пилюль смерти. Нелегальный бизнес быстро пошел в гору – за этими редкими таблетками, запрещенными к свободному распространению, выстраивались очереди. Но через полгода всё рухнуло. Один из клиентов, довольно известный человек, предупредил торговца таблетками о готовящейся на него облаве, и Борис успел сбежать от правохранителей, о чем впоследствии сильно жалел. Преступление его было невелико, и он, скорей всего, отделался бы штрафом и процедурой корректировки. Но пытаясь избежать наказания, он совершил одну великую глупость, о которой теперь старался не вспоминать, и это вынудило его переселиться в заброшенные кварталы, подальше от привычного комфорта, всевидящих камер и сиберов-усмирителей. Несколько лет маялся Борис, пытаясь хоть как-то расцветить свою жизнь. Тут ему здорово пригодился запас ворованных таблеток: сам он их почти не употреблял, предпочитая выменивать на более безопасные, пусть и менее действенные наркотики. Он даже худо-бедно обставил свою новую квартиру: приобрел и мебель, и кое-какую технику – да только какой с нее прок, если мощности старенького инд-преобразователя, берущего электричество из воздуха, едва хватало на то, чтоб запитать единственный комми... Уж как не хотелось связываться Борису с людьми Проволочника Хама, а пришлось. Те с электричеством помочь обещали, но в уплату потребовали весь оставшийся танатол. А вскоре и сам Борис полностью перешел в их распоряжение – очень уж ему было трудно расстаться с обретенным комфортом... Хам лично вручил новичку тяжелый, прошитый проволокой ремень, сам застегнул массивную пряжку, которой легко можно было проломить чей-нибудь череп. Как и

к любому новичку к нему приставили соглядатая следить, чтобы неофит не навредил чем по незнанию, не привел с собой правников, не переметнулся в соседнюю банду... А теперь вот он сам – Узкоглазый Бор – выполняя указание Хама, присматривает за принятым в команду новичком. Это ли не доверие? Это ли не повод для гордости?..

– А ты чего спать не идешь? – спросил Ларс, усаживаясь в кресло напротив Бора.

– Да я так, тут... – неопределенно ответил тот, не отрываясь от экрана комми. – Вон, смотри сиськи какие. Говорит настоящие, да только не верится мне...

Их было двое в просторном холле первого этажа, которое Хам именовал зоной отдыха, а прочие – отстойником. В начале дня здесь собиралось много народу, и для каждого находилось занятие: кто-то качал мышцы на стоящих у зеркальной стены тренажерах, кто-то азартно терзал игровые консоли, кто-то гонял шары по зеленой поверхности бильярдного стола. Да, люди здесь отдыхали, но стеллаж с оружием и забранные решетки окна напоминали об основном предназначении этой комнаты – отстойник был сердцем шестиэтажной крепости, и люди, собравшиеся здесь, в любую секунду были готовы выступить на защиту своей благоустроенной обители.

Ближе к вечеру зона отдыха пустела, все разбредалось по своим квартирам и закуткам. И только вооружившиеся патрульные отправлялись на удаленные посты.

Ночью зона отдыха отдыхала сама...

– Слушай, – Ларс понизил голос. – А как у вас тут с женщинами?

Бор перестал жевать конфету, выковырнул из уха чешуйку грязи, осмотрел ее со всех сторон и сдул с ногтя. Спросил лениво, только сейчас удостоив новичка взглядом:

– А тебе-то что?

– Да непонятно мне просто... Вот, допустим, приведу я сюда женщину. Что ее ждет?

– А ничего хорошего, – сказал Бор и, стараясь не выдавать своей живой заинтересованности, вяло поинтересовался: – Это ты так просто спрашиваешь, или у тебя действительно девка какая на примете есть?

Ларс помялся, кивнул неохотно:

– Ну, предположим, есть.

– Откуда здесь девка? – засомневался Бор. – Всех окрестных баб мы наперечет знаем, и они с нами со всеми знакомы. – Бор ухмыльнулся и показал движением, какое именно знакомство он имеет в виду. – Врешь!

– Нет, не вру. Это жена Яра. Ну, того парня, который со мной пришел. Она тут неподалеку. В надежном месте. Потому и спрашиваю, что будет, если я ее сюда приведу.

– Слушай, – глаза Бора загорелись, – а она красивая хоть?

– На мой вкус, так очень.

– А сиськи как?

Ларс показал. Бор вытер слюнявый рот и довольно оскалился.

– Ты ее припрядь лучше, – посоветовал он, понижая голос. – Не води сюда. Испортят ведь девку, до смерти умучают. Ей бы двоих как раз. Тебя да меня. Ну а потом, если надоест, можно и сюда привести, ребята спасибо скажут. А?

– Даже не знаю. – Ларс почесал в затылке. – Нехорошо, вроде бы, прятать ее от своих. Подло как-то.

– Наоборот! Ты же девке хорошо сделаешь!

– Думаешь?

– Точно тебе говорю!

– А я переживаю за нее. Места себе не нахожу. Оставил взаперти в брошенной квартире, и еды-то там всего на два дня... Слушай, а ты где живешь? В этом доме?

– Не, тут у меня как бы работа. Офис, можно сказать. А квартира рядышком.

– Хорошая квартира?

– А то как же! С электричеством. И вода есть. И системы рабочие.
– Так может... – Ларс задумался, подняв глаза к потолку. – Может, нам ее к тебе перевести?

Бор прямо засиял от такого предложения.

– А что! – воскликнул он, хлопнув в ладоши. – Можно и ко мне!

– А удобно ли? – всё еще сомневался Ларс.

– Да без проблем!

– Тогда пошли?

– Куда?

– Ну, за ней. Заберем и переведем к тебе.

– Прямо сейчас?

– А когда еще? Она же без еды сидит, в темноте, в одиночестве. Так и умом тронуться можно. Да и ты говоришь, что не нужно ее никому показывать. Значит, самое время – пока ночь, пока все спят... – Ларс вскочил. – Пошли же!

– Только я первый с ней буду! – поспешно сказал Бор. – Квартира-то моя.

Ларс не стал спорить. Он уже торопился к выходу, оглядываясь на отчего-то мешкающего, возможно, что-то подозревающего соглядатая и прикидывая, куда будет лучше воткнуть иглу парализатора.

Идти далеко им не пришлось: Ларс давно присмотрел одно тёмное тихое местечко...

* * *

Как Яр ни крепился, но сон его всё же сморил. И приснились ему все его жены: и отчего-то сердитая Мая, и беременная его ребенком Ольша, и даже мертвая Алета. Они вчетвером сидели в смутно знакомом зале ресторана “Идальго”, тихо беседовали и целовались. А потом появился Гнат с огромным ножом. Он ворвался в заведение и сразу бросился под их стол, спасаясь от преследующих его хурбов. Черные тени показались мгновением позже. Они потоком влились в открытые двери, они скользили меж столов, они огибали ничего не подозревающих людей, и Яр притворялся, что не видит этих смертельно опасных тварей, и Алета тоже притворялась, а из-под их стола неприятно пахло – страхом и давно не мытым телом. Хурбы чувствовали этот запах, и потому не уходили, а продолжали искать...

“Вставай!.. Вставай!..”

Он очнулся, не понимая, где находится, оглушенный сном.

– Вставай же!

Его трясла чья-то рука. Луч фонаря скакал по сбитой постели.

– Ларс?

– Уходим сейчас же.

– Куда? Что происходит?

– Спрашивать будешь потом. Я же велел тебе не спать!

– Я просто прилег.

– Бежим отсюда!

– Куда? Что ты опять задумал? Оставь меня!

– Я обещал вывести тебя в безопасное место. Я сдержу слово.

– Ты предал меня!

– Только на словах. Так было надо. Бежим! Бежим!..

Яр сполз с узкой кровати. Ларс поймал его, сунул в руки что-то большое.

– Держи! Твои вещи! Будь рядом и не отставай!

– Так ты их обманул?

– Наконец-то понял! Я наши жизни спасал. А теперь спасаю твою.

Дверь была приоткрыта. Нечто бесформенное смутно чернело меж стеной и тумбочкой.

– Ну что ты встал? – возмутился Ларс, дергая Яра за руку. – Это твой сторож, – ответил он на незаданный вопрос. – Через час очнется. Но есть и другие, они могут очухаться раньше. Идем! Времени нет!

Яр сделал шаг к двери – и уже не мог остановиться. Сперва они мчались по мрачному коридору, освещенному цепочкой тусклых зеленых ночников, потом пересекли какой-то пустой гулкой зал и оказались на железной лестнице, ведущей наверх. Яр нёсся, не имея возможности осмотреться, не понимая, куда они бегут, и откуда убегают. Он видел лишь спину Ларса перед собой и мечущееся пятно фонаря.

– Нас могут заметить, – обернувшись и замедлив бег, предупредил шепотом Ларс. В руке он держал какую-то блестящую штуковину – держал таким особенным опасным хватом, что Яру невольно вспомнился Гнат. – Будь осторожен.

Яр кивнул.

А через мгновение они очутились на улице.

Липкая изморось враз остудила их разгоряченные лица. Ларс выглянул из-за угла, шепнул, осматриваясь:

– Погода на нашей стороне.

В серой мгле плавали размытые разноцветные пятна: это горели электрическим светом обрывки ворованных вывесок. Несоразмерные, совершенно разные по начертанию буквы складывались в неровное, видимое издали слово: “Проволочник”. Ряды светящихся окон довольно четко обрисовывали угрюмое шестизэтажное здание, окруженное куда более скромно иллюминированными строениями. Лучи установленных на крышах прожекторов шарили вокруг, выхватывая из тьмы то кусок забора, собранного из остовов мобилей, то опутанную колючей проволокой сторожевую будку, то искореженные железные надолбы.

– Идем!

Беглецы, пригнувшись, бегом пересекли проезжую часть, заваленную мусором и бетонными обломками. Вжались в стену, выжидая, пока близкий луч прожектора отползет на другую сторону улицы.

– Зачем нам туда? – не выдержал Яр. – Бежим прочь!

– Увидишь, – Ларс быстро на него глянул, поднес палец к губам. – Тс-с...

На тротуаре, неравномерно освещенном круглыми фонарями, показались три нахохлившиеся фигуры. Довольно шумно что-то обсуждая, они неспешно проследовали к подъезду высотки, окна которой светились лишь до третьего этажа, а вся остальная часть, изредка озаряемая прожекторами, представлялась черной, монолитной и мертвой, будто траурный обелиск. Когда троица скрылась за дверью, Ларс ухватил Яра за руку и потащил за собой.

– Сюда! – Он толкнул Яра в какую-то щель, пихнул в спину. – Быстрее! Быстрее!

Под ногами захрустело тонкое стекло.

– Стой! Присядь! Люк видишь? Помогай!

Фонарь в руке Ларса коротко мигнул, осветив металлическую крышку. Они подковырнули её, приподняли и сдвинули. Из открывшейся дыры так сильно пахло гнилью, что Яр отшатнулся.

– Вниз, – приказал Ларс, осветив фонариком уходящую в глубину лестницу.

Железные перекладки были покрыты отвратительно скользкой слизью. Яр цеплялся за них, мечтая лишь о том, чтоб они поскорее кончились, и не подозревая, что на дне его ждет еще более мерзкая жижа.

– Направо! – крикнул сверху Ларс. – Только подожди меня...

Яр так и не понял, что это было: то ли коллектор канализации, то ли кабельный канал, забитый вековой грязью, то ли старинная, давно заброшенная подземная дорога. Свет фонаря

едва пробивался сквозь тяжелый, насыщенный парами воздух. С потолка вязко капала какая-то гадость, по скользким стенам сочилась вода, густая жижа чавкала под ногами.

Они провели здесь всего несколько минут, но Яру эти минуты запомнились надолго.

– Теперь налево. Дальше идем тихо...

Впереди забрезжило смутное свечение, и Ларс выключил фонарь.

– Не отставай.

Предостережение это было излишним. Яр едва не наступал проводнику на пятки, так жутко ему тут было.

Свечение приближалось. Скоро можно было рассмотреть, что изливается оно из неровного отверстия, забранного решеткой, – ее Ларс осторожно сдвинул в сторону, открыв проход в освещенную, чуть приподнятую над общим уровнем нишу. С невероятным облегчением Яр выбрался из жижи и ступил на твердый пол крохотного помещения, где вдоль стен выстроились какие-то гудящие металлические шкафы с мерцающими индикаторами. За шкафами обнаружилась лестница, круто поднимающаяся наверх. Ларс вступил на нее первым – в руке у него была блестящая острая шутовина.

Ступеней было ровно сорок – Яр зачем-то их сосчитал. Заканчивались они небольшой площадкой перед низенькой, будто бы не для людей, а для сиберов сделанной дверцей.

– Жди меня здесь, – сказал, обернувшись, Ларс. И потянув за невидимый до этого рычаг, открыл дверь. Чтобы пройти в нее, ему пришлось присесть на корточки.

Дверь закрылась.

Яр снова остался один.

Довольно долго он стоял столбом, не зная, можно ли ему шевелиться. Потом решился и сел.

Пол был очень холодный.

“И почему я еще не простудился?” – уныло удивился Яр.

Он начал вспоминать все неприятности и тяготы, что свалились на него, и ему стало так себя жалко, что на глаза навернулись слезы, а в горле заклокотала колючая горечь. Он тихонько всхлипнул, вытер лицо грязным рукавом и, сгорбившись, принялся счищать со своей одежды налипшую грязь. Делал он это так яростно, так отчаянно, словно только она и была виновата во всех его бедах.

Ларс вернулся минут через десять: дверь бесшумно приоткрылась, и из-за нее выглянуло обвисшее лицо проводника. Он кивнул Яру и сказал в полный голос:

– Идем!

Кажется, Ларс уже ничего не опасался.

* * *

Поначалу это темное место показалось Яру настолько огромным, что он даже не понял, помещение это или же некое открытое пространство на улице. Ровные ряды колонн отступали далеко во мрак и терялись где-то в бесконечности. Потолка не то что не было видно – его даже не чувствовалось.

Но иллюзия пропала, стоило Ларсу включить верхний свет.

Да, помещение действительно оказалось просторным – но уж точно не больше стадиумов, на которых Яр неоднократно бывал. Да, ряды колонны уходили далеко – но за ними можно было рассмотреть стены. А потолок хоть и был высоко поднят, но до некоторых конструкций, свисающих с него, можно было легко дотянуться рукой.

– Это что? – спросил Яр, озираясь.

– Гараж, – односложно ответил Ларс, и, видя недоумение в глазах собеседника, тут же пояснил: – Подземная парковка для автомобилей и место для их ремонта.

– Сервис? – неуверенно предположил Яр.

– Почти, – согласился Ларс, не собираясь вдаваться в детали. – Мы уезжаем, приятель. Уносимся отсюда со скоростью ветра. Улепетываем на колесах. Удираем на полных оборотах. Ты даже представить себе не можешь, как нам повезло.

За колоннами, за свисающими с потолка цепями, за балками и непонятными механизмами Яр углядел оранжевый корпус мобиля.

– Не туда смотришь, – усмехнулся Ларс. – Мы поедem вот на этом. – Он простер руку, указывая на громоздкое угловатое сооружение, ничем не похожее на привычный мобиль.

– Это... – Яр поперхнулся. – Оно ездит?

Уродливое железное чудище напоминало безвкусную техно-инсталляцию или, скажем, древний экспонат музея технологий, но уж никак не средство передвижения.

– Ездит и еще как, – горделиво ответил Ларс. – Это личный мобиль Проволочника. Лет десять тому назад я, выполняя заказ Хама, пригнал сюда мусоросборщик – и вот что они из него смастерили. Молодцы, нечего сказать... Забирайся в кабину!

Механический монстр был раза в три выше обычных городских такси и вдвое длиннее. У него было восемь колес, прикрытых с боков металлическими листами. Трехгранные шипы, намертво вделанные в массивный корпус, выступали на полтора метра перед треугольным капотом. Цилиндрический кузов был обмотан колючей проволокой. Черные стекла кабины прятались за стальной сеткой.

– А видишь трубу наверху? – спросил Ларс. – Это огнемет. Он выбрасывает горящую смесь на двадцать пять метров. Это лучшее, что смог придумать Проволочник Хам. И я ему даже немного завидую. Всегда мечтал мастерить подобные штуки.

Ларс открыл дверцу кабины и посадил Яра.

– Только ничего не трогай, – предостерег он.

Обойдя мобиль спереди, осмотрев колеса и попинав кузов, Ларс забрался на место водителя и показал Яру какую-то потертую, поцарапанную пластинку.

– Ключ, – торжественно объявил он.

– Где ты его взял?

– Попросил у дежурных, – ухмыльнулся непослушным ртом проводник. – Думаешь, что я тут делал, пока ты ждал меня за дверью? Упрашивал их отдать мне ключ!

– А где они сами?

– Лежат в яме. Прямо под нами. Меж колес. И знаешь, мне ничуть их не жалко. Они так плохо относились к своим обязанностям, что рано или поздно что-нибудь с ними должно было случиться.

– Ты убил их?

– Зачем? Я просто их обездвигил. Их убьет Хам, когда всё узнает. Не люблю делать чужую работу.

Недобро усмехающийся Ларс распахнул дверцу, высунулся из кабины, встав на скобу подножки, проорал весело:

– Эй, старина Хам, я забираю у тебя свой мусоросборщик! – и приложив ключ к пыльному сенсору, запустил мотор.

* * *

Они переломили опущенный шлагбаум и вышибли запертые ворота. В свете фар мелькнула всклокоченная фигура, махнула руками и тут же пропала – то ли в сторону бросилась, то ли под колеса угодила. Еще один человек, крича и размахивая здоровенным ножом, выскочил из сторожевой будки. Ларс чуть повернул руль, человек отпрыгнул, выронив нож, а будка разлетелась на куски.

– Йа-ха! – прокричал Ларс, лихо выравнивая мобиль.

Они вылетели из-под крыши на улицу, и Яр удивился, увидав, насколько близко оказался шестиэтажный дом Проволочника, расцвеченный обломками светящихся реклам. Стоящие на крышах прожекторы ожили, встревожено заворочались, пытаясь поймать несущийся мобиль в скрепление лучей. Ларс бросал машину из стороны в сторону, огибая возникающие на пути препятствия, – впрочем, без особого толка. Мобиль трясся, гремел и скрежетал, подпрыгивал и переваливался с боку на бок. Яр старался не думать, что будет, если это движущееся чудо рассыплется, как секунды назад рассыпалась сторожевая будка. Он всё ждал, что какое-нибудь колесо сейчас отвалится. Он приподнимался и вертел головой, пытаясь увидеть, что происходит позади, но обзор из кабины был никудышный, и он лишь зря бился о стенки и стекла кабины.

– Держись! – прокричал Ларс, и машину трянуло так, что Яр прикусил язык. Рот наполнился кровью.

– Держись! – вновь рявкнул Ларс, и мобиль так накренился вправо, что Яр едва не вылетел из кресла.

Где-то далеко завывала сирена.

В окрестных домах стали зажигаться окна.

– Слева от тебя панель, видишь? – крикнул Ларс, на миг повернув белое лицо к Яру. – Жми синюю кнопку и смотри на экран. Это прицел. Торчащей ручкой сможешь наводить огнемёт. Как решишь дать огня, тыкай на красную кнопку. Понял?

Яр понял – чего тут было не понять? Всё как в обычной игре, только управление не такое удобное, и кресло прыгает.

– Но им нас уже не остановить, – крикнул Ларс, вглядываясь в крохотный экран заднего обзора. – И не догнать уже!.. Держись!!

Тяжелая машина врезалась в забор, расшвыривая нагроможденные остовы мобильных. Трехгранные кльки вспороли штампованную сталь и чуть погнулись, от сильного удара смялся треугольный капот. Яра бросило вперед, он стукнулся лбом о стекло и потерял сознание...

Двигатель выл, надрываясь. Визжали, дымя резиной, колеса. Ларс, стиснув зубы, вместе с машиной раздвигал образовавшийся завал, бросался на него, рвал телом тросы и проволоку, сгибал прутья арматуры.

Сзади голосила сирена, скользили по земле лучи прожекторов, вокруг метались переполенные тени.

– Держись! – рычал Ларс, с разгону бросая мобиль в груды искореженного металла. Яру он это кричал, или покалеченному мобиле – он и сам не знал. Из него просто рвался этот крик. Рвался, и всё тут.

– Держись!.. Держись!..

Глава 8

Яра привело в чувство прикосновение чего-то влажного и холодного. Застонав, он вялой рукой ощупал лоб и обнаружил, что голова его перевязана мокрой тряпкой.

– Очухался? – участливо спросил Ларс. – Крепко же ты приложился. А я и не заметил сразу... Чего ж ты не держался? Я кричал, кричал...

Яр не ответил. Его подташнивало, во рту чувствовался вкус крови, перед глазами кружились розовые хлопья.

– Ушли, – спокойно констатировал Ларс. – Огородились они на совесть, но мы прорвались. Это же танк, а не машина!

Даже из кабины было видно, что бывший мусоросборщик изрядно потрепан: массивный нос помят, выдающиеся вперед шипы погнуты, на одном висит рваный стальной клок, острие другого обломано, лобовое стекло покрылось тонкими трещинами, из восьми фар осталась лишь одна. Но двигатель, вроде бы, работает ровно. И машина движется быстро, и водитель спокоен...

– Домчимся, проголодаться не успеешь, – приговаривал Ларс, вглядываясь в неровную дорогу. – Так бы три дня шли, а теперь мигом долетим... Лишь бы заряда хватило. Экономили проволочники электричество-то...

Всё еще стояла ночь, но совсем не такая, как привык Яр. Здесь не было бегущих огней, переливающихся вывесок и лазерных цветных вензелей; по освещенным улицам не сновали сиберы и такси, и поздних гуляк не наблюдалось. Пустая тьма царила здесь. Только поверху было разлито тусклое марево – отсветы далекого города, его живой шумной сердцевины.

Яр вспомнил давние уроки, вспомнил накрепко затвержденную истину, что вне городов нет и не может быть разумной жизни. Ужаснулся: если здесь такое запустение, то что же будет дальше? Куда они бегут? К чему? Что там, за пределами города? Развалины старых цивилизаций? Тьма и молчащая пустота?..

Черный восьмиколесный мобиль резво мчался по темным глухим улицам, вспарывая мрак острым лучом единственной фары. Красными глазами всматривался Яр в стелящуюся под колеса дорогу, пытаясь угадать, что ждет его в конце пути. Долго всматривался, долго гадал. Потом обреченно вздохнул и полез в сумку, в которую Ларс сложил его вещи. Там он нашел свою старую майку “Райм”, плащ “Кортен”, похищенный у бывших соседей по дому, нож Гната, завернутый в тряпицу, выключенный “сэй двенадцать” в коробке, прозрачный пузырек с идентификационным чипом внутри, крем для рук и крем для лица, две пачки сладких хлопьев, пакет чипсов и жвачку с мятным вкусом – вот и всё, что осталось у него от прошлой жизни.

Открыв пакет с чипсами и покосившись на Ларса, впившегося в руль, Яр украдкой достал комми. Включенное устройство тихонько пискнуло, опознав руку хозяина. Кабина наполнилась голубоватым свечением.

– Выключи, – мгновенно среагировал Ларс.

– Почему?

– Нельзя втягивать других людей в наше дело.

– Почему?

– Это опасно. Для них опасно, и для тебя тоже. Нельзя. Выключи!

Яр с тоской посмотрел на яркий экран, в углу которого насмешливо подмаргивал значок отсутствия сетей.

– Я ни с кем не буду связываться.

– Ты не сможешь, – сказал ему Ларс. – Не сумеешь. Это выше твоих сил. Я знаю, о чем говорю, я много раз выводил таких как ты из города. Вы все привязаны к этим штукам, будто эмбрионы к кишкам инкубатора-кювеза. Выключи!

– Он сломан, он не видит сеть!
– Обмануть меня пытаешься?
– Нет, правда. Смотри сам.
– Даже если это и так, всё равно выключи. Мы не знаем, на что способны системы коммуникации, зачем зря рисковать.
– Но я просто хотел посмотреть старые записи, – продолжал упрямяться Яр.
– Когда мы выберемся из города, у тебя будет достаточно времени для этого. Выключай, говорю!
Яр неохотно послушался.
Некоторое время они молчали, сердясь друг на друга, слыша только рокот двигателя, видя лишь узкий клин дороги, высеченный из мглы светом фары.
– Что же будет дальше? – тихо спросил Яр. – Там хоть можно жить?
– Там есть другие люди, – так же тихо ответил Ларс. – А значит жить там можно.
Прошел час, и Яру стало казаться, что меж черных массивов брошенных строений брезжит далекий свет. Он думал, что это обман зрения, шутка уставшего от неестественной тьмы мозга. Но вскоре заметил, как светлая муть потихоньку распадается на отдельные огоньки.
– Что это там? – осторожно спросил он.
– Где? Впереди?
– Да... Вроде бы, свет...
– Глазастый, – хмыкнул Ларс. – Подожди немного, скоро мы сделаем небольшую остановку, и я кое-что тебе покажу.

* * *

Порой самые обыденные вещи могут поразить до глубины души, если тому способствует обстановка.

С малого детства ездил Яр на лифтах, перевидал их разных неисчислимо множество и всегда относился к ним довольно равнодушно, как относятся к вещам привычным и понятным. Но *этот* лифт, глухой и тесный, будто саркофаг, напугал его и ошеломил, разбудив в памяти какие-то древние мистические страхи.

Лифт, который не должен был работать. Лифт, не для людей построенный.

Он обслуживал башню неизвестного предназначения, высокую и тонкую, будто труба транспортной эстакады. Сама башня производила ощущение давно и безнадежно мертвой, мумифицированной: она была темна и гулко тиха внутри. Впечатление это усиливали окружающие ее строения: заброшенные корпуса, похожие на мятые картонные коробки, невысокие разваливающиеся дома, оставленные людьми в незапамятные времена.

Лифт был единственным живым механизмом на многие километры вокруг, и он казался частью какого-то другого мира. Увидеть его – всё равно, что глухой одинокой ночью на кладбище заглянуть в лицо разложившемуся покойнику и увидеть его живые глаза, внимательно за вами следящие.

Наверное, Ларс понял, что испытал Яр, когда раздвинулись двери залитого светом лифта. Понял и не осудил его ни за сдавленный крик, ни за порывистое движение прочь.

– Только я знаю секрет этой башни, – сказал он, не двигаясь и давая возможность спутнику отдышаться и прийти в себя. – Это подъемник для обслуживающих сиберов. Человек может открыть дверь, только если введет код. – Ларс кивнул на сенсорную панель, утопленную в глубокой нише. – Мне этот код известен. Мне – и больше никому. Так что наверху мы окажемся в полной безопасности.

Яр вытер испарину со лба. Сказал, неуверенно заглядывая в тесную кабину:

– Гнат говорил, что лифтов надо остерегаться.

– Я не первый год делаю свою работу, – рассудительно проговорил Ларс. – И ты не первый, кто поднимается со мной наверх. Никто и никогда не замечал тут хурбов. Так что не бойся. Там сейчас безопасней всего.

Яр с сомнением посмотрел вверх.

– А если лифт вдруг перестанет работать, как и всё здесь вокруг?

– Именно сегодня, в эту самую минуту? Маловероятно.

Яр всё еще колебался.

– Мы окажемся в ловушке, если кто-то решит подстеречь нас внизу.

– В округе нет ни одной живой души.

– Откуда тебе знать?

– Я не впервые иду этим маршрутом, – Ларс начал раздражаться.

– Но сколько раз ты проезжал здесь на мобиле? – не собирался сдаваться Яр. – Свет фар заметен издалека, нас могли увидеть, могли услышать, за нами могут сейчас следить.

– Ты становишься параноиком.

– Трудно им не стать, когда начинаешь видеть убийц, которых не замечают другие.

Ларс коротко хмыкнул и направил свет фонаря в глаза Яру. Тот зажмурился, прикрылся ладонью.

– Слушай меня, городской умник, – произнес Ларс. – Если ты скажешь еще одно слово против, если ты однажды опять решишь поспорить, если ты хотя бы на секунду промедлишь с тем, что я прикажу тебе сделать... – Он надвинулся на Яра, ухватил его за грудки, подтянул к своему уродливому лицу, похожему на маску. – Тогда я просто брошу тебя, а сам вернусь в “Серый Кардинал” и закажу в память о тебе самого дерьмового пива... Ты понял это, малыш?

Яр сдавленно пискнул и попытался кивнуть.

Ларс отпустил его и вытер ладони о штаны.

– Шагай в лифт. Нам нужно передохнуть, осмотреться и пополнить кое-какие запасы.

Яр на слабых ногах вошел в кабину, заполненную электрическим светом.

Двоим в ней было очень неудобно.

* * *

В круглой комнате не оказалось ни единого окна, зато здесь имелись шесть дверей, четыре из которых, по словам Ларса, выходили на смотровой балкон, опоясывающий башню на высоте семидесяти метров. Большую часть комнаты занимали однотипные железные ящики, начиненные электроникой. Судя по всему, они были давно отключены: матовые дисплеи были закрыты полупрозрачными шторками, контакты разъемов окислились и забились лохматой пылью, а в потухших выпуклых глазках индикаторов отражался лишь свет фонарика, которым Ларс водил из стороны в сторону. Картину запустения дополняли безжизненные тушки трех сиберов, подогнувших членистые лапки к плоскому брюху. Лампы освещения так же не работали, но предусмотрительный Ларс заблокировал двери лифта подобранной с пола трубой, и изливающегося из кабины света оказалось достаточно, чтобы Яр смог оценить обстановку.

Комната была совершенно не приспособлена для отдыха – это он понял сразу. Здесь некуда было прилечь – даже на бетонном полу нельзя было отыскать места, достаточного для того, чтобы вытянуть ноги.

– Располагайся, – сказал Ларс голосом радушного хозяина, и Яр хотел ехидно поинтересоваться, где именно здесь можно расположиться, но не успел. Ларс плечом надавил на один из шкафов, нажал на что-то – и глубокий железный ящик открылся, с шуршанием развернув по полу длинный мягкий язык из вспененного пластика. Яр, вымотанный убийственной ездой на абсолютно некомфортном мусоросборщике, не заставил себя упрашивать: сразу растянулся на предложенной постели, стараясь не думать о том, кто мог здесь лежать до него. Перенесенные

лишения не избавили его от естественной брезгливости, он и на себя-то, грязного и запущенного, смотрел сейчас с отвращением.

Эх, залезть бы в горячую пенную ванну!

Ларс скрылся за шкафами, загремел там чем-то.

– Отдохнем, поспим немного, если получится, – громко озвучивал он свои планы. – Я уж и сам выдохся, рулем крутя. А днем двинем дальше, насколько заряда хватит. Если повезет, то как раз к внутреннему кольцу и доберемся.

Яр не знал, что это за внутреннее кольцо, но переспрашивать не стал. Вздохнув, он с омерзением посмотрел на свои руки. Вот уж действительно проблема: кожа потрескалась, потемнела от грязи и чешется, ногти отросли черной каймой. А на ноги вообще лучше не смотреть.

– Ну, чего ты там притих? – напомнил о себе Ларс. – Обижаешься? Или спишь уже? Не спи, сейчас перекусим, тут у меня кое-что припасено.

Он появился, неся под мышкой большую коробку сухого завтрака “Слад” и банку газированной воды “Лайм”. Вообще-то сухие зерна завтрака полагалось, насыпав в глубокую посуду, заливать каким-нибудь джуйсом – об этом даже на коробке упоминалось, – но Яр привередничать не стал.

Они грызли хрустящие сладкие зерна, запивали их водой из банки и поочередно рыгали в кулаки. Когда коробка опустела наполовину, Ларс достал из кармана белый цилиндрик с ярко-красной надписью, которую Яр не успел прочитать, и вытряс из него на ладонь две оранжевые таблетки. Первую он проглотил сам, вторую протянул Яру.

– Что это? – спросил тот, осторожно, двумя пальцами, принимая подношение.

– Лекарство, чтобы ты не сгнил заживо, когда окажешься за городом. С сегодняшнего дня будем употреблять их дважды в сутки. Потом дозу сократим.

– С чего бы мне гнить? – спросил Яр.

– С чего бы мне знать? – передразнил его Ларс. – Говорю: если не станешь их глотать, то обязательно подхватишь какую-нибудь гадость. Про микробов слышал?

– Слышал.

– Ну вот, а есть еще грибки, паразиты, споры и бог его знает, что еще...

Яр положил таблетку в рот, покатал ее языком. Она сразу растаяла, сделав слюну отвратительно горькой.

– Не плюй! – тут же предупредил Ларс, глядя на скривившееся лицо спутника. – В следующий раз глотай без задержки.

– Откуда ты всё знаешь? – спросил Яр, допив из банки остатки воды и сунув в рот горсть сладких зерен.

Ларс дернул плечом.

– У меня был учитель.

– Он тоже спасал людей от хурбов?

– Иногда. Но вообще-то, он просто жил в мертвом городе.

– Здесь?

– Здесь.

– И что с ним стало?

– Он умер. В этой самой комнате. Рядом со мной.

Яр поежился, подумав о том, что последнее время он слишком часто слышит о смерти. Не то, чтоб это сильно пугало его; просто в том светлом чистом мире, который он недавно столь спешно покинул, говорить об умирании было не вполне прилично. Тому эту старались обходить, о неизбежном конце в доме отцветания старались не вспоминать.

– Он был старый? – спросил Яр только лишь для того, чтоб не думать о смерти.

– Что ты знаешь о старости, – устало отмахнулся Ларс и, отодвинув коробку с завтраком, растянулся на краешке мягкого ложа. – Что ты знаешь о жизни, – сказал он тихонько, глядя в опутанный проводами потолок.

Какое-то время они лежали молча.

Яр достал тюбик с кремом, выдавил на ладонь приятно пахнущую массу и растер ее по зудящей коже. Нужно было что-то делать и с ногтями, но подходящего инструмента под рукой не было, а обкусывать грязь зубами он не решился.

– Наелся? – поинтересовался Ларс.

– Да.

– Получше себя чувствуешь?

– Немного.

– Тогда вставай, кое-что покажу.

Через одну из дверей они вышли на балкон. Ларс приблизился к самому его краю, Яр так близко подходить не решился, прижался спиной к стене: очень уж ненадежно выглядел сплетенный из стальных прутьев пол, да и ограждение не внушало доверия – оно было немногим выше колен. Казалось: чуть качнись вперед – и сразу кувыркнешься в темную бездну, поддавшись её притяжению.

Да, внизу было непроглядно темно. Но вот впереди... Впереди широко разливался свет, неяркий, но плотный, имеющий четкие границы.

– Внутреннее кольцо, – сказал Ларс. – Оно опоясывает город и питает его всем необходимым. Реакторы, заводские корпуса, фермы, линии переработки отходов. А видишь тонкие черточки на фоне неба? Это и есть генераторы погоды, на которые все так часто жалуются.

– Концерн, – озвучил Яр всплывшее в памяти название. – Мы учили, но я не подозревал, что он находится так далеко.

– Далеко? – хмыкнул Ларс. – Ты еще не знаешь, что это такое – далеко.

– А там есть люди? – спросил Яр, стараясь не обращать внимания на обидные нотки превосходства в голосе проводника.

– Разве тебе не рассказывали на уроках об устройстве Концерна?

– Говорили что-то... Помню, однажды всю нашу группу портировали на экскурсию, и мы смотрели, как собирают сиберов, а потом прошлись по протеиновой ферме.

– Скорей всего, это была южная часть Концерна, – кивнул Ларс. – Там внутреннее кольцо наиболее близко подходит к живым кварталам, и туда часто водят группы воспитанников.

– Мы можем встретить воспитанников?

– Вряд ли. Разве только заблудившийся инженер-инспектор попадет, – Ларс фыркнул, давая понять, что это шутка. – Если говорить образно, то Концерн – это один огромный сибер, обнявший город и обслуживающий его. Сибер, обслуживаемый сиберами, которых обслуживают другие сиберы, за которыми следят сиберы четвертые, а за теми, в свою очередь, пятые, и так далее. Люди в этой цепи нужны только как потребители.

Яр попытался представить махину, что непрерывным потоком производит и чипсы “Халив”, и сорочки “Гайо”, и кулинара “Клайм”, и домашних пылесборщиков, и весь ассортимент комми, и запасные части к ним, и... и...

Куда ни ткни пальцем, на что ни посмотри – всё это произведено Концерном.

Поразительно, если задуматься. Даже голова начинает кружиться. Хотя чего тут задумываться, зачем? Есть выстроенный предками – слава им! – миропорядок, и ломать голову, думая о его устройстве, не нужно и вредно. Данностью надо уметь пользоваться – вот в чем мудрость!

– Могущество Создателя безгранично, – проговорил Яр и сотворил на себе божий знак.

– Город выстроили люди, – заметил Ларс.

– Но возможности для этого дал им Создатель.

– А потом отобрал, – Ларс хмыкнул.

- Цель была достигнута.
- Ну да, царство Божие на земле построено. Человечество обрело потерянный рай.
- Тебе что-то не нравится?
- Почему же? Я просто в восторге.

Они сцепились взглядами, будто пытаясь проникнуть в мысли друг друга. Яр не был особо набожным, но слова Ларса, а еще более тон, с которым они были произнесены, неприятно его задели.

– Есть такое мнение, что в мозгах людей сработал переключатель, – негромко сказал Яр. – Предохранитель. И поэтому мы забыли, как всё устроено. Так было нужно.

Ларс покачал головой, но ничего на это не ответил. И приободренный его молчанием Яр продолжил:

– Создатель снабдил нас этим переключателем, чтобы мы не разрушили мир, в котором живем. Получается очень логично: человечество выделилось из дикой природы, постепенно развиваясь, создало для себя идеальную среду обитания, а когда дело было закончено, сработал переключатель, и мы лишились той силы и тех знаний, что позволили нам построить города, но вместе с тем представляли для нас опасность.

– Это ты сам додумался? – спросил, помолчав, Ларс.

Яр пожал плечами. Кажется, об этом говорил Гнат. Только другими словами. Или Гнат имел в виду нечто иное?

– Не было никакого переключателя, – отвернувшись, пробормотал Ларс. – Боюсь, и Создателя давно уже нет... – Он почесал затылок, зевнул широко и скучно. Махнул рукой, словно отрекаясь от всего мира, и сказал:

– А пошли-ка спать.

* * *

Яр и не понял, что заснул: он только закрыл глаза и тут же перенесся в свой дом, в свою постель, заправленную атласным бельем “Тассерата”. Ему чудилось, что квартира баюкает его негромкой музыкой группы “Холли Уолли”, на кухне возится с кулинаром обнаженная Алета, а в углу возле кровати уютно ворчит сибер-пылесос “Атьорг”.

Он не успел насладиться волшебной переменной, как чудное видение сгнуло.

– Вставай! – прокричал Ларс, наваливаясь на Яра и спихивая его с пластиковой подстилки. – Вставай, уходим!

Тесная, заставленная железными шкафами реальность после яркого теплого сна показалась убогой втройне.

– Что? – Яр тер слипающиеся глаза и щурился. – Что случилось?

– Проволочники!

Одного этого слова оказалось достаточно, чтобы Яр окончательно пришел в себя.

– Они всё же решились на погоню, – Ларс торопливо запихивал в сумку какие-то вещи. – Ой, не зря я на балкон вышел! Как чувствовал!

– Сколько мы спали?

– Почти два часа.

– Мне казалось, я только закрыл глаза.

– Хватит болтать! Бери пожитки и беги в лифт. Я догоню сейчас...

В натужно вибрирующей кабине лифта Ларс, нервно тиская сумку и поглядывая на низкий потолок, рассказал о том, как смутное чувство опасности разбудило его и выгнало на балкон, и как он разглядел с высоты еще далекие, но несомненно приближающиеся огни.

– Думаю, у них там пять мобильных и несколько скутеров. Это человек тридцать, может быть даже сорок. Изрядный кортеж, Хам проявляет к нам большое почтение.

– Они убьют нас?

– Скорей всего, но, боюсь, не сразу. Много будет зависеть от того, как мы станем сопротивляться.

– Сопротивляться? – не поверил своим ушам Яр.

– Ну, это в крайнем случае. Сначала попробуем убежать.

Лифт, дернувшись, остановился. Двери открылись.

– Видимо, Хам влюбился в этот мусоросборщик, если организовал такую погоню, – проворчал Ларс, внимательно осматриваясь.

На улице было раннее утро: по макушкам мертвых высоток всюду струилось золотое свечение, но внизу еще густо лежала холодная тень. Зрелище непривычно тихого заброшенного квартала в очередной раз поразило Яра своей ирреальностью. Ему казалось, что он очутился внутри какой-то игры, правила которой только начали для него открываться. Город вокруг выглядел как величественная декорация, тщательно продуманная арена виртуальной битвы.

– Ты помнишь, как обращаться с огнеметом? – спросил Ларс, напряженно к чему-то прислушиваясь.

– Да, – кивнул Яр.

Мусоросборщик находился в десяти шагах от беглецов. Разворотив стеклянную витрину помятой кормой, он единственной фарой тарачился на вставших перед ним и чего-то ждущих людей.

– Скорей всего, Хам хочет заполучить нас живыми, – рассуждал Ларс, вынимая из своей сумки знакомый Яру острый поблескивающий предмет. – Значит, люди его будут с нами осторожны – и это для нас очень хорошо, это увеличивает наши шансы... Хам мог бы изменить свой приказ, если бы сам участвовал в погоне, но он слишком напуган хурбами и потому носа не высунет из своей квартиры...

Приглушенный гул, похожий на рокотание холодильного шкафа, заставил сердце Яра сжаться.

– На этих улицах им за нами не угнаться, – сказал Ларс. Он уже забирался в мусоросборщик, цепляясь за погнутые скобы в его боку.

– Мы двинемся через завалы, они вынуждены будут сбавлять скорость, а то и вовсе искать объезд... Теперь главное – завестись.

Он устроился в кабине, раздраженно окликнул Яра:

– Чего ты там встал? Давай быстрее! – и, повернувшись лицом к нарастающему гулу, повторил:

– Главное – завестись...

* * *

Борис Саппер, больше известный как Узкоглазый Бор, трясся в скрипучем прицепе и громко проклинал свою святую доверчивость. Он еще не вполне отошел от укола станнера, его била дрожь, голова гудела и подергивалась, а перед глазами, порой совсем застилая мир, кружились розовые хлопья. Ему бы лежать сейчас в тишине и тепле, потягивать разбавленный водой мятный джуйс и менять холодные компрессы. Но нет же: он судорожно цепляется за борт болтающегося прицепа, и бьется о него, и царапается. А всё потому, что какой-то подлый проходимец обвел вокруг пальца всё их братство, выставил дураками их всех, но что еще хуже – надул самого Хама.

Ох и озлился же тот, когда узнал о сбежавших! Переколотил всё, до чего дотянуться мог, дверь отпер, которую бог знает сколько времени не отпирал, крепко побил Макса Третьего, только лишь за то, что он доложил о происшествии. А подвернись тогда под руку Хаму кто-то из действительно виноватых – убил бы на месте, задушил бы голыми руками.

“Нет, ну надо же было так попасться! – ругал себя Борис. – Поверил в какую-то девицу, обрадовался, поперся помогать... Хорошо, что жив остался, а ведь могло куда хуже кончиться...”

Всех, кто оказался под рукой, направил Хам в погоню за беглецами. Снарядил всю технику, что была на ходу. Сорок восемь человек, пять мобильных на колесах увеличенного радиуса, три прицепа, шесть скутеров – и всё ради того, чтоб изловить двух чужаков и вернуть любимый мобиль Хама, который он иначе как танком не называл.

Конечно, вездеход, оборудованный огнеметательной трубой, вещь нужная и ценная. Но стоило ли в такой спешке бросать вслед за ним все основные силы, оставляя практически без защиты самую главную ценность – дом, подключенный к электросети, энергетический узел всего квартала, центр братства, его крепость.

Может и правда Хам Проволочник сошел с ума, как поговаривают его недруги?

Или же похищенный танк увез нечто ценное? Ценное настолько, что Хам предпочел пойти на огромный риск, лишь бы это вернуть?

Что это за Херберт, о котором он так кричал?

Знакомое, вроде бы, имя. Кажется, ходили какие-то разговоры про этого Херберта. И связывали его, вроде бы, с теми же самыми людьми, что делали огнеметательный танк, – с личными мастерами Хама, его немногословными любимчиками, зазнайками, невесть чем занимающимися в закрытом подземном гараже.

Уж не из-за этого ли Херберта и снарядил Хам погоню? Не из-за него ли он прервал свое долгое добровольное заточение и сам, впервые за много лет, возглавил боевой отряд?

* * *

Покореженный мусоросборщик завелся не сразу. Он повздыхал, будто жалуясь на обидно короткий отдых, вздрогнул, стяхивая с себя мусор, поморгал фарой – и только после этого с явной натугой раскрутил мотор.

– Далеко не уйдем, – признал Ларс, постучав согнутым указательным пальцем по мутному стеклу стрелочного индикатора. – Но хотя бы оторвемся.

Он повозился в кресле, взялся за руль, повернулся к Яру.

– Стреляй только наверняка. Каждый выстрел будет отбирать энергию.

– Может, тогда уж и не надо? – спросил Яр, с трудом представляя, что он станет делать, когда в прицел огнемета попадет мобиль, полный живых людей.

– Может и не надо, – отчеканил Ларс. – Решай по обстановке. Но учти, если мы окажемся у Хама в руках, живыми он нас точно не выпустит.

Пробитая витрина со звоном обрушилась, когда мусоросборщик сдвинулся с места. Будто капли засакали по бетону стеклянные осколки.

– Держись! – знакомо рывкнул Ларс, и тяжелая машина, на ходу разворачиваясь, вынеслась на улицу...

Они сразу оторвались от преследователей: отсветы чужих фар мелькали всё реже, тускнели и отдалялись, потом, вроде бы, пропали вовсе. Яр приободрился, но Ларс особого оптимизма не выказывал.

– Они нашли нас по следу, – бормотал он, не отрывая взгляда от дороги. – И вряд ли уже его потеряют. Сейчас главное уйти как можно дальше. Это даст нам какое-то время... Как можно дальше...

Разогнавшийся мобиль трясся по ямам, подпрыгивал на дорожных вздутиях, расшвыривал оказавшиеся на пути препятствия, кидался из стороны в сторону, слушаясь резких поворотов руля. Ларс специально выбирал дорогу посложней, надеясь замедлить преследующие машины, а может быть даже и разбить их. С широкого проспекта они свернули на узкую

улочку, одна сторона которой была застроена двухэтажными домиками, а по другой тянулись длинные рифленые стены каких-то ангаров. Потом пробили старый забор, пересекли совершенно пустую магистраль, повалили голый рекламный щит и закружились, запетляли по району, застроенному уродливыми слепыми зданиями.

– Держись! – вскрикивал Ларс, вписываясь в особенно крутой поворот.

И Яр держался, хотя держаться особо было не за что. Так вот он и задел рукоять огнемета, да попал пальцем на красную кнопку – над головой ухнуло, и длинный язык густо коптящего пламени, изогнувшись, ударил в бетонную стену, на которой был нарисован большой – в полтора человеческих роста – непонятный знак. Облупившаяся краска вспухла от жара пузырями; жидкий огонь потек со стены на землю. Мусоросборщик фыркнул мотором и будто бы споткнулся.

– Осторожней ты! – гаркнул Ларс.

Яр втянул голову в плечи. Ему было очень стыдно.

Сил у мотора хватило еще минут на пятнадцать езды. Даже Яр, никогда сам не водивший мобили, почувствовал, как падает мощность. Последние метры они просто катились под небольшой уклон. И встали, ткнувшись носом в опору эстакады, с хрустом раздавив единственную фару.

– Ну вот, – сказал Ларс, распахивая дверь со своей стороны. – Прибыли.

Несомненно, раньше это был парк. В нагромождениях ржавой арматуры угадывались очертания аттракционов. Торчащие из бетонных оснований балки подсказывали, где находились легкие будки, в которых продавали сладкие воздушные зерна, цветные шары, мятную вату и прочую мелочь, без которой прогулка по парку теряет половину своей прелести. Перекошенная карусель, кажется, еще могла вращаться, несмотря на истлевшее основание. Выстроившиеся урны и скамейки обозначали границы теперь едва заметных дорожек, сходящихся к чаше фонтана, в которой темнела гниющая жидкость. И будто гигантская круглая антенна возвышалось над заброшенным парком чёртово колесо, глубоко запустившее в растрескавшийся бетон свои широко расставленные ажурные ноги.

Как давно люди оставили это место? Сколько лет прошло с того дня, как здесь гуляла последняя влюбленная пара? Сто? Двести? Наверное, больше...

Ларс какое-то время стоял на подножке мобили, напряженно слушая тишину, потом удовлетворенно кивнул и соскочил на землю.

– Теперь уже рядом, – сказал он, помогая выбраться из кабины Яру. – Теперь можно и пешком.

Он повел рукой справа налево, указывая на что-то далекое. Яр поднял голову, посмотрел, и за чертовым колесом, за бетонным забором, за устремленными в небо домами разглядел плотно составленные массивные корпуса, плавающие в тонкой матовой дымке.

– Концерн, – выдохнул Яр.

– Внутреннее кольцо, – подтвердил Ларс.

Они быстро собрались: вытащили сумки, забросили их за спины, глотнули холодного энергетика из маленького термоса. Ларс в правую руку взял блестящее заостренное орудие, Яр, поколебавшись, достал из сумки здоровенный нож Гната. Он ждал, что Ларс его высмеет. Но проводник, напротив, одобрительно кивнул и сказал:

– Хотел бы я знать, где твой Гнат раздобыл этот тесак. Таких у нас не делают, да и ручка-то, кажется, из настоящего дерева. Из музея, что ли, какого украл.

Яр пожал плечами. Ему было глубоко безразлично, что это за нож.

– Поглядим, нет ли тут лучшего оружия, – пробормотал Ларс, направляясь к грузовому отсеку скончавшегося вездехода.

Дверь в округлом боку обвитого проволокой кузова была заперта, но Ларс быстро с ней управился. Первым делом он нанес по замку несколько могучих ударов подобранным бетон-

ным обломком, а потом, используя в качестве рычага найденный здесь же металлический прут, выворотил помятую и расшатанную дверцу.

Внутри оказалось полно разного хлама.

– Что за помойка, – пробормотал Ларс, забравшись в кузов и вороша ногами ни на что не годный мусор. Включив фонарик, он направил свет в дальний угол и громко возликовал:

– Ага! То, что надо!

Яр с опаской заглянул в кузов. Ларс увидел его, махнул рукой:

– Забирайся, поможешь.

Вдвоем, отдуваясь и сдирая с пальцев кожу, они отогнули полупрозрачную пластину, закрывающую намертво привернутый к стене стеллаж с оружием.

– Вот это да! – возбужденно приговаривал Ларс, снимая с креплений одну тяжелую штуквину за другой, быстро их осматривая и аккуратно складывая себе под ноги. – Это тебе не какой-то станнер, это настоящие машины для убийства. – Он чуть ли не приплясывал от восторга и возбуждения. – Ай да Хам! Ну, молодец!..

Проводник отобрал два агрегата, отдаленно напоминающие плазменные ганы из игры “Истребитель демонов”. Посетовал:

– Жаль, не сможем унести всё, – и протянул одно из ружей Яру. – Ты бери, бери. Как пользоваться, представляешь?

Яр неуверенно взял увесистое ружье, ответил честно:

– Нет.

– Это армейский импульсный карабин “Клинч”. У него в обойме полторы тысячи стальных дробинок. Стрелять умеет в трех режимах, вот переключатель. При первом положении переключателя огонь ведется очередью со скоростью, если не ошибаюсь, двести дробинок в секунду. Второй режим – залповый. Канал ствола меняется, и дробины вылетают разом по двадцать-тридцать штук. Ну и третий режим – для прицельной дальней стрельбы. Одно нажатие на спусковой крючок – одна далеко летящая дробица. Чем хорош “Клинч”, так это тем, что дробица для него можно насечь самому из любого подходящего металла...

Яр слушал торопливую лекцию, широко открыв рот. В его голове роилось так много вопросов, что он терялся, не зная, что спросить для начала.

– Армейский? – выдавил он из себя.

– Все вопросы потом, – отмахнулся Ларс. – В пути... Ты не смотри на меня так и не бойся. С такими штуками убивать очень легко, это тебе не ножик. Главное – не думать лишнего. Лучше вообще не думать. А то будет плохо. Очень плохо – я знаю... Выходим!

Они повернулись к двери, и в тот же миг у противоположной стены что-то тяжело зашевелилось. Яр испуганно вскрикнул, и Ларс вмиг оттолкнул его в сторону, вскинув карабин к плечу и одновременно отыскивая цель лучом фонаря.

Из наваленного на полу мусора поднималось нечто приземистое и угловатое.

– Стой, как стоишь! – рявкнул Ларс. Палец его уже выбрал свободный ход спускового крючка.

Фигура нерешительно замерла. В свете фонаря красно блеснули большие круглые глаза – совсем не человеческие.

– Ты кто? – голос Ларса дрогнул.

Фигура чуть повернулась к нему, умудрившись сохранить при этом неестественную вывихнутую позу.

– Я Херберт, – представился чужак, слегка присев. – Добрый день. – Голос у него был чудный: музыкальный бархатный баритон, притягательный и располагающий. – Я очень рад вас видеть. Хотите, я расскажу вам смешную историю?

– Что за чёрт? – пробормотал Ларс, опуская оружие и делая шаг вперед.

– Я Херберт, – повторил вывихнутый уродец. – Я верный товарищ и друг. Вы всегда можете со мной поговорить. – Он выставил на свет фонаря свое лицо: гладкое, лупоглазое и необыкновенно милое.

Лицо сибера.

– Я Херберт. А как зовут вас?

– Это же тупой сибер-друг, – облегченно выдохнув, проговорил Яр.

– Вижу, – отозвался Ларс. – Но что он здесь делает?

– Я здесь живу, – радостно ответил Херберт. Его силиконовые губы разошлись в широкой улыбке. – Добро пожаловать в гости. Жаль, ничем не могу вас угостить. Всё разбилось. А хотите, я расскажу вам смешную историю?

Ларс вплотную приблизился к сиберу, похлопал его по корпусу, подергал за руки. Выпуклые немигающие глаза следили за ним; сибер поворачивал голову, но сам не шевелился, продолжая выполнять команду человека.

– Как ты себя чувствуешь? – обратился к нему Ларс.

– Спасибо, что спросили. Я чувствую себя хорошо. Я долго отдыхал и полон сил.

– Ты можешь идти?

– Да. Я могу идти.

– Значит, пойдешь с нами.

– Зачем он нам? – возмутился Яр. Но Ларс не удостоил его ответом. Он, указывая на грудку брошенного оружия, торопливо растолковывал сиберу его новые обязанности.

Глава 9

Это была очень странная дорога. Она выходила из-под земли, из глубин черного полуобвалившегося тоннеля, похожего на глотку разлагающегося титанического чудовища. Когда-то дорогу от всего мира отгораживала высокая стена, но со временем отдельные бетонные плиты сильно накренились, а другие и вовсе упали, образовав изрядные бреши. С первого взгляда становилось ясно, что обычные мобили по этой дороге никогда не ездили: вместо ровного полотна с магнитной разметкой здесь имелись утонувшие в земле бетонные подушки и прикрепленные к ним металлические балки, сильно поеденные рыжей ржавчиной.

Ларс ковырнул ногой прогнивший металл, сплюнул и обернулся, поджидая отставших спутников.

Яр, цепляясь за торчащую арматуру и истрепанные кабели в крошащейся изоляции, ползком перебирался через поваленные плиты. Он тяжело дышал и шмыгал носом, глаза его заливал пот, а ободранные руки кровоточили. Следом за ним с удивительной сверхчеловеческой грацией карабкался по завалу обвешанный оружием Херберт. Сибер улыбался и что-то негромко бормотал, кажется, он подбадривал выбивающегося из сил Яра.

Последний километр пути был похож на жестокий аттракцион: чтобы пройти лабиринт из частично разрушенных строений, им потребовалось два часа. Там было всё: и канавы, заполненные черной водой, и глубокие ямы-ловушки, и осыпающиеся, готовые обвалиться стены, и качающиеся под ногами балки. Ларс специально выбрал эту нелегкую дорогу, рассчитывая, что преследователи не сумеют её преодолеть, даже если и отважатся продолжить погоню.

Он не представлял, насколько сильно Хам желает вернуть Херберта...

– Передохнем, – объявил Ларс, когда спутники, одолев последнее препятствие, спрыгнули на плотную землю, густо усеянную чешуйками ржавчины.

Яр сразу же лег, подложив под голову сумку с вещами и вытянув ноги. Херберт остался стоять, но обвисшие руки и обмякшее лицо подсказали Ларсу, что сибер, восприняв его слова буквально, перешел в режим восстановления энергии. Будить его Ларс не стал – они уже достаточно наслушались пустой болтовни. Херберт, кажется, не умел молчать. За три часа совместного путешествия он пересказал угрюмо молчащим спутникам всю свою жизнь. Они узнали, что бытё Херберта прошло в одном из домов отцветания, где он был верным другом многих стариков. Сибер перечислял имена, рассказывал о привычках своих престарелых приятелей, напевал мелодии, давно вышедшие из моды, и шутил, сам смеясь над своими шутками. Ларсу это скоро надоело, и он ушел вперед, оставив Яра в компании чересчур болтливого сибера.

– Я готов голыми руками выдернуть его голосовой модуль, – признался Яр присевшему рядом Ларсу. Тот ухмыльнулся:

– Терпи. Ты перестанешь его слышать, когда устанешь по-настоящему.

– Я уже устал.

– У тебя есть силы раздражаться – значит, ты еще не выдохся.

Яр пожал плечами. Повернув голову, он внимательно посмотрел в равнодушное лицо проводника и обиженно произнес:

– Мне начинает казаться, что ты надо мной просто издеваешься.

– Может и так, – согласился Ларс. И помедлив, добавил: – Я пытаюсь хотя бы немного тебя изменить, чтобы приготовить к другой жизни. Ты слишком самовлюблен, ты ставишь себя в центр мира. А там, куда я тебя веду, это может оказаться вредным.

Было заметно, что Ларс говорит искренне, но согласиться с ним Яр не мог: он никогда не считал себя самолюбивым эгоистом.

– Я уважаю других людей, – сказал он, немного подумав.

– Я говорю не про это, – отмахнулся Ларс. – Ты не привык переступать через себя. Когда возникает какая-то проблема, ты не пробуешь разобраться с ней, а начинаешь торговаться.

– Это неправда!

– Ты просто не замечаешь этого за собой... Впрочем, ладно, оставим... – Ларс поднялся, отряхнул штаны. – Побудьте пока здесь, а я ненадолго отлучусь.

– Куда? – встревожился Яр.

– Не твое дело, – по-доброму ответил Ларс и, вынув из сумки банку энергетика и пакет чипсов, кинул их Яру на живот. – На, подкрепись пока.

Он подошел к застывшему Херберту и осторожно, стараясь не потревожить сон сибера, снял с его шеи карабин "Клинч" и еще какое-то оружие с коротким восьмигранным стволом.

– Что ты имел в виду, когда сказал, что это оружие – армейское? – Яр приподнялся.

– А какие тут могут быть толкования? – ответил Ларс. – В каждом городе есть своя армия. Об этом замалчивают, но это особо и не скрывается. Или ты не слышал?

– Слышал, – неуверенно сказал Яр. – Но я думал, что это неправда. Как истории про живущих под землей троллей.

– Это правда, – сказал Ларс. Он перешагнул через рельсы и быстрым шагом двинулся к стоящим в отдалении колесным вагонам, отдаленно похожим на кабины монорейла. Оружие, висящее на локте согнутой руки, тяжело болталось и бряцало. Пройдя метров двадцать, Ларс приостановился, обернулся и громко сказал:

– И про армию – тоже правда.

Яру показалось, что он улыбается.

* * *

С того момента, как Ларс скрылся за прогнившими вагонами, прошло минут тридцать – и Яр начал беспокоиться. Он уже расправился с солеными чипсами и с шипучим энергетиком, сжевал сладкий батончик из своих запасов – еда несколько отвлекла от тревожных мыслей.

Он уже не мог лежать; теперь он сидел, вытягивая шею и озираясь по сторонами. На коленях его покоился карабин. Извлеченная из сумки бутылка с остатками тоника жалась к бедру. Яр постоянно к ней прикладывался – от переживаний у него сохло горло.

– Куда ты запропастился? – бормотал он под нос, пытаясь углядеть хоть какое-нибудь движение под днищами тесно сомкнувшихся вагонов. Было их тут никак не меньше десятка. Когда-то вагоны были выкрашены в зеленый цвет – на это указывали облетающие чешуйки полинявшей краски. Но ржавчина перекрасила металлические бока в свой грязно-рыжий цвет, а местами и вовсе проела металл насквозь.

В одной из ржавых дыр Яру и почудилось какое-то шевеление. Он приподнялся и помахал рукой, решив, что это возвращается Ларс. Движение повторилось в соседней прорехе, потом нечто темное мелькнуло в разбитом окне – кто-то медленно брел по вагону.

Но Ларс ли?

Яр вовремя вспомнил о банде проволочников и, опустив руку, бросился на землю. Он распластался меж рельсов, не обращая внимания на жесткие бетонные грани, врезающиеся в ребра. Медленно подтянул к себе карабин, перевел рычажок переключателя в третье положение, заглянул в приближающую трубку прицела. И вспомнил о торчащем посреди дороги Херберте.

Разбудить? Приказать ему лечь?

А если тот снова начнет болтать?

Яр перекатился на бок, посмотрел назад. Обвешанный оружием сибера явно не вписывался в окружающий пейзаж.

Тихонько ругнувшись, Яр вновь заглянул в прицел. Палец его сам лег на прохладный изгиб спускового крючка, плечо плотно прижалось к прикладу, и Яру невольно вспомнились слова Ларса: “с такими штуками убивать очень легко...”

Он повел карабином, не отрываясь от прицела.

Гнилой металл, облезающий зелеными чешуйками, разбитые окна, мутные стекла – всё это было совсем рядом.

И живая тень, приостановившаяся в развороченных дверях вагона...

Нет, это не Ларс...

Яр еще крепче вжался в землю. Ржавая пыль лезла в его раздувающиеся ноздри, он задыхался, ему не хватало воздуха.

Тень была отлично видна и без оптики.

Это был не проволочник.

Это вообще не человек был.

Это был хурб.

* * *

Путей, ведущих за город, было, наверное, множество. Но Ларс знал только четыре. Три маршрута ему показал учитель Димитр, четвертый он проложил сам. Именно по четвертому маршруту они сейчас и двигались.

Ларс не ходил этой дорогой вот уже несколько лет. Кое-что уже забывалось, но старые, малозаметные для непосвященного человека метки не давали сбиться с пути.

Ларс поднял голову и посмотрел на водонапорную башню с прилепившейся к боку лестницей. На самом её верху, там, где крепились стальные тросы растяжек, белел крест, перечеркнутый тонкой волнистой стрелкой.

У основания башни была закладка...

И вновь Ларс подумал о том, что пора бы ему составить подробные карты маршрутов. Вспомнил, что давно хотел отыскать помощника, надеялся даже, что нашел подходящую кандидатуру в лице Гната.

Но Гнат погиб, не добравшись до места встречи. Вместо него пришел Яр – парнишка, вроде бы, неплохой, но пугливый и бестолковый, без стержня внутри. Удивительно, что он вообще жив остался. Еще и говорит, что зарезал нескольких хурбов. Не врет, вроде бы...

Ларс ногами расшвырял груды мусора, под которой скрывался ведущий в коллектор люк. Приподнял тяжелую крышку, сдвинул ее в сторону – и отвернул лицо от волны теплого смрада, вырвавшегося из-под земли.

Подождав, пока дурной воздух немного рассеется, Ларс сел на край люка и посветил вниз. Вода на дне коллектора слабо флюоресцировала и пузырилась – кажется, раньше такого эффекта здесь не наблюдалось.

Согнувшись, Ларс подышал застоявшимся подземным воздухом. Признаков отравления он не почувствовал и, осмелев, спрыгнул в неглубокий колодец.

Он не собирался задерживаться здесь надолго. Убедившись, что за время его отсутствия тайник никем не посещался, он обновил съестные запасы, сложил трофейное оружие в глубоководную сухую нишу, где хранились законсервированные батареи, световая граната и два коммуникатора: один с приличной суммой на счету, другой с куда более ценной информацией – зашифрованной, конечно же. Черным маркером отметил на стене день и время своего визита, вывел имя своего подопечного, расписался.

Выбравшись наружу, Ларс несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, вентилируя легкие – мало ли какая гадость могла оказаться под землей. Он посидел немного, катая по ладони цилиндрический флакончик с оранжевыми таблетками и прислушиваясь к собственным ощу-

щениями. Решил, что никакой заразы подхватить не мог – здесь, всё же, не внешнее кольцо – и убрал лекарство в карман. Потом плотно закрыл люк и забросал, замаскировал его мусором. Подождав, пока осядет пыль, он еще раз внимательно осмотрел завал и удовлетворенно кивнул.

Даже если поблизости окажется человек, он не заподозрит, что здесь скрывается нечто ценное.

Ларс закинул полегчавшую сумку за плечо, повесил карабин на шею и, насвистывая привычавшуюся мелодию из репертуара Херберта, двинулся в обратный путь.

* * *

Еще один хурб появился из черного туннеля – Яр заметил его случайно, когда в очередной раз повернулся посмотреть на торчащего посреди дороги сибера. Мгновением спустя он увидел и другую зловещую фигуру – невесть откуда взявшийся хурб под номером три стоял на плоской крыше жмущегося к бетонному забору строения.

Яр тихонько выругался и припал щекой к земле. Он старался не смотреть в сторону обнаруженных хурбов. Ему казалось, что те могут почувствовать его взгляд. Пока же они будто и не подозревали о затаившемся на рельсах человеке.

“Возможно, их пугает оружие, – пришла ясная мысль. – Может быть, они дожидаются своих товарищей, чтобы напасть вместе”.

Он не выдержал, глянул быстро на хурба, что стоял в дверях вагона.

Тот так и не двинулся. Стоял, как стоял, – безликая контрастная тень, одинаковая, с какой стороны ни посмотри. И как это только у них получается?

Яр крепче сжал приклад карабина.

“...такими штуками убивать очень легко...”

“...шея – их слабое место...”

Нет, сейчас стрелять нельзя. Тогда уж точно выдашь себя.

Почему они не двигаются? Чего ждут?

Куда запропастился Ларс? Что если хурбы расправились с ним?

Сколько еще тут лежать? Может, пора уносить ноги?

Яр прикусил губу. Рот наполнился кровью, но боли не было.

Надо уходить! Ползком, тихо.

Выждать несколько секунд – и уползть...

Он медленно сосчитал до десяти. И не пошевелился. Повторил счет, дав себе твердое слово сдвинуться с места, – и остался на месте.

Предпринимать что-либо было слишком страшно.

Яр уткнулся лицом в пахнущую железом землю и, кажется, беззвучно заплакал. Он потерял ощущение времени, он впал в странное оцепенение. И только звук тяжелых приближающихся шагов привел его в чувство.

Он встрепенулся, вскинулся, выставив перед собой оружие. Понял вдруг, что не переключил режим стрельбы на более подходящий, и заскреб пальцами по гладкому боку карабина.

– Ты чего это?! – оторопело воскликнул приостановившийся Ларс. – Ошалел?!

Яр, наверное, целую минуту тупо смотрел на возвратившегося проводника. Пальцы его скребли и скребли ложе карабина, пытаясь зацепить переключатель режимов. Потом Яр опустил глаза – флажка переключателя под пальцами не было, он находился с другой стороны.

– Заснул, что ли? – спросил Ларс, заметив просветление в чумных глазах спутника. – Ну, напугал ты меня!

– Хурбы... – Яр опустил ствол. – Хурбы здесь...

Руки Ларса дернулись к висящему на груди карабину. И тут же опустились – что проку от оружия, если враг невидим?

– Ты уверен? – спросил Ларс, опускаясь на одно колено.
– Да. Один в тоннеле. Другой в вагоне. Третий на крыше будки. – Яр не показывал на хурбов, даже не кивал в их сторону.
– Они стоят?
– Да. Не шевелятся.
– Они тебя видят?
– Я не знаю.
– Какое расстояние до ближайшего?
– Сто метров или больше.
– Давно они здесь?
– Не знаю... Что мне делать?
– Прежде всего, успокоиться. Не паниковать. Не показывать, что ты их видишь.
– Я стараюсь.
– Молодец... Теперь нам надо будет подняться. И уходить, не обращая на них внимания.
– Я боюсь.
– Я тоже. Но других вариантов у нас нет. Вот если они кинутся, тогда стреляй.
– Шея их слабое место.
– Я помню. Но я их не вижу. Так что вся надежда теперь на тебя...
Ларс поднялся первым, протянул руку побледневшему подопечному. Шепнул:
– Давай скорей. Через два километра начнется внутреннее кольцо, промышленная зона.

Хурбы туда не заходят.

Яр кивнул и встал.

– Если со мной что-то случится, – быстро проговорил Ларс, – иди по знакам. – Кивком головы он указал на один из вагонов, на стене которого черной краской был намалеван неровный вытянутый треугольник.

– Острый угол обозначает направление. Чем длиннее треугольник, тем дальше нужно идти до следующего. Это понятно?

– Да.

– Может, и выберешься сам, – сказал Ларс, но в голосе его особой уверенности не чувствовалось. – Эй, Херберт! – Он быстро повернулся к сиберу. – Поднимайся, нам пора выходить.

– Я Херберт. – Силиконовые губы разошлись в привычной улыбке. – Я готов. А хотите, я расскажу вам смешную историю?

– Заткнись! – Ларс и Яр рывкнули одновременно.

Херберт икнул и умолк. Но ненадолго. Он выпрямился, осматриваясь, тряхнул оружием, медленно поднял правую руку, вытянул один палец из четырех имеющихся и спокойно сказал:

– Демоны.

Палец его указывал точно на черную фигуру, застывшую в двери вагона.

Яр, будто зачарованный, уставился на обнаруженного хурба. Ларс выругался и повис на руке сибера, пытаясь ее опустить.

– Демоны здесь, – повторил улыбающийся Херберт. Лево́й рукой он ухватил одно из болтающихся на нем оружий и легко сорвал его с ремня. – Будет бойня, – доверительно сообщил он, осторожно отстраняя сопротивляющегося Ларса и пытаясь заслонить его собой.

Хурб шевельнулся.

Яр поспешно отвел от него взгляд, понимая, что только что совершил чудовищную ошибку, и холодея от осознания этого. Он обернулся, посмотрел на дыру туннеля и увидел, как из глубокого мрака одна за другой выступают зловещие черные фигуры.

А потом за бетонным забором послышались голоса.

* * *

Борис Саппер, больше известный как Узкоглазый Бор, вымотался настолько, что даже ругаться уже не мог. Он брел в самом хвосте сильно растянувшегося отряда и угрюмо мечтал поскорей вернуться домой. По сторонам он не смотрел, с товарищами не разговаривал. Железная дубинка давно уже стала неудобной обузой – он не выкидывал ее лишь потому, что боялся гнева Хама.

А Проволочник совсем обезумел. Ну зачем он попёрся в старинные развалины, бросив на подступах всю технику? Что ему надо от этих беглецов? Огнеметательный танк они оставили – взять бы его на буксир, оттащить домой и успокоиться на этом. Но нет, Хам не таков! Хам, видите ли, не намерен упускать обманувших его чужаков!

Ну и как долго будет длиться это преследование?

Хам вконец ополоумел, правду люди говорят. То демоны ему какие-то мерещились. Теперь он, бросив всё, безоглядно бросился в никому не нужную погоню. Что дальше-то будет?

Не пора ли проволочникам перестать быть проволочниками? Новый лидер – новое название, новая жизнь...

Борис Саппер споткнулся, выронил дубинку. Присел на каменный обломок, высморкался, вытер пальцы о штанину.

– Не отдыхать! – рядом возник один из приспешников Хама. В руках – боевой ствол, кажется, скорострельный “Пак”, произведенный в Носибе.

И где только Хам добывает армейское оружие? Снабдил им своих старых приятелей, а остальных не позаботился: обходитесь, мол, как и раньше дубинами и пиками. Его бы самого заставить с такими первобытными орудиями идти в атаку! На тот же самый огнеметательный танк, к примеру...

– Я запнулся просто, – сказал Бор, потирая ногу. – Сейчас встану.

– Палицу подбери, – велел откормленный приспешник и отступил.

Борис вздохнул.

По узкой тропке мимо него брели такие же усталые и злые проволочники. Алхаз, Влад, Нино, Григ, Устам – все с дубинками и длинными ножами, пропылившиеся, пропотевшие. Большинство из них родились на окраинах, им такое существование привычно. А он не такой, он еще помнит настоящую, достойную человека жизнь.

Борис подобрал дубинку. Буркнул под нос:

– Как дикарь.

– Что? – возле него приостановился Хайл – невысокий крепкий мужичок, с которым они часто пересекались на ночных дежурствах.

– Говорю, мы тут как дикари.

– А, – понимающе кивнул тот и убавил громкость вставных наушников, предлагая тем самым продолжить беседу.

– Никак не могу привыкнуть, – пожаловался Бор.

– А ты не думай об этом.

– Не получается.

– Вот возьми мои запасные. Должно помочь. – Хайл протянул ему крохотные музыкальные вкладыши с логотипом “Твинз”.

Дальше приятели шагали вместе, слушая речитативы чернокожего Свена Ломана.

Вскоре дорога уткнулась в завалы. Хам позволил отряду чуть передохнуть, поджидая отставших. Пошли слухи о скором возвращении, и это несколько подняло настроение людям. Кто-то запалил костер, кто-то подключил к развлекательной сети переносной медийник, кто-то взялся обносить знакомых конфетами – отмечал день рождения. Но веселья не получилось:

минут через двадцать вернулись разведчики, доложили Хаму, что по ту сторону завалов находится брошенная рельсовая дорога, сказали, что видели издалека подозрительное движение возле старой водонапорной башни.

Пришлось лезть на груды искореженной арматуры, гнилого железа и бетонных обломков.

Пришлось перебираться через осыпающие стены старинных построек.

Пришлось резать проволоку и спутавшиеся кабели, которые могли быть под напряжением...

“Если мне тяжело, я глотаю огонь и иду веселиться, взяв тебя за ладонь”, – пел Свен Ломан в наушниках “Твинз”.

Борис Саппер помогал коротконогому Хайлу перелезть через очередное препятствие, а потом и сам, взявшись за чью-то ладонь, карабкался на вывороченную, но не упавшую бетонную плиту...

Они всё же настигли беглецов. Те стояли посреди рельсовой дороги, обнесенной забором. С ними был антропоморфный сибер – самый обычный сибер-друг, какие ухаживают за слабеющими умом стариками.

Но этот сибер был обвешан оружием. В левой руке он держал пулемет “Гринго”, прославленный во многих популярных боевиках, а правой указывал на полуобрушенное отверстие тоннеля.

Беглецы тоже были вооружены.

Оттого и возникла небольшая заминка: перелезшие через стену проволочники не спешили расставаться с жизнью.

А потом началось страшное...

* * *

Появление банды проволочников произвело на Яра куда меньшее впечатление, чем явление хурбов. Он даже не испугался, тем более, что вооруженные оборванцы не спешили нападать; они протискивались через щели в бетонном заборе, перелезали через плиты и собирались в аморфную неорганизованную толпу. Чувствовалось, что они пребывают в осторожной нерешительности.

Но всё изменилось, когда с забора на землю прыгнул Хам.

– Живыми! – проорал он, вонзившись взглядом в замерших беглецов. – Взять их живыми!

– За мной! – крикнул Ларс. Он сильно пригнулся, втянул голову в плечи и кинулся бежать. Яр бросился следом.

Вмиг осмелевшие проволочники взревели. Толпа рассыпалась.

– Не стрелять! – проревел Хам, вытаскивая из-за спины огромный нож и потрясая им в воздухе. – Привести их ко мне живыми!

Его голос заглушил сухой громкий треск – Яр сперва решил, что это где-то что-то ревется, но, обернувшись, он увидел, как многие преследователи валятся на землю. Он увидел цепь коротких светлых черточек, стремительно летящих в сторону туннеля. Увидел, как дрожит в вытянутой руке Херберта массивный многоствольный пулемет.

Ларс пригнулся еще ниже, ноги его заплелись, и он покатился по земле, яростно ругаясь.

Треск на секунду прекратился. Холодно улыбающийся Херберт медленно поворачивался. Свободная рука его стягивала с шеи еще одно массивное орудие.

– Он защищает нас! – воскликнул пораженный Яр.

Хам вопил что-то дикое и неразборчивое. Залегшие проволочники поднимали головы, кто-то уже вставал, отряхиваясь.

– Нет, – откликнулся Ларс. – Он метится не в них. – Проводник, морщась, растирал колено. Нога сильно болела, и он не был уверен, что сумеет бежать дальше.

Треск возобновился – огненные строчки рвали стены вагонов.

– Он стреляет по хурбам, – пояснил пытающийся подняться Ларс, и Яр увидел, что это действительно так.

Черные фигуры медленно выбирались из тени на свет. Их становилось всё больше, и сосчитать их было уже невозможно. Оружие в руках сибера тряслось, огненные черты впились в бетон и пронзали металл, высекая искры. Но лишь один хурб замер, сраженный выстрелом, и медленно, будто тая в воздухе, осел на землю.

– Но он же не попадает, – пробормотал Яр. – Он не может в них попасть!

– Значит, стрелок из него плохой, – угрюмо ответил Ларс. – Что неудивительно. Он все-таки сиделка, а не солдат.

Ларс повесил карабин за спину, повернулся лицом к проволочникам. Сильно прихрамывая, сделал им навстречу четыре шага, и прокричал, сложив ладони воронкой у рта:

– Хам! Твои демоны здесь! Чужаки, которых ты боялся, пришли за тобой!

Стрельба опять ненадолго прекратилась. Херберт осматривался.

– Хам! Оглядишься! Демоны вокруг! Твои демоны!..

* * *

Борис Саппер дышал ржавой пылью. Ему казалось, что пули свистят у него над головой и бьют по рельсам в метре от него. Слева хрипел кто-то из товарищей – вполне возможно, что раненный. Сзади надрывался Хам Проволочник, вопил, что опасности нет, что Херберт свой и никого не тронет, требовал немедленно доставить ему проклятых беглецов.

Херберт? Видимо, так зовут этого чокнутого сибера-друга, поливающего окрестности из двух пулеметов.

Борис набрался смелости, чуть приподнял голову и глянул на взбесившегося сибера.

– Вставай! – кто-то пнул его по ноге, и он тут же втянул голову в плечи. – Поднимайтесь, трусы!

Приспешники Хама, его верные телохранители, не обращая внимания на поток пуль, обходили разлегшихся рядовых проволочников, пинками и угрозами напоминая им о неоконченном деле.

– Ну, чего тут растянулся? Поспать решил?

Его ухватили за шиворот, дёрнули – и он был вынужден встать на четвереньки. Хрипящий сосед уже поднялся в рост, теперь он натужно откашливался, сплевывая на землю серые комки мокроты. Глядя на него, поднялся и Борис. Теперь он видел, что сибера палит в сторону, в пустоту, бестолково переводя боекомплект, а остановившиеся в отдалении беглецы и не думают открывать огонь из своих карабинов. Приободрившийся Борис вспомнил, что эти двое пришли из города, подумал, что они, возможно, не умеют обращаться с оружием. Но скорей всего у них просто не хватает духу стрелять в человека. Не каждый, всё же, способен на смертоубийство. Даже среди проволочников много таких, кто не запачкал руки кровью. Бор и сам-то лишь однажды лишил человека жизни – да и то, можно сказать, случайно.

Борис отряхнулся и подобрал закатившуюся под рельс дубинку. Он никуда не спешил, как и остальные его товарищи. Проволочники видели, что беглецы дальше бежать не собираются, и потому не форсировали события. Переглядывались, расходились в стороны, растягиваясь цепью и высматривая укрытия, за которыми в случае чего можно будет спрятаться. Выжидали.

Один только Хам не мог успокоиться. Он распалялся всё больше и больше, выкрикивал что-то угрожающее и требовательное. Но вперед не лез, предпочитая оставаться за спинами своих людей.

Один из беглецов, тот самый, что однажды уже обманул Бориса и воткнул ему в шею иглу станнера, развернулся и, заметно прихрамывая, двинулся на преследователей. Бору даже показалось, что Ларс – кажется, этим именем назывался чужак – идет прямо на него.

– ...демоны здесь... пришли за тобой...

Хам наконец-то умолк.

Перестал стрелять в белый свет чокнутый сибер.

Второй беглец опустил на одно колено, поднял карабин к плечу, медленно повел стволом слева-направо, словно цель выбирая.

Борис сглотнул. В животе сделалось холодно, а по голове будто кто-то шершавой ладонью провел.

– Оглянись! Демоны вокруг! – сложив ладони коробочкой возле рта, кричал Ларс. – Твои демоны!

Борис разгадал коварный замысел врага и, обернувшись, с тревогой посмотрел на Хама. Худшие опасения его подтвердились: предводитель был бледен и растерян. Он затравлено озирался и дрожащей рукой творил вокруг себя божьи знаки.

– Это тебе не поможет! – продолжал кричать беглец. – Оставь нас и уходи, пока не поздно! Возвращайся домой!

Хам бросился в сторону и будто на что-то наткнулся. Взгляд его сделался совсем диким. Он махнул кинжалом, рассекая нечто невидимое, завопил истошно:

– Все ко мне! Назад! Ко мне!

Сибер снова открыл пальбу. Но уже через пару секунд пулеметы вхолостую застучали затворами – химические патроны кончились. Сибер непонимающе уставился на дымящиеся стволы и разжал четырехпалые ладони, выронив бесполезное оружие.

Тихо щелкнул карабин в руках второго беглеца. Целью, явно, был избран Хам, но стрелок из горожанина был скверный, и стальная дробина прошла мимо.

– Сюда! Все сюда! – кричал Хам, не обращая внимания на следящий за ним прицел. – Демоны! – Предводитель проволочников сражался с воображаемыми невидимками. Бегал от них, отмахивался кинжалом, уворачивался. Кто-то из проволочников неуклюже пытался ему помочь. Кое-кто даже делал вид, что отбивается от атакующих демонов – всем известно, что с сумасшедшими лучше не спорить.

Опять щелкнул карабин. Разогнанная электрическим импульсом дробина ударила в железный столб.

Хам подавился криком. Незримая сила вдруг отшвырнула его метра на три в сторону. Он упал на Бориса, сшиб его с ног, цепко схватил за руку.

– Помоги мне! Помоги!

Борис вырвался, отполз назад, стараясь не смотреть на обезумевшего командира.

– Вон же они! – хрипел Хам, обращаясь к своим людям. – Вот они! Почему вы их не замечаете?! – Он с трудом поднялся, закружился на месте, тыча перед собой кинжалом, указывая на что-то, видимое лишь ему одному:

– Вот же! Вот!

Кожа на его лице лопнула, кровь плеснула на одежду. Хам покачнулся, схватился за чье-то плечо, удержался, не упал.

– Демоны! – Острие кинжала воткнулось в воздух, рукоять вывернулась из ослабевших пальцев. Но кинжал, к изумлению всех присутствующих, не упал. Он повис без всякой опоры, запрыгал в воздухе.

– Демоны! – обезоруженный Хам пятился, выпученными глазами уставившись в держащую клинок пустоту. – Я вижу вас! Я вас вижу!

Едва заметная тень скользнула между Хамом и Борисом. Выстрел карабина отшвырнул ее в сторону – и она с тихим вздохом опустилась на землю, плавно и легко, будто обрывок тончайшей ткани.

Борис вскрикнул.

– Демоны... – хрипел Хам, тыкая пальцем в сгущающиеся вокруг него тени. – Демоны...

Борис запнулся, повалился назад, ударился затылком. Черная, закутанная в плащ фигура, проплывая мимо, коснулась его колена. Он отдернул ногу. Фигура повернулась к нему, не меняя положения, – это выглядело очень странно.

– Демоны, – шепнул Борис.

Хам упал. Из обрубка левой руки хлестала кровь.

– Призраки, – удивленно сказал кто-то рядом. И захрипел, заклокотал перебитым горлом.

Борис что было сил метнул дубинку в нависшую над ним тень. Он слышал удар. Он видел, как отшатнулась размытая фигура. Он ликующе закричал, вскочил на ноги, пнул демона в пах – или что там было у демона?

– Демоны! – крикнул он, подхватывая общий уже клич. – Демоны!

Он вспрыгнул на небольшую платформу, схватился за свитую петлей гнилую трубу, выпрямился и только теперь увидел, сколько незримых врагов собралось на железной дороге, окруженной бетонным забором.

Черная фигура выросла у него за спиной. Почувствовав опасность, Борис повернулся и уткнулся лицом во что-то липкое и холодное. Рефлекторно сжал зубы, дернул головой, отрывая кусок этой лезущей в рот мерзости. И упал на колени от сильного удара в висок.

Он умер, обнимая свитую петлей трубу, хватаясь за нее и пытаясь по ней подняться.

Пока он умирал, черный призрак неподвижно стоял над ним.

Они были точно памятник на бетонном постаменте. Выразительный скульптурный ансамбль.

Но далекий выстрел карабина разрушил выстроенную композицию.

* * *

Яр сбил хурба, стоящего на бетонном возвышении, и оторвался от прицела.

Руки его дрожали.

– Попал? – спросил Ларс, глядя совсем в другую сторону.

– Да, – ответил Яр.

– В хурба? – решил уточнить проводник.

– Да.

– Убил?

– Наверное.

– Сколько их там еще?

– Не знаю... Много...

– А проводочников?

– Посмотри сам, – раздраженно ответил Яр. – Их-то ты видишь.

Ларс промолчал. Сейчас он боялся поворачиваться лицом к врагу. Боялся разглядеть черных призраков среди обычных людей. Ларс много лет водил хурбов за нос, но он не сомневался, что стоит ему однажды их увидеть – и тогда они его достанут, какой бы хитрой ни была его маскировка.

– Пойдем, – распорядился Ларс, забрасывая ненужный в данный момент карабин за спину и поправляя сумку. – Они заняты друг другом, так что не будем им мешать.

– Но как же? – растерялся Яр. – А люди?

– Сомневаюсь, что ты сумеешь им помочь... А впрочем, как знаешь. Думаю, выжившая сторона найдет, как тебя отблагодарить. Но лично я этого видеть не хочу.

Ларс отшвырнул ногой оказавшийся на пути ржавый болт и решительным шагом двинулся прочь.

– погоди! – воскликнул Яр, медленно пятясь и высматривая, не направится ли к ним кто-то из хурбов. – А как же Херберт?! А твое оружие?!

– Учись жертвовать малым, чтобы выиграть главное, – назидательно проговорил Ларс, ускоряя и без того скорый шаг.

Яр в последний раз окинул взглядом происходящее на рельсах избиение и, развернувшись, побежал догонять удаляющегося проводника.

Позади часто захлопали выстрелы – это Херберт, окруженный хурбами, наконец-то догадался сменить оружие.

Глава 10

– А ты молодец, – сказал Ларс, утираясь рукавом. – Не ожидал от тебя, честно говоря. – Он пригладил мокрые волосы ладонью.

– Ты это о чем? – рассеянно спросил Яр, с отвращением выковыривая грязь из-под неприлично отросших ногтей.

– Да вообще... Как ты хурбов отстреливал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.